

При
блеске дня,
во мраке
ночи

РАССКАЗЫ ОБ ИНДИЙСКИХ ГОРОДАХ

1 p.

ПРИ БЛЕСКЕ ДНЯ, ВО МРАКЕ НОЧИ

РАССКАЗЫ
ОБ ИНДИЙСКИХ
ГОРОДАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1980

И (Инд)

П75

Перевод с хинди

Составитель

В. А. ЧЕРНЫШЕВ

Ответственный редактор

И. Д. СЕРЕБРЯКОВ

П75 При блеске дня, во мраке ночи. Рассказы об индийских городах. Пер. с хинди. Предисл. И. Д. Серебрякова. Худ. Э. С. Зарянский. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980.

191 с.

Сборник рассказов ведущих индийских прозаиков (в том числе Кришана Чандара, Ходжи Ахмада Аббаса, Мохана Рамеша) о жизни людей в крупнейших городах Индии: Дели, Бомбее, Калькутте, Бенаресе, Лакхнау и других. Повествуя о смешном и грустном, тоскливо-безысходном и уныло-обыденном, обо всем, что составляет жизнь горожанина (или того, кто стал им поневоле), рассказы содержат точные приметы города, где происходит действие. В них раскрывается облик индийских городов, специфические черты социальной жизни, повседневного быта, описываются исторические памятники.

П- $\frac{70304-187}{013(02)-80}$ 187-80. 4703000000

И (Инд)

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Индийские города просыпаются рано, засыпают — очень поздно, уже так поздно, что пора просыпаться. Очень они разные, индийские города, и своим возрастом, и обликом, и населением. Вот раскинулся вдоль берега Джамны величественный Дели, столица Республики Индии. Его история уходит в туманные дали тех времен, о которых повествует великий индийский эпос «Махабхарата». Прихотливая и непокорная Джамна не раз на протяжении тысячелетий заставляла кочевать древний Хастинапур, пока не осела столица страны именно на нынешнем месте. Здесь, в Дели, над Красным фортом, цитаделью, выстроенной правителями династии Великих Моголов, 15 августа 1947 г. взвился государственный флаг независимой Индии.

Не менее древен Бенарес, высящийся на берегу священного Ганга (в индийской традиции Ганг — женского рода), город множества храмов и несметных толп паломников, нищенствующих и туристов со всех концов света, город, овеянный ореолом святости, — ведь всякий, кто кончает в его пределах свои дни, по поверью, непременно попадает на небеса, а омывшийся в водах Ганга избавляется от грехов. Не менее, чем Бенарес, свят Аллахабад, древний Праяг, стоящий у слияния Джамны и Ганга, привлекающий раз в четыре года на праздник кумбхмела многие миллионы паломников.

По сравнению с Дели, Бенаресом, Аллахабадом и их ровесниками такие города, как Бомбей, Мадрас и Калькутта, представляются совсем молодыми — они выросли из английских торговых факторий и военных укреплений. Подумать только — вся цена острову, на котором стоит Бомбей, была в свое время определена в шестнадцать с половиной (!) фунтов стерлингов. Ныне общая сумма капиталов, командующих отсюда значительной частью индийской экономики, составляет сотни миллиардов рупий.

Недаром на протяжении колониального господства англичан все официальные документы помечались, например, не Мадрасом, а фортом Сент-Джордж, не Калькуттой, а фортом

Вильям. Военная сила расчищала дорогу силе торговой, в конце концов восторжествовавшей и рядом с выросшими в землю старыми укреплениями понастроившей высотные крепости банков и монополий. Финансово-промышленные центры Калькутты и Мадраса соперничают с бомбейскими, ведут междоусобную войну, всякий поворот которой болезненно отзывается не только на миллионах тружеников, работающих непосредственно на них, но и на всем многомиллионном населении страны.

Все чаще стали появляться за время независимости на карте Индии города, светлые и чистые, растущие вместе с гигантскими предприятиями государственного сектора в Бхилаи, Ранчи, Нейвели, Бокаро и других, где средоточием жизни становятся творческие усилия рабочих и инженеров, направленные на создание тех материальных ценностей, которые способны обеспечить всесторонний прогресс страны и ее народа.

Именно эти города наиболее ярко символизируют великий исторический процесс преобразования страны, начатый индийским народом 15 августа 1947 г. Но каковы бы ни были внешние приметы индийских городов, выросших в стране до этой даты, как бы ни были сильны в них контрасты, оставшиеся в наследство от колониальной поры, в каждом из них бережно сохраняется память о героических битвах народов Индии за независимость — Майдан в Калькутте, громадная площадь, место миллионных митингов и демонстраций; величественный беломраморный обелиск на берегу Гомти в Лакхнау, памятник героям национально-освободительного восстания 1857—1859 гг.; площадь Джалианвала-баг в Амритсаре, украшенная ныне стелой из красного песчаника, словно пропитанной кровью нескольких тысяч участников митинга, расстрелянных в упор пулеметчиками генерала Дайера 13 апреля 1919 г.; улицы, площади и набережные Бомбея, видевшие многочисленные выступления тружеников города за свои права и восстание индийских военных моряков в феврале 1946 г., прозвучавшее как смертный приговор колониализму.

Каково бы ни было прошлое, за последние годы города Индии переживают бурное развитие, и одной из его примет стало обрастание старых городов многочисленными спутниками или же устремление ввысь их центральных районов. В знойном мареве, окутывающем старую обсерваторию Джантар-Мантар в Дели, угрожающе нависают над ней многоэтажные громады монополистических концернов и транснациональных

корпораций. Если раньше, приближаясь с моря, турист видел гармоничный пейзаж старого Бомбея, то сейчас над городом густеет частокोल многочисленных небоскребов, роскошных гостиниц, деловых контор. Растет вверх и Калькутта, тянутся к небу и другие города.

Но никакие высотные сооружения, какими бы сверкающими они ни были, не в состоянии затмить память о героической борьбе за свободу или заслонить хотя бы одну из тех жгучих проблем, которые неизбежно встают перед индийским народом, внутренних и внешних, политических и экономических, тесно переплетающихся друг с другом. Эти проблемы отражаются самым непосредственным образом на повседневной жизни народа — на мировом рынке подскочили цены на нефть, значит, за муку для лепешек нужно будет платить дороже: зерно нужно везти с поля на мельницу, оттуда на склад, со склада в магазины, и все это на грузовиках, хозяева которых будут компенсировать рост цен на горючее повышением тарифов на перевозки. А все прочее, что нужно людям? И цены растут, и борьба против роста цен сливается с политической борьбой, и многотысячные демонстрации идут по старым и новым улицам индийских городов, разливаются по площадям, выражая требования масс упрочить экономическую независимость, решить насущные социальные проблемы.

Все это в пестром многообразии проблем и событий, общей картины и деталей отражается и в печатном слове, будь то газета или журнал, роман или очерк, повесть или рассказ.

Борьба нового со старым, с пережитками феодальных и колониальных времен, с непрекращающимися попытками внешней и внутренней реакции остановить поступательное развитие индийского общества, затормозить демократический процесс приобретает в сегодняшней Индии острые формы. Политики, публицисты и историки пишут летопись этой борьбы. Наряду с этим она в яркой эмоциональной и образной форме запечатлевается в творчестве индийских писателей, создавших впечатляющие рассказы о жизни индийских городов с точки зрения не сторонних наблюдателей, а с позиции соучастников этой жизни.

В предлагаемом вниманию читателя сборнике публикуются немногие из подобных зарисовок. Они принадлежат крупнейшим писателям современной Индии, имена которых в большинстве своем уже известны советскому читателю. Среди них — Ходжа Ахмад Аббас, которого с полным правом можно было бы назвать летописцем Бомбея — на протяжении многих

лет он вел в газете «Бомбей кроникл» рубрику «Последняя страница», отражавшую самые злободневные события в жизни города и всей страны. Кришан Чапдар — один из виднейших прозаиков современной Индии, певец простых людей, блистательный мастер короткого рассказа. Амритрай — прекрасный новеллист и сатирик. Мохан Ракеш — драматург и новеллист, глубоко знающий жизнь индийской столицы. Амритлал Нагар — романист, живущий в Лакхнау, прославленный освободительной борьбой и культурными традициями. Бхишам Сахни — глубоко лиричный и проникновенный прозаик, генеральный секретарь Всеиндийской федерации писателей. Близки им по характеру творчества Вирендра Кумар Джайн, Камалешвар, Праяг Шукла. Все они чутко реагируют на любое проявление социальной несправедливости и в этом смысле продолжают реалистическую традицию великого Премчанда, положившего начало революционному преобразованию индийской литературы.

Для авторов произведений, включенных в сборник, не было никакой нужды измышлять трагические или драматические ситуации, легшие в основу их рассказов и очерков, поскольку сама жизнь, в ее повседневном течении, предлагала им эти ситуации. Именно поэтому они и реалистичны в своих повествованиях, и ироничны по поводу тех, кто пытается уйти от реальной действительности в область романтической идеализации. Острейшие социальные противоречия — не вымысел писателей. Социальные полюсы индийских городов противостоят друг другу на каждом шагу, при свете ли дня, во мраке ли ночи.

«Ночь — воплощение подлинной гармонии», — иронизирует Мохан Ракеш по поводу расхожих, шаблонных писаний, лакирующих действительность. Для многих рассказов сборника характерно обращение именно к ночной жизни крупных индийских городов. Почему? Да потому что в ночной мгле оказываются наиболее ярко высвечены подлинные, а не иллюзорные конфликты, и те, кто при свете дня выглядят вполне пристойными, ночью, полагая, что она все скроет, раскрывают свой действительный облик, свидетельствующий о распаде личности, растлеваемой непрестанной погоней за наживой.

Со страниц рассказов сборника перед нами предстают действительные картины городской жизни. Вот Дели — со спящими на траве Рамлила-граунд бездомными, с золотой молодежью и ее ночными развлечениями, с лоточниками, уснувшими там же, где торговали, с неоновыми рекламами иностранных и

индийских фирм, с разговорами в чайных и кофейнях на любую тему — от политики до литературы, с последними слухами о местных знаменитостях. Вот Бомбей, увиденный глазами журналиста Арджуна, вся жизнь которого неразрывно с ним связана. Ходжа Ахмад Аббас показывает нам, как то, что в газетной хронике считается несчастным случаем, скрывает за собой большие социальные проблемы.

Но проблемы эти все в современности, скажет иной поклонник традиций, нужно посмотреть такой, например, город, как Бенарес, накрепко сплетенный тысячелетиями своей историей с индуизмом. Да и индуизм немыслим без Бенареса, без его храмов, без священного Ганга. Но и здесь то же чудовищное отчуждение людей, на фоне которого с особой силой выступают тягостные пережитки кастовой системы, обременяющей и сегодня повседневную жизнь индийского народа и тормозящей саму возможность его движения вперед, бессилие религии в действительном облегчении человеческих страданий. В Аллахабаде, точно так же как в Бенаресе, да и в любом другом городе, как пишет Камалешвар, «люди видят сны, будто с наступлением утра жизнь вдруг изменится». Но это magically волшебное «вдруг» не наступает, снова «паломники потянутся к Ганге совершать омовение, клерки заспешат в свои офисы, а местные писатели и поэты, с утра обосновавшиеся в кафе, будут вести бесконечные дискуссии о будущем человечества».

Не раз на страницах публикуемых рассказов появляются те, кто претендуют на положение хозяев жизни, развлекаются на фешенебельных курортах или в темных кварталах и произносят речи о правах человека и национальной морали. Писатели не чураются никаких тем, никаких деталей, и ничто не ограничивает их в выборе персонажей — пусть это будет кто угодно, например регулировщик движения, — ведь и его глазами можно увидеть подлинную правду о жизни, как бы жестока она ни была, и вместе с тем вынести ей свой приговор.

Рассказы, лежащие перед читателем, демонстрируют современное состояние этого жанра в литературе хинди. Оно мало чем отличается от его состояния в других литературах Индии. Есть у индийского рассказа несколько специфических черт. Одна из них — особенности композиции, восходящие к жанру «обрамленной повести», когда единый ли образ, единая ли идея оказываются для рассказа тем «обрамлением» или, вернее сказать, стержнем, на который навязываются события или впе-

чатления. К опыту лучших европейских мастеров этого жанра, в особенности А. П. Чехова, восходит интерес к деталям, к тем слагаемым повседневной жизни, за которыми скрыты фундаментальные общественные проблемы. Прием «непрерывного сказа», к которому иногда прибегают индийские рассказчики, способствует созданию у читателя чувства сопричастности судьбам персонажей рассказов. Сами персонажи разнообразны, но среди них преобладают те, кто профессионально может или должен наблюдать — и прежде всего журналисты; наряду с ними — гид, брахманы, судейские, рикша. Как бы «остраняя» себя, автор смотрит глазами этих людей на жизнь, точно определяя их жизненную позицию, но не утрачивая при этом своей собственной, авторской позиции.

Многообразны, многолики индийские города, в которых «новые здания чередуются со старыми... новая культура причудливо сплетается с культурой средневековья... индусская традиция сплавлена с традицией мусульманской...», в которых смешаны «поэтические образы» и «трезвый рационализм».

Рассказ о Сринагаре Кришана Чандара закапчивается словами «Где же он, скажите, где десятый мост?! Где многоцветная арка мечтаний, чаяний и надежд, что соединит нищий квартал Джаддибаль с утопающим в роскоши отелем „Пэллас“?» Эта выразительная метафора построена на том обстоятельстве, что в Сринагаре только девять мостов. И дело вовсе не в том, что нищий квартал должен быть соединен с роскошным отелем, а в том, что индийский народ ищет мост в лучшее будущее, в жизнь, достойную человека.

В порыве к ней, отразившемся в собранных здесь рассказах индийских писателей, сказались их глубокий гуманизм, тревога о судьбах их соотечественников, тех, чьими жизнями и трудом строится будущее Республики Индия. Они любят свои города, свою Родину. Они хотят видеть ее процветающей. И как раз поэтому они ведут читателя по улицам и переулкам старых и новых городов, смело указывая на то, от чего нужно избавиться на пути в лучшее будущее.

И. Д. Серебряков

МОХАН РАКЕШ

ДЕЛИЙСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Это очень нескладный город, такой нескладный, что порядка здесь нет даже в извечной смене дня и ночи. День еще не успеет закончиться, как его стремительно вытесняет ночная мгла.

Пока на землю не опустилась темнота, краски неба меняются, отражаясь в зеркале пруда, точно кто-то щедрой кистью неторопливо выводит на нем поражающий богатством красок диковинный узор. В воздухе, замирая, еще носятся вечерние звуки, а на западе уже догорает легкий, дышащий свежестью и прохладой либо, наоборот, тяжелый и сумрачный закат. Лениво плывет звон колоколов в индуистских храмах, а издали доносится басовитый фабричный гудок. Слышится затихающий птичий щебет или песня, которую негромко распевают рабочие, возвращаясь домой. И лишь после этого наступает тишина. Всюду ночь — воплощение подлинной гармонии, всюду, только не здесь. А здесь густая тьма ложится на землю, едва ты успел пристроиться в самый конец длиннющей очереди на автобус: отсидев в офисе положенные часы, ты спешишь поскорее добраться до дому, а на город уже опустился поч-

ной покров. И поэтому для местных жителей хвосты на автобусных остановках — безошибочная примета того, что рабочий день в государственных учреждениях закончен. Вслед за учреждениями закрываются магазины, а за магазинами на крепкие засовы запираются двери в жилых домах. И только тогда начинается ночная жизнь столицы — с ленивого тьяканья собак да протяжных возгласов чаукидаров¹: «Слуша-а-ай!»

Вот и слушай, ворочаясь без сна на чарпай², читай книгу, которую взял на время у приятеля, или сунь ее под подушку и покрути ручку приемника — а вдруг попадется что-нибудь интересное, — или расскажи жене обо всем, что произошло сегодня в офисе от первой до последней минуты, — лишь бы отогнать назойливо лезущие в уши визгливые голоса из соседнего дома, или разглядывай звездное небо и предавайся мечтам; а хочешь — походи по комнате, попей воды; потом укладывайся снова и принимайся подсчитывать, сколько ты израсходовал за день и кто обсчитал тебя на чае и кофе, потом прикинь в уме, сколько требуется, чтобы околпачивать других, и под конец ты придешь к выводу, что, хотя все люди — подлецы, врать и хитрить все-таки безнравственно, и под храп домашних ты сам незаметно начнешь подхрапывать, пока сон окончательно не сморит тебя.

Большинство делийских собак обычно начинают лаять с девяти и к двенадцати уже умолкают. Однако те, что стремятся доказать свою особую преданность хозяину, а также кобели, покинутые подругами, трудятся сверхурочно и надрывают глотку до часу ночи. Выдохшись, они в изнеможении валяются на подстилку и с наслаждением вытягивают передние лапы. И уже перед самым сном они еще порычат негромко либо, перекатившись на бок и держа все четыре лапы на весу, будут жалобно повизгивать, сетуя на судьбу и одиночество. Если с улицы вдруг донесется звук шагов, они чутко прислушаются, подняв кверху уши, а когда шаги затихают вдали, дыхание их становится равномерным, и они засыпают.

¹ Чаукидар — сторож.

² Чарпай — легкая деревянная кровать с веревочной сеткой.

Однако не все делийские собаки спят по ночам. Те из них, что нашли себе пристанище на Рамлила-граунд³, бодрствуют до самого рассвета. Они прибегают сюда к восьми и тут же ложатся на зеленую траву, однако и вечерняя прохлада долго не может охладить их разгоряченные тела. Они принохиваются к траве, громко фыркают и, высунув язык, часто дышат, щелкая иногда зубами, будто стараясь поймать что-то невидимое в воздухе. Потом одна за другой они потихоньку взбираются на деревянный помост, что высится за выстроившимися в ряд легкими колясками, и начинают обнюхивать ноги пришедших сюда на ночлег людей.

— А ну марш отсюда! — спросонья пыкает на них парень лет двадцати, один из тех, кому эти доски заменяют ложе. Трусливо поджав хвосты, собаки бросаются наутек. Крепко выругавшись им вдогонку, парень уже готовится принять прежнюю позу, как вдруг легкий порыв ветерка — с той стороны, где стоят коляски, — доносит до него пряный запах жасмина. Парень вздрагивает и начинает жадно водить носом. Он долго еще всматривается в темноту, но, так ничего и не обнаружив, вновь ложится, блаженно вытянув ноги.

Но едва голова его касается досок помоста, как откуда-то из темноты доносится тихое, будто шелест травы, позвякивание браслетов. Парень подскакивает будто ужаленный, глаза его, кажется, готовы выпрыгнуть из орбит, а нос не просто принохивается, но шумно вытягивает воздух, как насос. Однако вокруг снова тихо. Только со стороны Туркменских ворот слышится легкое ржание.

Он вытаскивает из кармана бири⁴ и несколько раз подряд яростно чиркает спичкой о коробок. Однако спичка как назло отсырела и не загорается. Парень негромко чертыхается. С каким удовольствием он отшвырнул бы этот проклятый коробок и прикурил угольком из костра, что разложил неподалеку какой-то возчик, а потом взял бы бамбуковую палку и разогнал всех этих собак, которые только и знают, что выть по ночам, а заод-

³ Рамлила-граунд — обширная площадь между Старым и Новым Дели, где устраиваются массовые представления в честь победы царевича Рамы над злым демоном Раваной.

⁴ Бири — местная сигарета, изготовленная из цельного листа табака.

по и всех лошадей, которые ни с того ни с сего принимаются ржать в неурочное время... Эти подлюги никогда поспать не дадут: одни скребутся и лижут пятки, а другие топчут и ржут, точно взбесились.

Со стороны повозок, тревожа слух парня, доносится тонкий женский голосок.

Наконец спичка загорается, и, с наслаждением затянувшись бири, парень принимается разглаживать складки драной подстилки, что служит ему и простыней и одеялом.

Постепенно ему начинает казаться, что тяжелое сопение, которое слышится отовсюду, не что иное, как его собственное дыхание. Чтобы не слышать этого звука, он прижимается головой к каменному постаменту.

У Туркменских ворот раздается пение: это выходцы из западных областей штата Уттар Прадеш поют киртан⁵:

Поклоняйся ты Вриндавану⁶,
Поклоняйся Кришне с Радхою,
Ты Вриндавану поклонись,
Кришне с Радхою помолись.

Теперь внимание парня приковано к двум металлическим прутьям, которые торчат из постамента. Раскачиваясь, они словно щекочут темное брюхо ночи, — и небо, того и гляди, зальется веселым смехом, заглушив пестройные голоса поющих киртан. А посмеяться действительно есть над чем — прутья остались, а самого памятника нет, и никто не знает, куда он исчез. Может, валяется где-нибудь на свалке. А прутья... Они теперь сами по себе, им и дела нет до каменных пог некогда грозного владыки, нашедших свое последнее пристанище где-нибудь в грязном, кишашем крысами подвале.

Поклоняйся лупе, о Вриндаван.
Поклоняйся ты Кришне, о Радха.
Лупе поклоняйся, Вриндаван.
Богу Кришне молись ты, о Радха.

⁵ Киртан — благодарственная молитва, гимн, посвященный богу Кришне и его возлюбленной Радхе.

⁶ Вриндаван — город в западной части штата Уттар Прадеш; с ним, согласно легендам, связаны детские и юношеские годы Кришны.

Обрывок газеты, кажется, «Дейли ньюз», кружась и подпрыгивая, несется по асфальту в сторону Делийских ворот... Подхваченный вихрем, он подобен белому голубю, спасающемуся от невидимого врага. Но вдруг на встречу ему, разорвав завесу пыли, вспыхивают два снопа света — всего на миг выхвачен он из темноты, — и тут же колесо машины вплющивает его в расплавленный асфальт. Только уголок трепещет, словно крыло подстреленной птицы...

А машина с сытым урчанием мчится дальше. На полной скорости она пересекает Асаф-Али-род, потом, словно заблудившись, делает круг у Делийских ворот и возвращается назад. На улицах еще оживленно: мчатся моторикши, грузовики, такси, едут велосипедисты, торопливо шагают пешеходы, но машина, ловко лавируя, прокладывает себе путь в этом потоке. Левая рука водителя лежит на руле, правая обнимает плечи сидящей рядом девушки. Сбросив скорость, молодой человек наклоняется к своей спутнице, стремясь уловить ее ускользающие губы. Неожиданно сноп яркого света падает на обоих, раздается резкий сигнал. Мгновенно выпрямившись, мужчина снова нажимает на акселератор.

— Damn, swine! ⁷

— Смотри, уже поздно.

— Всего лишь половина десятого.

— К двенадцати мне надо быть дома.

— Зачем?

— Так.

— Но ведь только что...

— Только что ты чуть-чуть не попал в аварию. Тебя так и подмывает врезаться в кого-нибудь!

— Разве я виноват, если они сами лезут под колеса?

— Мог бы поехать в другое место...

— Например?

— А ты будто сам не знаешь?

— Не знаю.

— Ты что, приезжий?

— Всего два месяца здесь.

— Ничего, понемногу все узнаешь.

— Почему «понемногу»?

Он снова наклоняется к девушке, и снова сзади кто-

⁷ Черт бы тебя подрал, свинья! (англ.).

то надсадно сигналил. Развернувшись у Камла-маркета, машина въезжает в Аджмерские ворота.

— Куда мы приехали?

— Куда руль повернул...

Машины, машины, машины... Главное — избежать столкновения, не врезаться. Риск и гибель разделяет здесь всего лишь один фут. Единственное спасение — не отстать от других, не дать смять себя. Все должны двигаться предельно быстро: ноги, педали, колеса. Смерть подстерегает на каждом шагу, принимая сотни различных обликов: то она постукивает по мостовой копытами ослика, то уставится крутыми рогами буйвола, то закружится колесами бесчисленных повозок и велорикш. Она сигналил из каждой машины, дребезжит звонком велосипеда, крутится где-то совсем рядом: спереди, сзади, справа, слева, со всех сторон. Динь-динь-динь... Трень-трень-трень... Та-та-та!..

— О боже!.. Неужели ты решил разорить страховую компанию?

— Не будь попкой! Это я уже слышал от твоей матери.

— Ты поменьше болтай, а матери моей вообще не касайся.

— Ну и ступай к... матери! И где только она откопала такую?

— Где угодно, только не в капусте.

— Заткнись, а не то...

Динь-динь-динь!.. Трень-трень-трень!.. Та-та-та!..

Быстрее, быстрее, еще быстрее! Зазеваешься — расстояние между тобой и смертью сократится до дюйма. Каждый знает об этом, но старается не думать. А задумался — считай, все кончено. Vse! Vse! Vse!!!

Здесь каждый торопится на свой поезд.

Закатное небо тревожно розовеет. Появляется надежда, что ураган, который бешено гонит по улицам потоки людей и машин, наконец-то уймется и на смену ему придут тишина и покой. Но не тут-то было: колеса вертятся еще быстрее — пока совсем не стемнеет, надо успеть вырваться отсюда, спастись любой ценой. Не-

важно, что кто-то попал под колеса, сбит, смят, растоптан. Не останавливайся: жми на педаль, дави на акселератор, секи кнутом! Что там еще за нога! К черту ногу! Обойдется без ноги, если до сих пор ходить не научился! Колесо кто-то подставил? В лепешку колесо! Быстрее, быстрее, еще быстрее! Поезд не будет ждать!

Поднимаясь вверх, тяжело ворочаются клубы пара над локомотивом, окрашивая золотисто-розовое небо в безжизненный белый цвет. С минуты на минуту поезд должен тронуться. Мощный рев гудка, притаившегося в железной груди машины, вот-вот разорвет густеющий вечерний воздух.

Терпеливо ждут пассажиры, набившиеся в вагоны. Ждут и провожающие, сгрудившись на перроне. Ждут люди в здании вокзала и на привокзальной площади. Ждут, стоя на тротуаре и на проезжей части улицы. Едва семафор опустится, как поезд тяжело двинется с места и, раздвигая, расталкивая плотные облака пара, начнет набирать скорость, мерно постукивая колесами на стыках...

Но пока поезд стоит. Молчит гудок, закованный в железной груди машины. Только вздрагивают сверху легкие струйки пара — словно чьи-то нежные пальчики, осторожно поглаживающие черную шевелюру неба.

На каждой вещи лежит тонкий слой пыли. Воздух неподвижен. Лоточники убирают свои лотки и здесь же на тротуаре начинают раскладывать постели — старенькие коврики, циновки, рогожу, мешки. У других и этого нет, и они укладываются прямо на теплый асфальт, подсунув под голову кулак вместо подушки. Мокрые, липнувшие к телу рубахи и безрукавки тут же сбрасываются, но, и освобожденная, кожа продолжает источать горячий пот. Если б только можно было скинуть с себя и кожу, просушить разбухшее от влаги тело!.. Все, все пропитано горячим, липким потом — и горло, и голос, и желания, и мысли. Хорошо бы выжать их да положить где-нибудь в сторонке...

— Бишандас!

— А?

— Гляди-ка, похоже, в этом году на небо ни капли воды не осталось.

— Зато ты весь мокрый, будто только искупался.

— Когда я жил в Лахоре⁸, то ночью спал на кровати.

— В Лахоре ты лавку держал, а тут живешь как бадшах.

— Тебе хоть иногда вспоминается Лахор?

Тишина.

— А дом — вспоминается?

Шорох.

— И жена и дети тоже не вспоминаются?

Тяжелый вздох.

— Оставим это, давай о чем-нибудь другом...

— Другой себе хоть мазанку бы слепил, а мы...

— Хватит! Я же сказал...

— Помнишь дочку той кормилицы из имения? Ну ту, что в бенаресском сари?

— Угу...

— Видал я ее недавно. На моторикше с кем-то ехала.

— Ну и что?

— А ничего. Видал, говорю...

Небо черное, только по краям чуть белеет, и на темном челе его, словно капли пота, блестят звезды. Из траншеи, что вырыта прямо посреди улицы, доносится жалобное мяуканье. Наконец оттуда показывается котенок. Он робко озирается, но тут совсем рядом раздастся треск мотоцикла, и, насмерть перепуганный, котенок снова прыгает в траншею. Подняв веер брызг из лужи, ночной гость резко тормозит, спрыгивает с сиденья и, осторожно проведя мотоцикл по переброшенным через траншею доскам, стучит в дверь напротив.

— Тетя! — зовет он и снова стучит.

Дверь будто нехотя открывается, и сонный голос спрашивает:

— Кто тут? Кого надо?

— Тетю.

— Какую еще тетю? Никакой тети тут нет.

— Это какой номер дома?

— А какой тебе нужен?

— Мне нужен номер семь дробь двадцать один...

— Семь дробь двадцать один — это рядом. И тети, и племянницы — все там живут.

⁸ Лахор — крупный город на Индостанском полуострове, после 1947 г. отошедший к Пакистану.

Дверь с треском захлопывается.

— Шляются тут... Тетю, вишь, ему надо!

Через минуту с протяжным скрипом открывается дверь дома под номером 7/21.

— Вы тетя?

— А вы кто?

— Я?... Позовите, пожалуйста, тетю, она меня знает.

— Тети нет дома.

— А Нирмала дома?

— Нирмалы тоже нету.

— И Шанно нет?

— Шанно спит.

— Ну ладно... Придет тетя, передайте ей, что приходил... словом, я приходил.

— Передам.

И дверь со скрипом закрывается. Мужчина тем же путем выводит мотоцикл на проезжую часть улицы, а на бровке траншеи снова показывается котенок. Он боязливо озирается по сторонам: мяу... мяу... мяу...

На Асаф-Али-род сияет неоновая реклама компании «Филипс» — «Philips for light and music»⁹. Одной стороной реклама обращена к Старому Дели, другой — к Новому...

Глаз рекламы, обращенный к старому городу, с интересом разглядывает легкие чарпай, рядом расставленные прямо на улице у Туркменских ворот; другим своим глазом, тем, что обращен в сторону Нового Дели, она равнодушно уставилась на море огней за мостом Минто — многоцветное половодье, перед которым ее собственное неоновое величие кажется более чем скромным. Один глаз исполнен сочувствия, другой — безразличия.

После того как закрываются лавки, количество чарпай у Туркменских ворот значительно возрастает, и улица уже напоминает тогда караван-сарай или двор в старинном родовом имении. На одной чарпай четверо играют в карты, на другой — оживленно обсуждают вопросы политики. Молоко и воду для тех, кто сидит на чарпай, выносят в стаканах, сюда же подается и бе-

⁹ «Филипс» для света и музыки (англ.).

тель. У лавочек, где торгуют сладостями и бетелем, группами по пять-шесть человек собираются люди — послушать радио, обменяться новостями, почитать стихи. Кое-где из окон нижних этажей, мечтательно улыбаясь, выглядывают девушки. В стихах не все доходит до них, однако общий настрой они чувствуют безошибочно. С легким хлопком открываются бутылки с содовой и кока-колой: выжав туда половинку лимона и добавив щепоть перца, их отправляют тем, кто ночует в помещении, — а на чарпай тем временем без лишнего шума распивают кое-что покрепче, настоянное на шафране. А потом сидящие берутся за руки и, раскачиваясь в такт песне, нестройно затягивают:

Не зови ты меня,
Бессердечное время.

Кажется, что собрались здесь не полунищие обитатели квартала, где ютится городская беднота, а именитые гости савонного вельможи, и не посреди улицы, а в родовом имении, с той только разницей, что прислуживать себе должны они сами. Да и хозяин не появлялся в имении вот уже сто с лишним лет. Поэтому гости как приехали сюда, так и живут ожиданием, когда же наконец придет законный наследник, который должен позаботиться о них и — первым делом — об их здоровье?.. Только тогда, в тот самый день, они забудут все свои жалобы, уплатят старые долги и начнут жизнь сначала.

Никогда не забыть
Ту веселую ночь,
Как с прохожим застал
Свою милую дочь.

На чарпай, что стоит перед входом в одну из лавок, лежит средних лет мужчина. Он бросает на поющих сердитые взгляды и вполголоса ругается. Облегчив душу, мужчина закрывает глаза, пытаясь заснуть, но вскоре приподнимается на локте, злобно косится на подгулявших и шепотом клянет их на чем свет стоит. На чарпай рядом ворочается подросток, — видно, сын любителя вздремнуть, он тоже злится и в свою очередь мысленно материт отца, который уже в девять часов отправляет его спать, хотя ему ох как хочется пропустить в веселой компании стаканчик-другой араки, а потом

пошататься до полуночи по улицам, распевая песенки из модных кинофильмов.

Ночкой темною вдвоем
Сладко время проведем.

Паренек прикрывает веки и прислушивается. Когда голоса поющих удаляются, он снова открывает глаза, вздыхает и смотрит на закрытые ставни окна, что в доме напротив. В каждом шорохе, доносящемся оттуда, чуются ему звуки чьих-то осторожных шагов. Он вглядывается в темное окно и ждет: вот еще мгновение — и створки окна беззвучно распахнутся. И действительно створки беззвучно распахиваются, и к прутьям решетки, которой забрано окно, прижимаются чьи-то белые тонкие руки... Дернувшись всем телом, он просыпается и в изумлении таращит глаза: но створки окна по-прежнему плотно закрыты, и за ними — полная тишина. Однако едва он снова погружается в сладкую дремоту, как в доме еле слышно раздаются звуки шагов, створки окна беззвучно распахиваются, и среди темных прутьев оконной решетки светятся тонкие белые руки...

А отец даже сквозь сон бормочет ругательства.

Один глаз неоновой рекламы фирмы «Филипс» начинает судорожно подмаргивать. Автобусы с ревом проносятся в сторону моста Минто. После того как они пересекают «буферную зону» между ним и Асаф-Али-род, гул их моторов становится глуше, бег — размеренней. Вот кинотеатр «Одеон», вот «Синдхия-хаус» — в прошлом дворец махараджи Гвалиора, скоро кинотеатр «Ригл». Здесь начинается совершенно иной мир.

У остановки, что рядом со входом в кафетерий, толпится народ. В дверях кафетерия показывается пожилой литератор, вслед ему грохает взрыв хохота. Литератор вздрагивает и испуганно оглядывается: не по его ли адресу шутка, потом облегченно вздыхает — слава всевышнему, на этот раз, кажется, пронесло.

Литератор уже поравнялся с лавкой торговца бетелем, когда из кафетерия доносится новый взрыв смеха.

— Бы? — раздается вдруг над самым ухом. — В кафетерии были?

— Да, брат, был! Дай, думаю, посижу вечерок с молодежью. Ведь что ни говори, новое время — новые люди. Они, кстати, утверждают, что свобода личности доступна лишь тем, кто посещает это самое заведение.

— Вот так номер! Вы — и вдруг свобода личности...

— Ты удивлен, я понимаю... Дело в том, что я рассчитываю отыскать здесь новый сюжет. Думаю написать рассказ на тему о свободе личности. По их мнению, свобода личности наиболее полно выражается в свободной любви! Герой моего рассказа — а им будет непременно литератор — тоже должен верить в свободную любовь. Я заставлю его бросить двух жен и во имя свободы личности...

Сквозь открытую дверь кафетерия снова доносится дружный хохот, и несколько человек, продолжая смеяться, вываливаются на улицу.

— О, вы все еще здесь?

— Я бы давно ушел, да вот знакомого встретил. Пришлось задержаться... Он поинтересовался, над чем я...

Кто-то вполголоса отпускает шуточку — компания дружно хохочет, и пожилому литератору остается только замолчать и не касаться больше «свободы личности».

— Какая невоспитанность! — хмуря брови, сердито восклицает дама, которая, сидя вместе с мужем в открытой машине, стоящей у бара «Экспрессо», пьет из крохотной чашечки черный кофе. — Гогочут посреди улицы, словно последняя деревенщина!

— Ну, как кофе? — спрашивает муж.

— Кислятина! Rotten ¹⁰!

— Но хоть горячий?

— Not much ¹¹.

— А тебе вообще что-нибудь нравится?

— Почему ты повышаешь на меня голос?

— Я повышаю голос?

— Ну, не я же...

— Спроси у кого угодно, кто из нас повышает голос. На тебе бхуты ¹² что ли ездят?

— Если и ездят, то только не на мне!

¹⁰ Отвратительно (англ.).

¹¹ Не очень (англ.).

¹² Бхуты — злые духи, демоны.

— Ну ладно, допивай свой кофе, и я...

— Не нужен мне такой кофе! Эй, ты! Убери это!

Официант с поклоном принимает чашечку. Машина плавно трогается. Запах бензина на минуту заглушает аромат роз и жасмина. Подросток с корзиной цветов провожает глазами удаляющиеся красные огоньки машины, потом привычно набирает полные легкие воздуха и, размахивая букетиками, заводит протяжно:

— Розы! Розы! Свежие розы!

В кинотеатрах закончился последний сеанс. По тротуару валит плотная говорливая толпа. Затем улицы на всю ночь погружаются в унылое безмолвие.

Только временами откуда-то издали доносятся звуки оркестра, точно призывный рев самцов среди джунглей в пору весенней течки. Привлеченные этими звуками, туда тянутся, осторожно выбираясь из темноты на свет, грациозные лани.

На столиках посреди зала в беспорядке пустых тарелок, соусников, салатниц красуются недопитые рюмки, а на блестящем полированном паркете в бешеном ритме твиста дергаются ноги, дергаются икры, голени, бедра, дергаются пышные бюсты дам и тощие зады мужчин, дергаются руки, плечи, шеи, головы...

— А кто эта девочка?..

— В посольстве работает.

— А ее партнер?

— Ты не знаешь его?.. В министерстве... большая шишка... помощник секретаря... До раздела жил в Лакхоре... Тогда он был профсоюзным лидером... Теперь дружит с мистером Икс...

— Кто этот мистер Икс?

— Ты что, газет не читаешь? Мистер Икс — это английский вариант доктора Уорда.

— You mean...¹³

— Doctor Ward of Keeler and Profumo fame¹⁴.

¹³ Ты имеешь в виду... (англ.).

¹⁴ Доктор Уорд, которому обязаны славой Килер и Профьюмо (англ.). Профьюмо — английский военный министр, получивший в 60-е годы скандальную известность своей связью с манекенщицей Килер.

— I see ¹⁵.

— Что заказываем? Something hot like Keeler? ¹⁶

— No. Something cold like Profumo ¹⁷.

По безмолвным улицам изредка проносятся легковые машины. Со звоном хлопает о придорожный столб бутылка из-под пива, выкинутая на ходу из окошка такси:

— ...твою мать с этим «сухим днем» ¹⁸!

У обитых листовым железом ворот женского общежития скрипучий голос с надеждой зовет:

— Чаукидар!.. Эй, чаукидар!..

Вместо ответа в ветвях соседнего дерева слышен испуганный шорох крыльев. Голос становится еще пронзительнее:

— Чаукидар!.. Эй, чаукидар!..

Большая летучая мышь, которая направлялась от гробницы Хумаюна ¹⁹ к огням Нового Дели, беззвучно опускается на белый дорожный указатель.

КАМАЛЕШВАР

УТРАЧЕННЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Чандар стоял возле перекрестка, прислонившись к перилам, отгораживающим тротуар. Перед ним в обе стороны двигался нескончаемый поток прохожих. Наступал вечер, и на Конноут-плейс ¹ уже засветились фонари. Ноги у него гудели, хотя ходил он сегодня не

¹⁵ Понимаю (англ.).

¹⁶ Что-нибудь горяченькое, как Килер? (англ.).

¹⁷ Нет. Что-нибудь прохладительное, как Профьюмо (англ.).

¹⁸ В Дели, как и в ряде других городов Индии, действует «полусухой» закон: в «сухие дни» недели спиртное не продается.

¹⁹ Гробница Хумаюна — один из красивейших памятников периода правления Великих Моголов; гробница возведена в 1565 г. вдовой императора Хумаюна (годы правления 1530—1539, 1555—1556) Хаджи Бегам, в течение 16 лет разделявшей с ним изгнание в Иране.

¹ Конноут-плейс — площадь в Новом Дели, деловой и торговый центр.

очень много. Однако усталость, переполнявшая голову и сердце, незаметно овладела и телом.

Весь день пошел насмарку. Возвращаться домой тоже не хочется. Проходящие мимо женщины похожи одна на другую. От их вида на душе еще хуже.

Может быть, поесть?.. Чандар и сам не знает, голоден он или нет. Напряг память: из дому вышел утром, в восемь. Выпил только чашечку кофе... И тут вдруг почувствовал, что в самом деле проголодался. Оказывается, желудок тоже подчиняется сознанию. Пока не думал о еде, есть не хотелось.

Взгляд уходит ввысь, где парят коршуны. Кусок смрадного неба над улицей — словно грязный заносенный посок. Вдали устрашающе торчат минареты и купол мечети Джама-масджид.

Сзади лавочка. Перед входом развешан товар — женские лифчики. Рядом, у кинотеатра «Ригал», автобусная остановка. С деревьев медленно опадают увялые сухие листочки. С грохотом проносятся автобусы. Остатки льются на мгновение, втягивая людей с одного конца и изрыгая с другого, и мчатся дальше. На перекрестке злобно горят красные и желтые глаза светофоров. Сотни прохожих идут мимо, и никому нет дела до других. На лицах либо беззаботное легкомыслие, либо надменное высокомерие.

Ему вдруг вспомнился родной городок, откуда он уехал три года назад. Там даже на пустынном берегу Ганги любой встречный улыбнется приезжему так, словно давно с ним знаком.

А ведь здесь столица! Здесь все — свое родное, индийское... Впрочем, нет, здесь ничего нет своего, ничего индийского!..

Здесь много улиц. Он может ходить по ним сколько угодно. Но эти улицы никуда не ведут. Вдоль улиц — роскошные особняки и виллы. У ворот надписи: «Осторожно — собака!», «Цветов не рвать!» Войти туда не просто. Нажал кнопку звонка — и жди, пока не откроют.

...Дома Нирмала уже, вероятно, ждет его. Но и там, когда придешь, надо будет сначала чинно сидеть на стуле, как в гостях, потому что на кровати куча скарба со всей комнаты, а Нирмала возится у примуса. Он не сможет ворваться в комнату, подобно порыву ветра,

прижать Нирмалу к груди и приласкать, потому что там, конечно, сидит сейчас миссис Гупта. Пока ее мистер Гупта не вернулся с фабрики, она коротает время в болтовне с Нирмалой или учится у нее вязать новый свитер. Ему придется войти в комнату очень степенно, а затем долго беседовать с миссис Гупта. Наконец, жена скажет, что ужин готов. Только тогда миссис Гупта встанет и отправится восвояси.

Потом нужно будет задернуть занавеску на широком окне. Найти повод закрыть и другое окно, выходящее к Кхуранам. Только тогда он сможет подойти к столу и попросить стакан воды, чтобы, едва Нирмала подойдет, ласково обнять ее и пожаловаться: «Я устал, так ужасно устал!»

Но этого не случится. У него просто не хватит терпения выдержать такую длинную процедуру. Он непременно выйдет из себя и в сердцах скажет: «Вечно ты копаешься с ужином!» Участливость и нежность пропадут неизвестно куда, появится странная отчужденность. Звук радио из близлежащей пекарни станет невыносимо резать слух, а когда соседка Гулати, устало поднимаясь по лестнице, будет как обычно шаркать ногами, его снова охватит сильнейшее раздражение.

Вскоре в переулке остановится мотороллер, и приехавший на нем незнакомец войдет в один из домов. Сикх, владелец крохотной авторемонтной мастерской, до полуночи не отправится спать, дожидаясь, пока не закончит работу его механик. Хотя механик работает у него уже пятнадцать лет, ключей хозяин ему не доверяет.

Потом можно услышать шаги. Это будет возвращаться домой Бишан Капур, живущий напротив. Уже два года висит у входа дощечка: «Бишан Капур, журналист». А знает о нем Чандар совсем немного. Когда напротив виден свет и через зарешеченное окно плывут в темноту клубы табачного дыма, то, значит, человек по имени Бишан Капур дома. А утром, увидев под его окном яичную скорлупу, фирменную бумажную обертку от буханки хлеба, окурки и обгорелые спички, можно с уверенностью сказать, что человек по имени Бишан Капур уже ушел.

Занятый своими мыслями, Чандар вдруг почувствовал, как усилился запах грязного воска — куска цеба

над улицей. Стало трудно дышать. Он вынул из кармана записную книжку и начал просматривать записи насчет завтрашних дел...

Прежде всего надо позвонить в редакцию английской ежедневной газеты и условиться о встрече. Потом зайти на радио. Получить в «Резервном банке»² деньги по чеку и послать перевод родителям. На все это уйдет целый день. С редактором газеты он незнаком, так что добиться приема и тем более о чем-то договориться будет непросто. На радио тоже за десять минут дела не делаются. А за окошечком «Резервного банка» у него нет таких знакомых, как Амарпатх в Аллахабаде, который в считанные минуты оформлял его чеки и даже сам приносил деньги от кассира. На почте придется долго стоять в очереди среди посыльных. Каждый будет заполнять не меньше десятка бланков и дотошно подсчитывать, сколько денег надо перевести и сколько уплатить за пересылку, чтоб не просчитаться и не вызывать гнев хозяина — какого-нибудь лавочника. Знакомых среди этих посыльных он не найдет. Знакомства тут могут быть только минутные, когда кто-то попросит ручку «Два слова дописать», а затем, перечитав написанное, с бесстрастным «Спасибо» рассеянно возвратит ручку и, занятый своими мыслями, направится к окошечку, где продают марки.

Внезапно его охватило раздражение. Зажав блокнот в руке, он обвел взглядом высокие здания, украшенные коронами сверкающей рекламы. Названия этих фирм были ему неизвестны. А вот в Аллахабаде о самом крупном торговце тканями он знал, что раньше тот был бедняком, торговал вразнос и весь свой товар таскал на собственных плечах. Сейчас он послал сына учиться за границу, а сам стал очень набожным, ходит с сандаловым тилаком³ на лбу, но покупателей обманывает почем зря и собирается выставить свою кандидатуру в муниципалитет. Здесь же, в столице, никто ни о ком ничего не знает.

В центре Конноут-плейс просторные лужайки. Под немногочисленными деревьями скамейки, установленные городскими властями. На них сидят несколько че-

² «Резервный банк» — один из крупнейших банков Индии.

³ Тилак — знак принадлежности к той или иной касте.

ловек усталого вида. Невдалеке бегают двое-трое детей. Лица детей, их игры кажутся ему близкими и знакомыми. Но их мать, которая лакомится хрустящими жареными лепешечками, симпатии не вызывает. В ее глазах не видно естественной материнской нежности, придающей женщине обаяние и величавость. Во всем ее облике явственно проглядывает надменное самодовольство — чувство столь же пьянящее, сколь пошлое и пустое. Она бросает окружающим вызов, который нельзя отвергнуть, но нельзя и принять. Этот вызов звучит у всех в ушах, и все проходят мимо словно глухие.

Неплохо было бы посидеть на этой лужайке, подумал он, но вспомнил, что доверять ее красоте тоже нельзя. Вчера, когда он присел здесь на траву, откуда-то незаметно, совсем по-воровски, подобралась вода. Он тут же вскочил, но брюки уже промокли.

Одиноко стоят деревья. Под ними уже сгустилась тьма. Одиночество, пустота... Ну что ж, пусть одиночество. Надо только, чтобы ничто не мешало ощущать его. А какое здесь одиночество, если каждые десять минут мимо проходит постовой полицейский! В голых ветках кустарника запутались обертки от мороженого, пакеты из-под жареной кукурузы, валяется порожняя бутылка, брошенная каким-то бездомным выпивохой.

Его взгляд опять останавливается на записной книжке... В этом шумном потоке людей он чувствует себя совершенно потерянным. За три года не было в его жизни ничего, что затронуло бы душу и оставило в ней след — радости или горя. Кругом мертвая пустыня равнодушия. Пустота неведомого и безлюдного морского берега, где слышен только мерный грохот разбивающегося прибоя, отчего тишина кажется еще более гнетущей.

Небо, выкроенное в форме носка. Купол Джама Масджид, над которым кружат коршуны. Торговцы цветами, сажающие женщин. Бездомные мальчишки с пачками вечерних газет...

Чандар вспоминает, что уже очень давно, целую вечность он не встречался с самим собой. У него совсем не бывает времени для этого. Некогда даже спросить: «Ну, как дела? Какие у тебя заботы?» На его губах появляется легкая улыбка. Ведь в записной книж-

ке против каждой пятницы у него написано: «Встреча с самим собой. От семи до девяти вечера». Сегодня как раз пятница. Встреча должна состояться. Чандар бросает взгляд на часы: ровно семь. Но внутренний голос шепчет: «Зачем торопиться? Не зайти ли в кафе, выпить чашку чаю?» Кто может сказать, почему человеку так неприятно встречаться с самим собой? Почему каждый раз он всячески старается оттянуть встречу?

Он видит Ананда, направляющегося сюда с другой стороны улицы. Чандару не хочется встречаться с ним. Неприятный тип этот Анапд. От него лучше держаться подальше. Ананду нужен друг, причем такой, который не будет чересчур глубоко забираться в дебри рассуждений о жизни, но с которым можно провести время и по-интеллигентному поговорить. Во всех рассуждениях Ананда сквозит неприятная манерность, неестественность, которую приобретает человек, выросший только на книжных знаниях. В какой-то мере эта неестественность присуща и ему, Чандару. Недаром же в университете он долгие часы просиживал над книгами, извлекая из них мертвые сведения о жизни.

А сейчас ему ясно, что то драгоценное время растрачено бездумно и зря. Он погубил его среди безмолвных останков прошлого, избитые рассказы о которых затвердили наизусть полуграмотные провожатые и всякий раз повторяют посетителям одно и то же: «Это Диван-э-хас — зал частных аудиенций! Обратите внимание на мраморную резьбу. Здесь стоял трон, украшенный драгоценными камнями. Это — женские купальни, а вот здесь место, где падишах являлся своим подданным. Этот дворец предназначался для холодного времени года. Этот — для дождливого сезона. А в этом просторном дворце спасались от жары летом. А теперь подойдите сюда! Осторожно, осторожно! На этом месте стояла виселица».

Чандару кажется, что двадцать пять лет своей жизни он шел вслед за такими провожатыми среди руин былого, но так и не сумел понять его. Ему лишь показали Диван-э-хас, резьбу по камню, затем провели через женскую купальню и оставили в темной зловонной комнате с виселицей, где пищат под потолком летучие мыши и раскачивается историческая веревка с

петлей, которая, обвившись вокруг шеи, превращала людей в трупы, гниющие в мрачном колодце.

Между ним и теми трупами нет никакой разницы.

Ананд тоже ничем не отличается от них. Чандару хочется избежать встречи с ним. Ведь Ананд сразу же развязно заговорит: «Дружище, как красиво у тебя блестят волосы! Чем ты смазываешь их? Брилкримом? Девочки, наверно, так и кидаются тебе на шею?»

И в самом деле, увидев Чандара перед собой, Ананд останавливается:

— Хэлло! Ты здесь? Какими судьбами? Опять девочек с умаводишь?

Чандару смешно от его слов.

— Ты откуда? — спрашивает он, пряча записную книжку в карман.

— Да просто так, шел мимо. Выпьем, что ли, по чашечке кофе?.. Или, может, чего-нибудь другого? — предлагает он.

Чандар понимает, что это значит, и отказывается. Ананд настаивает:

— Пойдем выпьем! Для чего, спрашивается, живем?

Ананд натянуто хихикает, затем фамильярно берет Чандара под локоть и задает вопрос:

— Ты при деньгах?

Он произносит эти слова без всякого колебания и ничуть не смущаясь. А что особенного? Просто не хватает нескольких пайс.

— Хорошо, — говорит Ананд, не дожидаясь ответа. — Я сейчас достану.

И добавляет для большей убедительности:

— Стой здесь. Я быстро.

Он уходит и, конечно, не собирается возвращаться. С его уловками Чандар хорошо знаком.

Через несколько минут Чандар входит в кафе, идет мимо столшков, покупает у прилавка в углу пачку сигарет и садится.

— Хэлло! — обращается к нему кто-то почти совсем незнакомый и садится рядом. — Давно тебя здесь не было видно.

Оба не знают, о чем говорить.

В кафе шумно. Врывы бессмысленного смеха. На стене часы, которые всегда спешат. В кафе три входа.

Узкий коридор ведет в туалет. В писсуарах шарики фенола. В коридоре висит зеркало. Возвращаясь из туалета, каждый видит свое лицо в зеркале.

Напротив, в «Гейлорде», освобождают место для вечерних танцев. Три ряда стульев вынесли на улицу. «Волга»⁴, наверно, уже заполнена иностранцами.

В кафе входит пара. Женщина сильно накрашена, в пучке волос на затылке — цветы. На лице у мужчины застыло высокомерие. Они садятся на семейные места, лицом друг к другу. По тому как они держат себя, можно подумать, что они совсем чужие. Только когда женщина повернулась, чтобы сесть, ее спутник слегка коснулся рукой ее талии.

Разговаривать им тоже, видимо, не о чем. Поправляя прическу, женщина обводит взглядом публику, а мужчина рассматривает стакан с водой. В их взорах пустота. Есть глаза, вот и смотрят. Не будь глаз, не было бы нужды и смотреть. А если глядеть все время в одну точку, то на глазах выступают слезы. Поэтому приходится переводить взгляд.

Официант расставляет перед ними тарелки, и оба принимаются за еду. Едят молча. Поев, мужчина начинает ковырять в зубах, а женщина достает помаду и подкрашивает губы.

Наконец, официант приприсит сдачу. Мужчина забирает с тарелки деньги, оставляя чаевые. Женщина наблюдает за ним. Затем оба с беззаботным видом встают. Сейчас можно заметить, что между ними существует какая-то близость. Мужчина, отступив, пропускает спутницу вперед, потом идет следом за ней.

На душе у Чандара делается еще тяжелее. Одиночество, словно удав, все крепче сдавливает его своей мертвой хваткой. Он пристально рассматривает сидящего рядом человека. «Хоть я его и не помню, но ведь он меня узнал...» Уже одно это радует и бодрит. Встретив взгляд Чандара, этот человек, как бы пытаясь что-то вспомнить, произносит:

— Вы... Вы, кажется, из министерства торговли... Помню...

Чандар обескуражен. Одним глотком он допивает кофе и отвечает как можно сдержаннее:

⁴ «Гейлорд», «Волга» — рестораны в Дели.

— Нет, я никогда не бывал в министерстве торговли.

Собеседник не пытается строить новые догадки. Как бы закрепляя уже само собой установившееся знакомство, он просто говорит:

— Ну что ж, прекрасно. Надеюсь, еще встретимся. Пока.

Он встает и закуривает сигарету.

Чандар выходит на улицу и направляется к автобусной остановке позади отеля «Мадрас». На остановке всего несколько человек. Под навесом павильончика сидит полицейский и курит.

Чандар подходит, останавливается. Всем хочется знать, когда придет автобус, но вопросов никто не задает. Он молча стоит в темноте под деревом. Земля усыпана желтыми листочками, которые чуть слышно хрустят под ногами, и этот звук уносит его в далекое прошлое. Его охватывает радостное, приятное чувство...

Это было много лет назад. Дорогу покрывали вот такие же листья. Он шел с Индирой. И тогда вокруг него была пустота. Только руины, среди которых он влачил бремя существования. Но Индира сказала ему:

«Чандар, я знаю, ты в силах совершить все!»

Знакомый голос и сейчас звучит у него в ушах: «Чандар, я знаю, ты в силах совершить все!» В тот момент глаза Индиры светились непоколебимой верой.

И, глядя в ее полные нежности глаза, он сказал:

«Я нищий, Индира. Кто знает, куда забросит меня судьба? Потому я и не хочу, чтобы из-за меня ты загубила свою жизнь. Что будет со мной — неизвестно. Быть может, умру голодной смертью или сойду с ума...»

Благодатные тучи любви оросили ресницы Индиры слезами нежности:

«Зачем ты так говоришь, Чандар? С тобой я буду счастлива при любых невзгодах!»

Чандар внимательно поглядел на Индиру. Ее влажные глаза были чисты и доверчивы. Ему захотелось потрогать локон, спустившийся ей на лоб, но он сдержал себя. Серьги в ее ушах искрились и сверкали, как рыбки в воде.

«Посидим под деревом», — предложил он.

Они направились к дереву сирас, под которым стояла каменная скамейка. Земля была усеяна желтыми листьями. Они похрустывали под ногами точно так же, как сейчас... Знакомый звук...

Они сели на скамейку. Чандар провел пальцами по ее запястью. Оба молчали. Хотелось сказать многое, но не было слов. Индира украдкой взглянула на него и смущенно потупилась. Потом вдруг спросила так, будто все невысказанное таилось в одном этом вопросе:

«Почему ты так думаешь, Чандар? Не веришь мне?»

«Я верю, Индира, но боюсь, что мне придется всю жизнь скитаться как бродяге... Мне страшно при одной мысли о том, сколько страданий я навлеку на тебя. Без меня ты сможешь жить счастливой обеспеченной жизнью. А я человек конченный... Какая на меня надежда?»

«Плох ты для других или хорош, для меня ты всегда один. Я так тоскую без тебя, а ты все говоришь, что у тебя нет времени встречаться со мной!»

Она замолчала. Потом спросила:

«Написал что-нибудь еще?»

«Да», — тихо сказал Чандар.

«Покажи!»

Чандар нерешительно протянул ей записную книжку. Она быстро сунула ее между своих книг и сказала:

«Получишь ее завтра. Если она тебе нужна, значит, придешь».

«Нет, нет, отдай! Я не могу оставлять ее...»

Но Индира в ответ только смеялась, и он видел нежность в ее глазах.

Ему пришлось уступить. Когда он пришел на следующий день, Индира сказала:

«Я в твоей книжке тоже кое-что написала. Прочти, а потом обязательно вырви те страницы!»

«Нет, не буду!»

«Тогда я не стану с тобой дружить!» — обиженно сказала она и совсем по-детски надула губки.

А однажды...

Однажды Индира пришла к нему. Он показал ей дом, потом она вошла в его комнату. И тогда Чандар впервые ощутил ее присутствие так близко. Он нарисовал у нее на лбу красную точку — знак счастья и несколько мгновений, забыв обо всем, не отрывал взгля-

да от ее лица. И вдруг, сам не зная как, коснулся ее лба губами. Почувствовал аромат ее тела. Глаза Индиры были закрыты. Ее руки легли на плечи Чандара, пальцы дрожали. Он осушил губами капельки пота у нее на лбу, поцеловал слипшиеся шелковистые локоны. И в эти пьянящие мгновения они дали друг другу клятву... Клятву, в которой не было слов, которую не произносили губы...

С тех пор он и помнит ее слова: «Чандар, я знаю, ты в силах совершить все!»

...Появляется автобус. Не тот номер. Автобус трогается. Чандар приходит в себя. Теперь он знает, чего хочет. Убедиться, что здесь, в этом городе, есть люди, для которых он не чужой.

Ведь Индира тоже живет в Дели...

Всего два месяца прошло с тех пор, как он видел ее последний раз. В ее глазах, как и четыре года назад, светились участие и близость. Во время разговора она даже сказала мужу:

«О, я хорошо знаю все привычки Чандара!»

На это муж Индиры, очевидно, без всякой задней мысли ответил:

«Ну что ж, вот и позаботься, чтобы ему у нас понравилось».

Улыбаясь, Индира, как и четыре года назад, начала подтрунивать:

«Чандар терпеть не может молока. А кофе считает такой же отравой, как табак. Если ему в чай положить вторую ложку сахара, у него заболит горло».

Она громко рассмеялась, а он вспомнил, что все так и есть. Он и в самом деле не может пить чай с двумя ложками сахара...

Автобуса все нет и нет.

Чандар снова подумал, что в этом чужом городе, среди незнакомых людей, есть только один человек — Индира, которая даже спустя столько лет понимает его, относится к нему как к близкому. И его охватило нетерпеливое желание сейчас же повидать Индиру, чтобы избавиться от тягостного ощущения, что он всем чужой.

Подкатывает, грохоча, моторикша. Водитель громко кричит:

— Гурдвара-роуд!.. Карол-баг!.. Гурдвара-роуд!..

Чандар делает шаг вперед, и ему кажется, что водитель-сикх с первого взгляда узнал его:

— Садитесь, бабу-джи!.. Карол-баг!.. Гурдвара-роуд!..

Чандару приятно, что вот, наконец, нашелся человек, который взглянул на него, как на старого знакомого. Чандар тоже помнит этого сикха, потому что не раз садился в его коляску, когда надо было ехать на Конноут-плейс.

Чандар тотчас вскакивает в коляску, садится. Подходят еще три седока. Через каких-то десять минут моторикша останавливается на перекрестке у Гурдвара-роуд. Чандар кладет монету в четверть рупии на ладонь сикха и, по-приятельски кивнув ему, уходит.

Вдруг он слышит за спиной громкий голос сикха:

— Эй, бабу-джи! Сколько вы дали?

Обернувшись, Чандар видит спешащего к нему сикха:

— Еще две аны, сахиб!

— Я же всегда плачу тебе четыре аны, сардар-джи!⁵ — говорит Чандар, как бы напоминая сикху, что он его постоянный пассажир. — Я на твоей коляске десятки раз этой дорогой ездил и всегда за четыре аны.

Однако по неприязненному взгляду сикха видно, что ему нет никакого дела ни до Чандара, ни до других его пассажиров.

— Кому-нибудь другому четыре аны платили, — говорит он по-пенджабски. — Я беру шесть.

И снова протягивает руку.

Нет, разве тут дело в каких-то двух анах? Чандар сует в ладонь сикху недостающие деньги и направляется к дому Индиры.

Да, Индира встретила его так же, как и раньше. Она ждала возвращения мужа, который почему-то запаздывал. Радушно приветствуя Чандара, она усадила его:

— Ну, рассказывайте, какими судьбами оказались здесь?

В ее глазах светилось прежнее дружеское участие. Но через несколько минут она нетерпеливо сказала:

— Уже девять, а он обычно приходит с фабрики в восемь. Что это с ним сегодня?.. Чаю хотите?

⁵ Сардар — букв. «военачальник», обращение к сикху.

— Разве от чая можно отказаться? — весело отозвался Чандар и поудобнее расположился в кресле. Теперь от его усталости не осталось и следа, и душа освободилась от гнетущего чувства одиночества.

Служанка принесла поднос с чаем. Пока Индира расставляла чашки и разливала чай, Чандар смотрел на нее. Она совсем не изменилась. Те же руки, лицо, жесты. Все так знакомо. И она так же полна участия к нему. Его мысли прервал вопрос Индиры:

— Сколько положить сахару?

В мгновение ока рассыпалась в прах его умиротворенность, которой он так и не успел как следует насладиться. Горло сжала спазма, снова навалилась гнетущая усталость. На лбу выступил пот. Но он все еще не хотел смириться с этим и предпринял отчаянную попытку вернуть прежнее чувство.

— Две ложки! — ответил он подчеркнуто громко. Сейчас она все вспомнит и засмеется.

— Две ложки сахару? А не боишься, что горло заболит?

Но она ничего не заметила. Положила две ложки сахару и протянула ему чашку.

Он пил чай с таким ощущением, словно это была отравка. Индира говорила не умолкая, но все ее речи казались ему теперь притворством. Она разговаривает с ним только из вежливости. Его душа рвалась отсюда. Ему хотелось в отчаянии биться головой о стену.

Кое-как он допивает чай и уходит, вытирая пот с лица. Индира что-то говорит, но он уже не слышит.

Выйдя на улицу, Чандар останавливается и с трудом переводит дыхание. Горло пересохло, во рту неприятная горечь.

На углу переругиваются шоферы такси, по улице бежит собака. Откуда-то наплывает запах жареной рыбы. Возле лавочки торговца бетелем несколько парней прямо из горлышка пьют кока-колу. Кто-то проезжает на мотороллере. У автобусной остановки стоят пассажиры с узлами.

На перекрестке улицы все так же злобно горят огни светофоров. Во все стороны мчатся автомашины, моторикши, автобусы и мотороллеры.

Чандар, измученный и обессиленный, направляет-

ся домой. Ботинки ужасно жмут, и все острее чувствуется запах воюющих носков.

Наконец, из последних сил он добирается до дому и, войдя, точно гость, садится на стул. В этом нет ничего необычного. Нирмала с улыбкой смотрит на него, кладет руки ему на плечи и спрашивает:

— Устал?

— Да,— отвечает Чандар и нежно смотрит на нее. На душе у него хорошо. Сейчас ему приятна даже эта чужая комната, которую они снимают. Она кажется ему своей.

— Иди, умойся,— говорит Нирмала и начинает собирать на стол.

— Я не хочу есть.

— Почему? — ласково спрашивает она.— В чем дело? Ты и утром ничего не поел перед уходом. А днем обедал?

— Да,— говорит он, не отрывая от нее глаз.

Нирмала удивленно смотрит на него, потом устало садится.

Взгляд Чандара рассеянно скользит по комнате, затем снова останавливается на Нирмале. Она берет книгу и начинает читать. Его взгляд по-прежнему прикован к ней.

В свете, падающем сзади, ее волосы блестят как шелковые нити. Ресницы похожи на длинные мягкие шипы. У висков — завитки локонов. Под глазами — тени. Стальной браслет с запястья сдвинулся к локтю. Все привычно, давно знакомо...

Взгляд Чандара отыскивает знакомые приметы на ее теле, на щелях, на пальцах, на пухлых мочках ушей...

Он встает, задергивает занавески на окнах и ложится на кровать. Здесь он не чувствует себя одиноким, чужим, отверженным. Цветы в вазочке напротив принадлежат ему, одежда — его собственная, он чувствует это даже по запаху.

Все, что его окружает, хорошо ему знакомо. Даже в ночной темноте он без труда отыщет здесь любой предмет, может дойти до двери и ни на что не наткнется.

С лестницы доносятся шаркающие шаги Гулати, и его охватывает беспокойство. Тихим голосом он зовет

Нирмалу. Когда она ложится, кладет руку ей на грудь.

Грудь ее мерно колыхается под его рукой. Как хочет он, чтобы и прикосновение тела Нирмалы, и любое движение ее души уверили, убедили его, что он не одинок, что между ними существуют прочные, неразрывные узы!..

Он касается ее ногтей, дотрагивается до век, хочет забыться, пряча лицо у нее на груди. Знакомый запах ее волос проникает в самые глубины его существа, руки ищут и ищут близости. Дыхание Нирмалы учащается.

Он гладит ее полные руки, мягкие округлые плечи. Нирмалу пронизывает дрожь. Он чувствует, как близка она ему каждой клеточкой своего тела, как трепещет под его ласками. Бурной волной прихлынула к сердцу горячая кровь, становится единым дыхание...

Вдруг он замечает свет в комнате у Бишана Капура. Табачный дым плывет оттуда сквозь железную решетку окна и пропадает в темноте переулка.

Но теперь Чандар забыл о своем одиночестве. Он целиком отдался знакомому запаху, знакомому дыханию, знакомым прикосновениям... Ему ничего больше не нужно. Только бы не быть одиноким. Обрести былую веру...

Все тихо вокруг. К Чандару приходит успокоение. Радостный, сжимает он Нирмалу в объятиях. Вздыхающийся прилив подхватывает его и увлекает за собой в глубины бездонного океана единения...

Дыхание Нирмалы постепенно становится ровным. Притяжение ослабевает, прилив спадает.

Но Чандар не хочет выпускать ее из объятий. Прилив уходит и вновь оставляет его одиноким. Одиноким, как ракушка на пустынном и враждебном берегу.

Нирмала высвобождается из его рук и устало откидывается на подушку.

Мало-помалу все кругом засыпает. Ночь опустилась на землю. Не слышно ни голосов, ни звуков.

Нирмала поворачивается к нему спиной и погружается в глубокий сон. Он смотрит на нее...

...И снова страх перед одиночеством охватывает Чандара. Он дотрагивается до плеча Нирмалы. Ему хочется повернуть ее к себе, но рука его словно онемела. Он ложится на спину и смотрит в темноту. Незаметно его веки смыкаются...

Часы на полицейском участке пробили два раза. Сон отлетает. Еще окончательно не проснувшись, Чандар вздрагивает. Тишина пугает его. Он протягивает руку, чтобы убедиться, здесь ли Нирмала. Рука нащупывает ее волосы, рассыпавшиеся по подушке, шелковистые, мягкие... Он поворачивается и зарывается в них лицом...

Потом рука касается ее округлого плеча. Нежная кожа, прикосновение которой так знакомо... Он медленно проводит рукой по ее телу. Прислушивается, стараясь уловить ее легкое дыхание. Надо же удостовериться, что он не один.

Она и сейчас лежит к нему спиной. Вот сказала что-то во сне. У Чандара замирает сердце. Только бы Нирмала не проснулась! Если она нечаянно вздрогнет, испугавшись его прикосновения, он тотчас почувствует себя чужим для нее!..

Нирмала спит, но дышит неровно, как бывает при испуге. Может быть, ей снится что-то страшное... Чандар замирает. Неужели она не узнает его прикосновения?..

И вдруг он начинает трясти ее за плечо и, не помня себя, кричит:

— Нирмала! Нирмала! Проспись!

Она сразу вскакивает и, протирая глаза, старается понять, в чем дело.

Чандар, наконец, включает свет, хватая Нирмалу за плечи и, нагнувшись к ее лицу, в страхе спрашивает:

— Узнаешь меня? Ты узнаешь меня, Нирмала?

Нирмала, широко раскрыв глаза, недоуменно смотрит на него:

— Что случилось?

Он не отвечает и лишь напряженным взглядом смотрит ей в лицо.

НИРМАЛ ВАРМА

ВЛЮБЛЕННЫЕ

Напротив кафе «Альпы» в проходе между торговыми рядами продают английские и американские журналы. Прямо под лестницей, ведущей в кафе, есть свободное

пространство, там стоят две тесно сдвинутые скамьи, на них-то и лежат кипы журналов, второсортные книжонки и рождественские открытки.

Декабрь... Последние дни старого года.

Голубое небо... Пронизывающий колючий ветер. Появляется грузный господин средних лет, одетый в коричневый костюм. Останавливается перед журналами и книгами и рассеянно их разглядывает. Из-под самой груды беспорядочно сваленных журналов достает один — полинялый и затрепанный. На обложке — картинка с голой возлежащей девицей. Господин сует журнал под нос продавцу — сидящему тут же на скамейке парню, подмигивает ему и гогочет. У того голая девица не вызывает никакого интереса, но покупатель есть покупатель, и, чтобы угодить ему, парень также скалит зубы.

Господин в коричневом костюме смотрит в мою сторону. Надеется, что и я заулыбаюсь. Но в это время парень начинает неторопливо насвистывать. Кажется, что свист исходит не от его губ, а возникает прямо в груди. Я отворачиваюсь.

Сегодняшней ночью я не сомкнул глаз, не заснул и под утро, когда обычно засыпаю. Мне нужно было прийти сюда, и я думал об этом. Я смотрю на улицу, откуда она должна появиться, откуда она всегда приходит. По обеим сторонам улицы с фонарных столбов свисают красные гирлянды, на длинных шестах развеваются флаги — ожидается приезд главы иностранного государства.

Порыв ветра — и гирлянды взлетают, словно воздушные шары. Небо затерялось в полотнищах — не небо, а узкий синий конверт. Мне многие вещи нравятся. Когда ночью не идет сон, бывает, что я гуськом выстраиваю их в уме и пересчитываю. Понятно, что я имею в виду только то, что мне по душе: ну хотя бы как трепещут на ветру знамена или когда кого-то молча ждешь.

Сейчас в наличии и то и другое. Я жду. Она не опаздывает. Просто я пришел раньше времени. Она же любит приходить точка в точку — ни на минуту раньше, ни на минуту позже. Вот почему я часто прихожу первым. Мне нравится ждать, долго ждать.

Время течет медленно. Стоять на одном и том же

месте и смотреть в одну и ту же сторону — не совсем прилично. У людей просыпается любопытство к твоей персоне. Я прохаживаюсь туда-сюда и вдруг снова оказываюсь перед книгами и журналами. Господин в коричневом костюме отсутствует. На сей раз у скамеек никого нет. Парень предупредительно смотрит на меня и одновременно грязной тряпкой стирает с обложек густой слой пыли.

На обложке журнала с голой девицей ошметки грязи. На бедрах девицы перекатываются катышки — комочки пыли. Кажется, что она спит.

Шуршат листья. Сегодняшней ночью я также слышал этот шум — в наш город ворвался сильный ветер. Утром, сходя вниз по лестнице, я увидел на ней эти листья — ночью ветер подхватил их с тротуара и бросил плашмя на ступеньки. Мне приятно думать, что мы оба живем в одном и том же городе. Листья устилают ступеньки всех лестниц. Когда начинается ветер, он с равной силой хлопает дверьми и моего, и ее дома, и это хлопанье словно роднит нас.

Этот город — Дели. Декабрьский день. Последние листья уходящего года взлетают в проходе между торговыми рядами. Я стою на Конноут-плейс, стою и жду. Она должна прийти.

Я предчувствовал, что наступит этот день, когда я буду стоять перед входом в кафе «Альпы» и ждать. Вчера вечером она позвонила мне. Сказала, что сегодня утром встретимся у «Альп». И больше ничего... Ни слова о моем письме, из-за которого она придет сюда. Я знал, что она не ответит на мое письмо — она не любит писать. «Не люблю писать», — однажды сказала она мне.

В тот день мы с ней вышли из гробницы Хумаюна¹. Она не надела сандалии и шла босиком по траве. «Люблю ходить босиком по траве», — сказала она. Я выхватил из ее рук сандалии. Она запротестовала: «Так приличные люди не поступают!» Последнее она сказала по-английски. Это ее любимая фраза. Когда же я попробовал тихонько притянуть ее к себе, она ловко отстранилась и опять сказала: «Так приличные люди не поступают!» Я завязал ее сандалии в свой платок. Оди

¹ См. примеч. 19 к рассказу Мохана Ракеша «Делийский калейдоскоп».

край платка держала она, другой — я. Мы шли, расклевывая платок, и сандалии в нем то взлетали вверх, то опускались вниз. Сразу за гробницей находилась насыпь, за ней железная дорога, а очень далеко — Джамна, с высокой насыпи реку хорошо было видно.

К ее голым, смуглым щиколоткам прилипли коричневые былинки и зернышки баджра². Стекла моих очков запылились, но я не мог протереть их платком, так как в нем были сандалии. Тогда я вытер очки краем ее сари. Она опустила голову и тихо спросила: «Ты здесь бывал прежде?»

— Да, бывал тут с одной.

— И что делали? — она посмотрела на меня, нервно помаргивая глазами.

— Целый день играли в карты, — сказал я.

— А еще что ты делал? — в ее голосе была настойчивость.

— Вечером она пиво пила. Жарко было.

— И ты пил?

— Да, — сказал я.

— А вас кто-нибудь видел?

— Никто. Темно было, а перед тем как уйти, она бросила бутылки вниз.

— Куда вниз?

— Под насыпь.

За насыпью — железная дорога, Джамна, которая очень далеко, а между ними развалины старой крепости. Тишина. Лучи холодного солнца, словно замороженные, стынут в оконных проемах с выломанными решетками.

Было самое начало декабря, и мы расположились на насыпи прямо за гробницей Хумаюна. Слева от нас были выщербленные камни старой крепости в мареве света, напротив — поле в колдобинах, во время паводка его заливала Джамна, и тогда оно переливалось серебристой рябью. Когда мы уже заторопились домой, она, спускаясь с насыпи, вдруг остановилась.

— Ты видишь? — она показала куда-то вдаль.

Следя за ее рукой, я увидел птицу. Птица сидела на минарете гробницы и равнодушно разглядывала нас.

² Б а д ж р а — сорт проса.

— Это павлин. Ты когда-нибудь видел его? — сказала она еле слышно. — Говорят, встретить павлина — к счастью.

К счастью и для нас? Я рассмеялся. Мой смех напугал птицу, и она, взмахнув крыльями, тяжело перелетела за купол гробницы.

К счастью и для нас? Этого я не сказал, а только подумал про себя.

Есть слова, которые я и по сей день не произношу вслух. Словно старые монеты, позвякивают они у меня в кармане. Я не могу их выбросить, не могу и забыть о них.

Однако, когда она подошла, я думал не об этих словах, а о крикете и еще припоминал непристойности, которые только что прочитал на стене общественной уборной. Такое случается со мной. Пока жду кого-нибудь, начисто о нем забываю. Прямо напротив меня до самого перекрестка у «Синдхия-хаус»³, словно в шеренге, стоят деревья, от красного цвета светофора они розовеют, и розовые пятна еще более подчеркивают их зелень. Я не заметил, когда она пришла. Я смотрел на светофор. Вот тогда-то она и появилась. На плечах шаль, волосы не смазаны, как обычно, маслом, а губы лишь слегка тронуты помадой — она любит так краситься.

— Ты давно здесь? — спрашивает она.

— Я пришел раньше тебя.

— И сколько уже меня ждешь?

— С прошлой недели.

Она смеется: «Я не в этом смысле. Когда ты сюда пришел?» Я не хотел, чтобы она догадалась о моей бессонной ночи. Единственное, что я хотел, так это знать о ее решении. А может быть, вовсе не это. Я люблю ее, вот что я знаю наверняка.

Мы поднимаемся по лестнице в «Альпы». Стоящий у двери парень приветствует нас. Он открывает дверь, и мы входим. На пороге я на мгновение останавливаюсь и смотрю на него. На лице у парня улыбка. Он давно уже приметил и меня, и ее — ведь мы часто ходим сюда вместе.

³ «Синдхия-хаус» — название здания, в котором находится резиденция многих фирм.

В кафе тьма крошечная. Но это не так, мы вошли с улицы — вот почему мы идем как в потемках, нащупывая. На улице нежное декабрьское солнце. Когда дверь открывают, его лучи разбегаются по кафе солнечными зайчиками и таятся под роялем, пока ее не закроют.

— Ты заглядывал в сегодняшнюю газету?

— Нет, — я отрицательно мотаю головой.

— В Симле⁴ выпал снег. Вот почему сегодняшняя ночь была холодной, — говорит она. — Я спала при закрытых окнах.

«А я не спал совсем», — думаю я и вновь слышу шорох сухих листьев. В декабре листья падают всю ночь.

— Ты видел снег, Нинди? — спрашивает она.

— Да, а что?

— Правда? — от удивления ее зрачки расширяются.

— Когда я был маленьким. Впрочем, сейчас я уже ничего не помню, — добавляю я.

— Ты и сейчас ребенок, — засмеявшись, говорит она. — Особенно, когда ты в свитере с длинными рукавами.

Она кладет свою маленькую сумочку на свободный стул и сбрасывает шаль. Пока она смотрит на мой свитер, я смотрю на ее руки. Они лежат на столе и, кажется, живут сами по себе. Ее пальцы чрезвычайно нервные, они то сжимаются, то разжимаются, словно цепляясь за что-то невидимое. Мы выбрали место в углу, отсюда мы не были видны официанту. Утром в кафе совсем мало людей, а тот, кто заходит, заходит на минутку. Столики вокруг нас пустуют. Там, где танцуют, горят под красными абажурами лампы. В дневное время свет оттуда идет неяркий, но его вполне хватает, чтобы разглядеть друг друга.

Неподалеку от оркестра, а точнее, слева от него, стоят Джордж и его подруга. Они видят меня. Джордж улыбается и машет рукой. Он здесь работает ударником. Оркестр начинает играть с половины одиннадцатого, а пока Джордж свободен. Он в курсе дела, знает, зачем я сюда пришел. Он старше меня, и вся моя, так сказать, подноготная ему известна.

Он улыбается и что-то шепчет на ухо своей подруге.

⁴ Симла — горный курорт в Гималаях.

Она поворачивает к нам голову. В ее взгляде нескрываемое любопытство. Не дерни ее Джордж за руку, она так бы и глазела на нас все время.

В моей руке сигарета, я до сих пор ее не зажег. Другая рука крепко стискивает голень. Я перегнулся почти пополам и что есть силы давлю на ногу. Не делай я этого, меня бы била нервная дрожь.

Подходит официант. Я заказываю кофе. Она сидит молча, смотрит на лежащую на стуле сумочку.

— Я надеялся, что ты позвонишь,— говорю я.

Она вскидывает на меня глаза, в них мелькает удивление.

— Чего тебе только в голову не приходит,— говорит она.

— Вероятно, я ошибся,— говорю я.— Судя по всему, ты недовольна.

— Вовсе нет... Судя по всему...— бормочет она.

Я смеюсь.

— Что такое? Почему ты смеешься?

— Ничего. Просто кое-что вспомнил.

— Что же ты вспомнил? — спрашивает она.

— Да твои слова: «Так порядочные люди не поступают».

Ее губы слегка дрожат, словно крылья бабочки, которая решила вспорхнуть, но передумала и осталась на месте.

— Ты вовремя пришла домой?

— Когда?

— В тот день, когда мы встречались у гробницы Хумаюна.

— Нет. Автобус не ходил. Продавала неизвестно сколько, а потом перехватила моторикшу. Какая удивительная была та ночь!

— Что же в ней было такого удивительного? — спрашиваю я.

— Я долго не могла уснуть,— говорит она.— Вспоминала павлипа. Помнишь, мы увидели его тогда на куполе гробницы.

Павлин! Я вспомнил тот вечер. Мы расположились за беседкой, которая стояла на насыпи. В моем платке были завязаны ее сандалии, а ее ступни оставались голыми. Она замочила ноги, идя босиком по траве. К ее ступням и щиколоткам пристало несколько зерпышек

баджра. Нас томило смутное желание, и я испугался. Кажется, этот страх и сейчас с нами. Он как мяч, впрочем, я не замечаю его — под столом моя рука опирается на стул и ее бьет озноб. Она этого не видит. Мы можем смотреть разве что друг на друга и знаем: сейчас последние дни уходящего года. Вслушиваемся в допоясющееся с улицы шуршание желтых декабрьских листьев — все мостовые Дели постепенно устилаются ими.

Кажется, что сейчас я открою ей все, о чем я неотрывно думаю последнюю неделю, ходя по улицам, дожидаясь автобуса, ложась спать и даже во сне, словом, все то, что я поверяю самому себе. Это всегда со мной. Этого не нужно вспоминать. Я ничего не забыл. Что теряется в памяти, то теряется. Но этого ни за что не забыть.

Подходит официант и наливает из кофейника кофе — сначала ей, потом мне. К столику напротив нашего подходит молодая женщина-англичанка. С ней очень маленький мальчик, он встает за ее стулом. Женщина утыкается в меню.

— What will you have, sonny? ⁵

Малыш скребет рукой в волосах, смотрит, нагнув голову, в меню.

— Мм... — он мычит и, словно кошка, морщит нос.

— Oh, shut up! Won't you sit down? ⁶

Столики за оркестром, которые еще недавно были свободны, постепенно заполняются. На улице солнце скрылось в облаках. На оконных стеклах играют блики от электрических ламп. Когда открывают дверь, солнечные зайчики уже не прыгают вовнутрь, как прежде. Только ветер врывается, и через порог вползают клубы грязноватого пара. Дверь отворяют и некоторое время не закрывают. Мы видим, что происходит на улице. Там стоит холодная мгла, а небо, еще недавно синее, покрылось тучами.

Мы сидим в самом углу. Иногда кто-то проходит мимо — это случается часто, — но к нам не подсаживается. Ей нравится сидеть в этом углу. Она что-то чертит ложкой на скатерти, а я думаю о своих расска-

⁵ Что ты будешь есть, сынок? (англ.).

⁶ Замолчи! Ты сядешь, наконец? (англ.).

вах. О тех, которые я не написал и, вероятно, никогда не напишу. Думать же о них мне чрезвычайно приятно.

Через два дня рождество. У лавчонок на улице, которую по старой памяти и сейчас иногда называют Квинсвей⁷, толчея. В кафе часто заходят люди с покупками. У них в руках разноцветные сумки, корзинки, пакеты. Когда они входят, она смотрит на них. Ее глаза печальны. А я смотрю на ее запястье с пластмассовым браслетом — он вот-вот соскользнет с руки. Она уже окунула его в чашку кофе, и его ободок усеян каплями и блестит.

— Нинди! — говорит она едва слышно и замолкает.

Нинди — мое домашнее имя. Однажды она спросила, как зовут меня в семье, и я сказал ей. Когда мы не находим места от одиночества, а такое бывает, или когда мы, общаясь друг с другом, открываем, что одиночество еще более возрастает, а ей кажется, что своим разговором она меня вконец расстроит, вот тогда-то она и начинает с «Нинди!». Моя рука вдавливается в колени. Очевидно, пришел момент, которого я так долго ждал.

— Нинди! Все это недоразумение, — едва слышно говорит она, настолько тихо, что мне становится смешно.

— Ты долго думала, прежде чем это сказать? — спрашиваю я.

— Нинди, это правда, — она улыбается вместе со мной, но в глазах ее все та же печаль. — Я никогда об этом не думала.

— О чем об этом, — спрашиваю я.

— Ну, о том, о чем ты мне написал. Я несколько раз перечитывала. Нинди, это ошибка. Правда. Большое недоразумение. Нинди...

Она смотрит на меня. У нее жесткие волосы, а губы едва тронуты помадой, словно это вовсе и не помада, просто цвет губ стал чуть-чуть темнее. Она смотрит на меня.

— Нинди... Ты...

Затем шевелит губами — я ничего не слышу и при-

⁷ Квинсвей («Дорога королевы») — старое название улицы Джанпатх («Дорога народа») в Дели.

двигаюсь к ней ближе. Она накручивает на палец платок:

— Нинди! Правда, ты сумасшедший! Вот уж о чем я никогда не думала. *Not in that way*⁸.

Not in that way! — эти четыре слова необычайно просты, и вдруг я словно освобождаюсь. В голове мелькает — до чего же легко жить!

Я смотрю на нее. В ее глазах стоят крупные, как у ребенка, слезы. Но между ее лицом и глазами нет никакой связи. Слезы появились словно сами по себе, и через некоторое время, еще до того как они скатятся по щекам, незаметным образом высохнут, и она о них даже не узнает.

Хотя, возможно, несколько слезинок все же не высохнет. Сегодня ночью я размышлял как раз о том, что будет, если она скажет — нет? Сейчас она это сказала, а я тот же самый, ничуть не изменился. Что во мне осталось, то было и раньше. Правда, с возрастом это будет накапливаться, накапливаться и все молча, как закрытые двери, как летящие листья и старые камни... Я же буду жить по-прежнему.

На ее лице одновременно и стыд и сочувствие. Сочувствие ко мне, стыд же, вероятно, за саму себя.

— Нинди, ты недоволен?

Я кивнул головой. Да, недоволен.

— Ты обо мне плохо думаешь?

Я смеюсь. Сейчас я спокоен. Моя рука все еще сжимает колено, но уже не дрожит. Когда мы вошли сюда, меня словно окружала туманная дымка. Все было как во сне. А разве это не сон? Ее шаль, ее божественно мягкие руки... Но сейчас они приобретают твердость, реальность. Захочу до них дотронуться — дотронусь, и пальцы мои не вздрогнут.

— Нинди, *we can be friends, can't we?*⁹ — говорит она по-английски. Когда она сильно волнуется, то всегда переходит на английский, и мне приятно ее волнение. Я ничего не говорю, потому что говорить просто так не имеет смысла. И я знаю: то, что мне надо сказать, словами не выскажешь... Вот почему я и через 15—20 лет буду помнить сегодняшнее утро. Разве для

⁸ Не так (англ.).

⁹ Ведь мы останемся друзьями, не так ли? (англ.).

этого нужны слова? Начинаешь вспоминать, и в памяти возникает тысяча ненужных, не относящихся к делу деталей... Мы сидели в «Альпах», на улице был декабрь, и в воздухе кружились желтые листья... Нет, из такой мурлы рассказа не сделаешь. Вот почему я повторяю про себя опять и опять: «Последние дни этого года. На улице в киосках и с лотков продают рождественские открытки. Это Дели...» Наш город. Годами мы живем в разных домах. Но сегодняшним утром мы изменили наш обычный маршрут, чтобы вдвоем посидеть в этом крошечном кафе, посидеть некоторое время. А потом она вернется в свой дом, а я — в комнату Джорджа и буду пить весь вечер не переставая.

— Правда, Нинди? Будем друзьями?

В ее голосе настойчивость. Я улыбаюсь. Широко зеваю. В открытую. Теперь я ничуть не стесняюсь, могу даже сказать, что всю ночь не спал.

— О чем ты думаешь? — спрашивает она.

— О снеге, — говорю я. — Ты же сказала, что в Симле вчера выпал снег.

— Да, я прочла в газете. Всю ночь где-то падал снег, а я не знала. Поэтому, наверное, и было так холодно. Я закрыла все окна в комнате, только после этого легла спать, — говорит она. — Когда в Симле выпадает снег, в Дели всегда похолодание.

Некоторое время назад я стоял перед кафе «Альпы». Я пришел раньше и смотрел на светофор. Я считал до десяти. Загадал: если сосчитаю до десяти и загорится зеленый свет — она скажет «да», а если нет... Но сейчас я спокоен.

— Послушай, Нинди, — говорит она. — Если бы ты не написал, было бы куда лучше. Теперь мы не можем быть такими, как прежде.

«Я тоже не спал сегодня», — думаю я.

— А ты слышала ночью, как ветер гонял листья по пустынным мостовым?

— Я же закрыла окна. Мне приснилась гробница Хумаюна. Ты смеялся так громко, что бедный павлин перепугался и улетел.

Мы сидим молча. Через некоторое время она поднимает на меня глаза:

— О чем ты думаешь?

Я молча смотрю на нее. Наконец отвечаю:

— О снеге.

Мы медленно поднимаемся. Вот-вот заиграет оркестр, и мы хотим уйти от этого. Подойдя к двери, я останавливаюсь и в последний раз оглядываюсь. На скатерти остались полосы, которые она машинально провела ложкой. По обе стороны от этих полос — чашки, из которых мы пили кофе. Они стоят близко друг к другу и будут так стоять, пока официант не унесет их. И два стула, на которых мы только что сидели, тоже свободны. Свободны, пока кто-нибудь не сядет на них.

Подруга Джорджа замечает меня. Она улыбается мне пьяной улыбкой. Она считает, что мы влюбленные. Джордж, судя по всему, рассказал ей о нас. Джордж садится за барабан. Еще чуть-чуть, и оркестр заиграет. Джордж замечает меня. Он машет мне барабанной палочкой.

— Good luck ¹⁰, — говорит он и прищуривает один глаз.

Я выхожу на улицу.

Облака рассеялись. Под арку пробиваются солнечные лучи. У лотков с книгами и журналами рядом с кафе собрались люди. На Квинсвей опять толчея. Разноцветные ленты на лотках рождественской распродажи развеваются на ветру. Над лентами — голубое небо.

Я глубоко зеваю, глаза становятся влажными.

— В чем дело? — спрашивает она.

— Ни в чем, — говорю я.

— Мне нужно купить рождественские открытки. Может, проводишь меня?

— Конечно, я совершенно свободен.

Мы направляемся в сторону Квинсвей.

— Подожди немного. Я сейчас, — я поворачиваюсь и быстро иду к скамейкам с журналами. Там их целая груда. Из-под самого пиза я достаю журнал, на обложке которого лежит под лучами солнца голая девушка.

— Сколько стоит? — спрашиваю я.

Парень смотрит на меня, называет цену и, улыбаясь, начинает что-то насвистывать.

¹⁰ Всего хорошего (англ.).

ЗАМЕТКА В НОМЕР

Он разорвал третий вариант своей заметки и, явившись по вызову в кабинет главного редактора, предстал перед ним с виноватым видом. Тот предложил ему сесть и приказал подать чаю.

— Что же тебе мешает? — спросил главный редактор. Вообще-то ко всем своим сотрудникам он обращался на «вы». Таким образом он держал дистанцию между собой и подчиненными. Но сейчас, увидев Пракаша расстроенным, он сказал ему «ты» исключительно из желания подбодрить. И по возрасту главный редактор был старше. Так что его «ты» ничуть не задело репортера.

— В утренний выпуск твое сообщение уже не попало. Это значит, что наша газета отстала на день. Я очень недоволен тобой.

«Ясно: зав. отделом информации уже успел нажаловаться». Но Пракаша это не смутило. По правилам ему полагалось сдавать свои материалы к первому выпуску. И потом у главного редактора репутация страдает от того, что его газета будет единственной, не напечатавшей этой новости.

— Ты по крайней мере мог предупредить, что не успеваешь, мы бы тогда использовали материал агентства. А то понадеялись на тебя, и вот результат.

Ему хотелось сказать, что на него не зря надеялись. Он действительно собирался сдать свой материал вовремя. Три раза принимался за него, но так ничего и не вышло.

— В чем же все-таки дело? — повторил свой вопрос главный редактор. — Со здоровьем-то у тебя как?

— Спасибо, хорошо.

— В нашем деле ты не новичок. Ответственное задание тоже не в первый раз получаешь, — главный редактор как бы давал Пракашу характеристику, пытаясь в нем разобраться. — Но должна же быть какая-то причина. В редакции у тебя как будто все в порядке. «Он, видимо, подумал, что дело в том, какие у меня сложились отношения в редакции».

— Нет, дело совсем не в этом,— сразу же возразил он.

— Так в чем же? — в голосе главного редактора послышалась нотка раздражения.

Он опустил голову и, чтобы поскорее закончить разговор, сказал:

— Больше этого не повторится.

Вернулся к себе, сел. Отдел информации был почти пуст — его коллеги уже закончили дела и ушли. Только Судха, девушка, проходившая в редакции стажировку, что-то печатала, склонившись над машинкой. Она оглянулась на него и тут же вернулась к своей работе. Рядом, за длинным столом, несколько редакторов быстро проглядывали телетайпные ленты и разрезали их. Из телепринтера на пол, извиваясь, сползала бумажная лента. Ни с того ни с сего он принялся сам разрезать ее, хотя это было обязанностью посыльного. Тот сидел на табуретке недалеко от стола редакторов. Кое-кто из них удивленно взглянул на Пракаша и снова погрузился в работу.

По длинному коридору он прошел к туалету, закурил и остановился перед зеркалом. Когда старшему репортеру Бхандари хотелось пошутить в адрес Пракаша, он, указывая на его волосы, говорил: «В материалах Пракаша треть правды и две трети вранья. Видите, как он мучается». И в самом деле волосы у Пракаша были на две трети седые. Старший не был далек от истины. Оперативности ради Пракаш пользовался не столько фактами, сколько воображением и догадками. В его репортажах было больше от беллетристики, чем от жизни.

На шутку он отвечал шуткой же: «От романов о шпионах и американских журналов у меня ум за разум зашел». Стоя перед зеркалом, провел рукой по еще в молодости поседевшим волосам. Подумал, что старший и в этот раз с удовольствием прошелся бы по его адресу, увидев сегодняшний материал. Правды в нем не было даже на треть. Все было неправдой от начала до конца.

Вернувшись на место, он попытался сложить обрывки разорванной заметки. За окном уже был вечер. Главный и его заместитель давно ушли. В другом конце комнаты девушка-стажер все еще печатала на машинке.

В отличие от репортеров она пользовалась стенографией, не доверяя неразборчивой скорописи.

Он все-таки сложил свою неудавшуюся заметку и стал читать ее:

«Нью-Дели. 11 декабря. Девять человек было убито и тридцать три ранено, когда полиция открыла огонь по бесчинствующей толпе в районе Чандни-чоук. Сначала полиция применила слезоточивый газ, чтобы разогнать ее, но после этого разъяренная толпа обрушила на полицейских град камней и стала поджигать магазины и дома. Чтобы овладеть ситуацией, полиция была вынуждена сделать шесть залпов. По словам представителя министерства внутренних дел, ущерб, причиненный хулиганами, равен тремстам тысячам рупий. Ввиду напряженного положения, сохраняющегося в Чандни-чоук, Дарьягадж¹ и прилегающих к ним районах, здесь с шести вечера до семи утра введен комендантский час».

Он взял сообщение информационного агентства об этом инциденте и стал сравнивать. Оказалось, что оба материала очень похожи и даже написаны в одних и тех же выражениях. Ни тут, ни там не было неточностей, сообщения основывались исключительно на фактах. Он сам присутствовал на месте происшествия, и полиция действительно вынуждена была открыть огонь. Верно было и то, что толпа совершала акты вандализма. И, однако, его не покидало ощущение, что все написанное им — неправда. Есть что-то, полностью опровергающее его версию.

Тут же он нашел и кое-какие фотографии, сделанные его коллегой, фоторепортером Калия. Их отверг зав. отделом информации. Он взял их и стал разглядывать. Они были столь же безжизненны и лживы, как и его заметка. В них чего-то не хватало.

Чего? Он не знал. В самом деле, чего же не было в его заметке, в отчете информационного агентства и в фотографиях Калия, почему им нельзя было верить?

Посыльный положил перед ним записку от зав. отделом. Пракаш развернул ее: «Информация о расстреле пойдет главным материалом. Сам напишешь отчет или давать сообщение агентства?»

¹ Дарьягадж — район Дели.

Он разозлился, посмотрел в сторону начальника. Тот сидел за отдельным столом в дальнем конце комнаты, его почти не было видно за кипами бумаг. На том же листке Пракаш написал: «Уточню окончательные цифры в полицейском управлении и в больнице, вернусь и сдам свой материал».

Пракаш быстро вышел на улицу и резким движением завел свой мотороллер. Он на самом деле собирался ехать в полицейское управление, но почему-то направился в сторону Чандни-чоук.

Он написал правду. В Дарьягандже, у Джама Масджид² и в соседних районах чувствовалась напряженность. Шести еще не было, комендантский час не начался, но лавки уже закрылись, как при харталах³. Вчера улицы в Дарьягандже были забиты транспортом. А сегодня они почти пустынные. Еще не было пяти, когда служащие из контор разошлись по домам. В кино-театре не видно ни огонька.

Попав в Чандни-чоук, окинул взглядом ряды лавок. Они закрылись уже после полудня. Улица как будто вымерла, если не считать конного патруля. Двери домов были заперты. Только с крыш или со вторых этажей доносились детские голоса и мелькали чьи-то силуэты. На площади с фонтаном, где днем свистели пули, была открыта лишь чайная. Он поставил мотороллер неподалеку и вошел — захотелось выпить чаю. Хозяин, казалось, уже заканчивал торговлю. Если бы не полицейский, забежавший перекусить, он давно бы уже закрыл свое заведение. За столиками могли усестись только восемь-десять человек. В одном углу стояла печка, на которой кипятился чай, рядом лежало блюдо с лепешками, испеченными еще утром.

Пракаш широко распахнул дверь. Это разозлило хозяина. Пракаш извинился:

— Я думал, будет не так жарко.

Хозяин ответил:

— Ведь сейчас декабрь. Если вам жарко, идите куда-нибудь в другое место.

Заметив, что Пракаш в замешательстве, полицейский (оказавшийся его знакомым) оборвал хозяина:

² Джама Масджид — крупнейшая мечеть в Делли.

³ Х а р т а л — всеобщая забастовка.

— Ну-ка, помолчи. Нечего болтать!

Полицейский вышел, вслед ему хозяин от души выругался. Потом замолчал.

В чайной все еще сидело человек пять-шесть. Им, паверное, некуда было идти. Они обсуждали сегодняшнее событие. Пракаш молча слушал. То, что они говорили, было лишь домыслами. Каждый старался придать себе значительности, утверждал, что был очевидцем происшедшего.

Не вытерпев, Пракаш сказал:

— Стреляли не отсюда, а оттуда,— и указал пальцем.

Они то ли не слышали его, то ли сознательно игнорировали. Что им за дело до какого-то чужака...

Как раз оттуда, где сейчас стоит полицейский, чуть поодаль от перекрестка, был сделан первый залп.

Положение и раньше представлялось достаточно напряженным. Собралась толпа тысяч в десять. Когда в ход пошел слезоточивый газ, Пракаш вместе с другими репортерами, стоявшими за спинами полицейских, отступил еще дальше назад. Теперь они не могли видеть, как газ подействовал на толпу.

Когда газ рассеялся, Пракаш попытался вернуться на прежнее место, но полицейские его остановили. Они сказали, что толпа вышла из-под контроля и что им отдан приказ открыть огонь. Перед шеренгой полицейских стоял районный судья.

Толпа двинулась вперед, подожгла песколько лавок. В полицейских полетели камни, кирпичи. Один большой камень упал у самых ног Пракаша.

Выстрелы раздались в тот самый момент, когда он, пробравшись вперед, обратился с вопросом к судье. После первого залпа передние ряды дрогнули. Люди пытались бежать, но наталкивались на тех, кто был за ними. Град камней усилился. Толпа бросилась на полицейских.

Репортеры заняли позицию на ступеньках какого-то магазина. Оттуда был прекрасный обзор. Отчасти для самозащиты, отчасти выведенные толпой из себя полицейские дали еще залп, потом другой. Теперь они сами двинулись вперед, в то время как толпа рассеивалась

и отступала. С винтовками наперевес они шли, как в атаку.

Стремясь все видеть, Пракаш не отставал от полицейских. Другие репортеры не рискнули покинуть свое место.

У него громко стучало сердце. Какое-то странное возбуждение охватило его. Ему захотелось обогнать полицейских и преградить им дорогу.

Тогда еще никто не пострадал. Но после третьего залпа он увидел, что много людей упало на землю. Как будто молния одним ударом повалила густой лес. Потом четвертый залп, пятый, шестой. Все произошло буквально за считанные минуты.

Каждый прятался где мог. Люди разбежались во все стороны.

Улица заполнилась телами убитых и раненых. Там, где только что выкрикивались лозунги, теперь были слышны стоны. Да еще топот тяжелых ботинок бегущих полицейских. Пракаш словно оцепенел. Когда полиция удалилась, он вдруг решил, что, кроме него, некому посчитать убитых. «Быть свидетелем — вот все, на что я способен», — подумал он, и ему стало тошно. Но он превозмог себя и начал обходить место побоища, делая пометки на клочке бумаги, — он никогда не носил с собой блокнота.

Он хотел записать свидетельства раненых до того, как придет скорая помощь. Если ему удастся опросить хотя бы двух-трех, у него получится отличный материал. Обычно репортеры не столь дотошны. К чему рисковать? Для них подобное событие имеет только один интерес — политический. А брать показания у умирающих — это не их дело, а полицейских. Перешагивая через лужи крови, он вышел к длинному ряду лавок, там уже начали подбирать убитых и раненых.

Оказавшись рядом с лежавшим у самого края мостовой мужчиной средних лет, он остановился. Он увидел, что тот пытается подняться, упираясь руками в землю, но снова и снова валится на бок. На рубашке у раненого расплылось большое кровавое пятно. Видимо, он был ранен в живот. Пракаш помог ему встать и прислониться к столбу. Мужчина тяжело дышал, кровь из него так и хлестала. Пракашу показалось, что раненый хочет спросить о чем-то. Он спросил:

— Вы хотите что-то сказать?

Во взгляде, которым тот ответил ему, Пракаш увидел и благодарность и гнев. На какой-то момент Пракаш растерялся. «Он сердит на меня за то, что я цел и невредим?» Ему стало не по себе от взгляда человека. Он подумал, что тот может умереть. Его нужно немедленно увезти отсюда.

Пракаш усилием воли заставил себя спросить человека, как его зовут. Тот попытался ответить, но не смог произнести ни звука. Левую руку он прижимал к животу, откуда текла кровь, а правая, простреленная, бесильно повисла. Глаза у него были закрыты.

Пракаш спросил у раненого:

— Вам что-нибудь нужно? — и увидел, что тот открыл глаза. В них были слезы.

У Пракаша задрожали колени. Карандаш он давно сунул в карман. Его стошнило. Но тут раненый, изо всех сил напрягшись, что-то пробормотал. Пракаш только и разобрал: «Бу-во-ви».

— Это ваше имя? — наугад спросил Пракаш. Ему показалось, что в ответ раненый улыбнулся.

— Бу-во-ви, — снова произнес он. Оттянув руку от раны, он попытался сделать какой-то жест.

Теперь Пракаш понял. Тот, видимо, спрашивал о ком-то из убитых: «Ху воз хи?»⁴. Не ответив, Пракаш перешел на другую сторону улицы, где оказывалась помощь раненым.

Вдруг что-то заставило его обернуться. Ему послышалось, что кто-то окликнул его. Он снова подошел к умирающему.

Тот сидел, прислонившись головой к столбу. Глаза у него были открыты. Он некоторое время смотрел на Пракаша, словно вспоминая его. Потом внезапно схватил его руку. Крепко сжал. Он как будто тянул Пракаша к себе. Пракаш испугался, попытался высвободить руку. Но умирающий держал ее крепко. «Так он может утащить меня за собой туда... в темноту...» Пракаш рывком выдернул руку и встал.

Человек был мертв. Голова у него склонилась набок, левая рука, так же как прежде правая, безжизненно повисла.

⁴ Кто он? (англ.).

В панике бросился Пракаш к машине скорой помощи.

— Там человек умер! — крикнул он. Но санитары лишь взглянули на него и молча продолжали заниматься своим делом.

Он сел на мотороллер, который оставил на стоянке у Красного форта, и поехал в редакцию. Мотороллер ехал медленно — словно сам по себе.

В редакции он достал свои записи и разложил их на столе. Ему нужно было срочно сдавать материал, чтобы успеть в утренний выпуск. Но только он написал одну фразу, как ему показалось, что кто-то схватил его за руку. Написал вторую — и руку сжали еще крепче. Обеспокоенный, он перестал писать и откинулся на спинку стула.

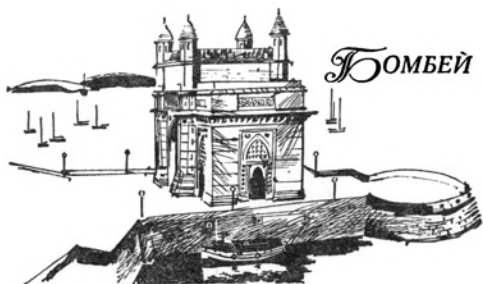
Через некоторое время он снова взялся за перо, но снова почувствовал, что кто-то держит его руку. Так он и не смог толком ничего написать.

На третий раз он все же набросал несколько строк, но, прочитав их, разорвал написанное и бросил в корзину. Он никак не мог понять, почему его отчет, несмотря на верное изложение всех фактов, выходит лживым...

Его чай остыл. Хозяин убрал чашку. Вероятно, это значило, что Пракашу нужно уходить. Стало совсем темно. Площадь была пустынна. Ему пришлось долго возиться, прежде чем двигатель заработал. Потом он включил фару. Он мчался по улице, и ему казалось, будто улица гонится за ним.

В редакции его ждал старший репортер. Не доходя до своего стола, Пракаш сел на свободное место и написал записку зав. отделом: «Плохо себя чувствую. Печатайте сообщение агентства».

Стараясь не попасть на глаза старшему, он вышел на улицу. Его снова охватило отвращение к себе. Он достал из кармана старый номер своей газеты и разорвал на мелкие кусочки. Упавшие на землю клочки бумаги он топтал ногами. Долго топтал.

ХОДЖА АХМАД АББАС

БОМБЕЙСКАЯ НОЧЬ

Радостная улыбка, казалось, озаряла лик Бомбея с той самой минуты, как дивная красавица ночь приняла его в свои объятия. Пассажиры приникли к иллюминаторам заходящего на посадку самолета: внизу переливались гирлянды огней, точно жемчужные ожерелья, небрежно разбросанные на черном бархате.

Внизу по летному полю с достоинством катил «Боинг-707» авиакомпании «Пап-Америкэн», только что прибывший из Сингапура, — это был тот самый «Боинг», из-за которого скромный «Вайкаунт», обслуживающий линию Дели — Бомбей, не получил разрешения на посадку и пилоту вместе с шестьюдесятью пассажирами пришлось сделать над городом два лишних круга.

Среди пассажиров незадачливого «Вайкаунта» находился и Арджуи Арора, корреспондент газеты «Бомбей таймс», который по заданию редакции специально летал в столицу, чтобы присутствовать на праздничном параде в честь Дня республики¹.

¹ День республики отмечается ежегодно 26 января; учрежден с 1950 г.

На обратном пути Арджун уже успел накропать почти весь отчет, и сейчас, весьма довольный собой, он, тыча пальцем в стекло иллюминатора, бойко рассказывал соседу, что означает это скопище огней внизу:

— Смотрите, смотрите, вон корабли стоят на рейде... А рядышком, почти напротив «Ворот Индии»² и отеля «Тадж-Махал», — Колаба, самая южная оконечность острова. А вот это Мариш-драйв, самая красивая улица нашего города, она тянется вдоль берега моря на несколько миль. А это созвездие огней, что прямо под нами, — сама знаменитая Чаупати. О чем, о чем, а о Чаупати вы уж, надеюсь, слышали...

Тут он обернулся и с изумлением увидел, что сосед совсем не слушает его объяснений. Глаза старика были закрыты, а руки судорожно цеплялись за ремень, который он пристегнул перед самой посадкой. Во время своих поездок по стране Арджун Арора сталкивался со всякими людьми, были среди них и странные, и интересные, но таких, как его теперешний попутчик, встречать ему не доводилось. Еще в Дели, когда их самолет только выруливал на взлетную полосу аэропорта Палам, старик вытащил из внутреннего кармана пиджака пухлую пачку банкнот, подержал, словно взвешивая, на ладони и, подмигнув, спросил Арджуна: «Ну как, тридцати-то тыщенок хватит?» — однако, видя молчаливое недоумение собеседника, стал рассказывать:

— Видите ли, я в Бомбей в первый раз в жизни лечу. Здесь, в Дели, у меня ювелирный магазин. Хлопот, сами понимаете, выше головы. В Бомбей-то я давненько собираюсь, да все вот недосуг. В прошлом году в паломничество ходил, все святые места пешком обошел, а в этом — дай, думаю, перед смертью хоть разок побываю в Бомбее, погляжу, что за диво такое. Жизнь-то на детей да на внуков ушла: я работал — деньги копил, а они прожигали!.. Хватит, проживу в свое удовольствие хоть месяц. А лучшего места, чем Бомбей, для этого, говорят, не найти. Тут за одну ночь, говорят, столько можно увидеть и получить... — и от мысли о том, что можно увидеть и получить в Бомбее за одну ночь, тусклые глазки старика молодо блеснули, и он плотоядно

² «Ворота Индии» — триумфальная арка, сооруженная британскими колонизаторами; по иронии судьбы через эти «Ворота» в 1947 г. ушел из Индии последний английский солдат.

причмокнул... Однако теперь, когда до Бомбея было уже рукой подать, старик сидел неподвижно, закрыв глаза, и узкие губы его были сухими и бескровными.

— Вот бедняга! — невольно посочувствовал ему Арджун. — На этой проклятой посадке кого угодно вывернет наизнанку. А этому несчастному, похоже, совсем худо — то ли вообще, видно, самолет не переносит, то ли, кто его знает, летит впервые...

Сам Арджун летал много и полеты переносил хорошо. Однако и его мутило, едва у соседей начинался приступ рвоты. Поэтому, едва заметив побелевшее лицо старика, он тотчас же отвернулся к окну и принялся разглядывать огни раскинувшегося внизу города. Посадку все еще не давали, и Арджуну казалось, что кружится город — там, внизу, переливаясь электрическими гирляндами, — а самолет неподвижно застыл под черным куполом неба...

— Ночь! Волшебница ночь! — мысленно воскликнул Арджун. — Каждый вечер принимает она Бомбей в свои объятия, укутывает его в расшитое звездами черное покрывало, под которым до самого утра не видны ни отталкивающие черты города, ни грязные лохмотья одеяния, ни струпья и кровоточащие язвы на его теле. Темнота скрывает все уродливое и безобразное, любую подлость, любое преступление. Но вот приходит утро, один за другим гаснут огни, и словно сползает грим с размазанного лица, обнажая дряблую кожу и предательские морщины; а потом солнце протягивает свою огненную руку, в один миг смахивает обрывки волшебного покрывала и, вырывая город из нежных объятий ночи, выставляет все его безобразие в безжалостном блеске дня... Но до утра еще далеко, а ночью Бомбей, без сомнения, самый красивый город на свете — бриллианты и рубины, рассыпанные на черном бархате... Не слишком ли много поэзии, однако? — усмехнувшись, подумал Арджун. — И вовсе не бархат внизу, а ночной город, и блестящие гирлянды — не рубины и бриллианты, а улицы, переулки, жилые здания и магазины, отели, кинотеатры, ночные клубы, фабрики и заводы, доходные дома и бедняцкие лачуги. И над всем этим беззвучие неоновых огней — всемогущая Ее Величество Реклама, властно призывающая покупать машины и печенье, ткани и туалетное мыло, посмотреть только что

вышедший на экраны фильм, Реклама, переливающаяся пурпуром и небесной лазурью, закатным багрянцем и золотистой охрой.

В этот город Арджун переехал после того, как произошел раздел страны³. С тех пор прошло уже пятнадцать лет, и за это время он узнал бомбейскую ночь так же хорошо, как муж — тело своей жены. Здесь ему были знакомы все узелки той огненной сети, что колыхалась внизу. Каждую ночь, закончив дежурство, он шел с площади Флора-фаунтен через залитый огнями город к себе домой — в квартал Бхайкхала. Потерпев неудачу в своей первой любви, много месяцев вымеривал он потом в почную пору неровный тротуар на Марин-драйв и, чтобы хоть чем-то заглушить тоску и заполнить гнетущее одиночество, считал огни. А когда он познакомился с Ушей и к нему пришла новая любовь, они почти каждый вечер ходили на Чаупати и в неярком свете газовых фонарей, освещавших кондитерские, с наслаждением уплетали сладости и дахи-барэ — изготовленное по особому рецепту квашеное молоко со льдом, а затем отправлялись в квартал Махоба к известной им одним лавочке и заказывали по порции ароматного бетеля по-бенаресски. Они жевали бетель, весело болтали и смеялись, считали фонари на Бакалешвар-род и так незаметно доходили до Малабарского холма, чтобы вдаль от уличной толпы и шума занять одну из скамеек, что стоят напротив висячих садов⁴, и, тесно прижавшись друг к другу, слушать, как бьются их сердца...

С тех пор прошло много времени — нелегкими были эти годы, и вместе с годами изменился вкус бетеля, приготовленного по-бенаресски в квартале Махоба: теперь он стал терпким и отдавал горечью. Ни разу больше не заглянули супруги Арора на Чаупати, чтобы полакомиться рассыпчатым печеньем или выпить стакан соку, и уже не ходили на Малабарский холм слушать, как бьются сердца друг у друга. Теперь, мучаясь бессонницей, Арджун целую ночь слушает сладкое похрапывание жены, а Уша, когда ей не спится, терпеливо внимает его бессвязному бормотанию во сне обо всем, что творится на земном шаре, и оба они чутко прислушива-

³ Имеется в виду создание в 1947 г. двух независимых государств: Индии и Пакистана.

⁴ Одна из достопримечательностей Бомбея.

ются к ровному сопенью, натужному кашлю или капризному детскому плачу: за эти годы Арджун стал отцом троих детей.

«Что же произошло со мной? — подумал он. — Я по-прежнему люблю Ушу, и она, я уверен, тоже любит меня, но почему же мы не ходим, как прежде, на Чаупати и не заглядываем в лавчонку торговца бетелем в квартале Махоба? Почему не поднимаемся на Малабарский холм и не слушаем, как бьются наши сердца?» Он все еще искал ответов на эти вопросы, как вдруг город, раскинувшийся внизу, перестал кружиться, а огни аэродрома — голубые, желтые, красные — стремительно понеслись навстречу; ему даже показалось, что еще секунда — и произойдет непоправимое: самолет с грохотом разлетится на кусочки, а огни, словно в праздничном фейерверке, яркими звездами рассыплются по темному небу...

Но легкий толчок — и самолет уже катится по бетонной полосе, выруливая к зданию аэропорта. В последний раз взревели моторы, самолет затрясся, как в лихорадке, и все смолкло — наступила непривычная тишина.

— Ну, вот мы и в Бомбее! — освобождаясь от привязного ремня, сказал Арджун, поворачиваясь к соседу. — Теперь-то уж вы вдоволь наглядитесь!

Но старик молчал: глаза его смотрели невидяще, и голова как-то неестественно и странно свешивалась набок.

Сидевший с другой стороны прохода молодой человек со щегольскими усиками уже встал. Закинув за плечо спортивную сумку, — купленную, вероятно, с тем, чтобы больше походить на авианассажира, — он нагнулся к старику:

— Поднимайтесь, дорогой, приехали!

Не получив ответа, молодой человек недоуменно развел руками и, сделав шаг назад, презрительно бросил по-английски:

— Old man is drunk⁵, — и тут же повторил на маратхи: — Бурха пиэла.

Через несколько минут вбежал экстренно вызванный врач. Бегло осмотрев старика, он констатировал,

⁵ Старик пьян (англ.).

что пассажир мертв, диагноз — острая сердечная недостаточность.

— Так и не исполнил последнего желания,— со вздохом проговорил Арджун.

— Что вы сказали? — тотчас повернулся к нему будто из-под земли выросший полицейский инспектор, подозрительно ощупывая Арджуна глазами.— Вам придется пройти с нами в участок и дать показания. Что нам известно о покойном?

— Лишь то, что, прежде чем уйти из этого мира, ему очень хотелось побывать в Бомбее.

— Все равно вам придется пройти с нами.

— Ну что ж, я согласен.

Санитары вынесли на носилках покойника. Вслед за носилками, прихватив свой портфель, к выходу пошел Арджун, за ним — полицейский инспектор, врач и оба пилота.

Аэропорт Санта-Крус переливался разноцветными огнями, словно приветствуя всех, кто прибыл в Бомбей искать острых ощущений и сногсшибательных зрелищ. «Жаль,— подумал Арджун, провожая глазами удаляющиеся носилки,— жаль беднягу! Всю жизнь мечтал, и вот, наконец, он в Бомбее...»

— Такси!

— Такси!

Два голоса прозвучали почти одновременно. Это такси оказалось единственным во всем аэропорту.

В полицейском участке пришлось задержаться больше часа. Арджун еще давал показания, когда пробило девять, хотя самолет, на котором он прилетел, совершил посадку ровно в восемь. У него мелькнула мысль, что по пути в редакцию надо хоть на минутку заскочить домой, только бы не слышать потом упреков Уши.

«Три дня дома не был и из аэропорта прямо в редакцию несется. Неужели этот проклятый отчет не может подождать до завтра?...» И он, как всегда, вынужден будет оправдываться и объяснять ей, что в работе репортера есть только «сегодня» — «завтра» для него не существует. Ведь то, что было новостью сегодня, завтра уже никого не интересует, оно выпускает дух, скисает, портится, и за него даже полпайсы не дадут, как за тухлую рыбу на бомбейском базаре. Но заезжать

домой было уже поздно: если часам к десяти, скажем, он доберется до редакции, то закончить отчет сумеет к часу, самое позднее — к половине второго, — этого вполне достаточно, чтобы материал попал в утренний выпуск. Плохо только, что такси нигде нет. Одно вернулось откуда-то, да и его уже кто-то перехватил!

— Вам куда? — вопрос явно адресовался Арджуну. Это был тот самый молодой человек с тонкими, в стрелочку, усиками, который вместе с ним летел из Дели. Два кули укладывали в багажник машины массивные чемоданы.

— Мне до Флора-фаунтен, а вам?

— Я живу в Джуху — very near, hotel «Jaltarang»⁶... Доедем — я выйду, а вы можете ехать дальше.

Арджуну совершенно не хотелось ехать вместе с незнакомым человеком, но другого выхода не было, и он скрепя сердце согласился. На его спутнике были остроносые, по последней моде, лакированные туфли, узкие модные брюки и куртка из темно-коричневой замши, на шее небрежно повязан яркий шелковый платок, глаза прикрыты темными очками. Еще в самолете при одном лишь взгляде на этого сверхмодного молодого человека у Арджуна возникло ощущение, что весь он — от тонких, в стрелочку, усиков сверху до остроносых лакированных туфель внизу — состоит из изящно подобранных острых предметов и предметиков. И поэтому, усевшись в такси, Арджун инстинктивно отодвинулся от него, словно боясь уколотся.

Когда такси, бойко рванув с места, выскочило за пределы аэропорта, Арджун осторожно поинтересовался:

— А вы-то почему задержались? Ведь наш самолет прилетел больше часа назад, и все пассажиры давно разъехались.

— Well, you see...⁷ — начал было молодой человек, но осекся. — Долго искали один чемодан: затерялся где-то в багаже, — проговорил он наконец и неожиданно рассмеялся: — А может, я просто вас поджидал.

Его смех показался Арджуну каким-то ненатуральным и уж во всяком случае беспричинным.

⁶ Очень близко, гостиница «Джальтаранг» (англ.).

⁷ Ну, видите ли (англ.).

Однако, прежде чем он успел открыть рот, спутник уже забрасывал его вопросами:

— А что же вы делали в полицейском участке? Там ведь любят власть показать. Может, они вам вздумали дельце пришить из-за этого старикашки?

— Да, нет, ничего подобного не было. В полиции меня давно знают.

— Really⁸? В полиции... I mean...⁹ Они вас знают? Значит, вы уже побывали у них в лапах?

Только тут до Арджуна дошло, что этот лощеный, словно сошедший со стенда модной выставки щеголь принимает его за самого заурядного карманника.

— Да нет, совсем не то, что вы думаете, — сказал Арджун, усмехаясь. — Я репортер, и контакты с полицией мне приходится поддерживать по роду службы... И задержка произошла совсем по другой причине.

— По какой же?

Арджун помолчал, обдумывая ответ, потом нехотя проговорил:

— Ничего особенного, конечно, не произошло, поэтому я, пожалуй, расскажу вам. Все равно завтра это появится в утренних газетах... Дело в том, что в кармане у старика было тридцать тысяч рупий.

— Тридцать тысяч?! — присвистнул щеголь. — Тридцать тысяч — это много, это очень много... Тысячными банкнотами?

— Да, именно тысячными банкнотами! Старик сам показывал мне в самолете. Только вот...

— Что «только вот»?

— Только вот когда я сказал об этом полицейскому инспектору в участке и он произвел осмотр трупа, денег в кармане не оказалось. Исчезла вся пачка.

— Охо-хо! — восхищенно воскликнул щеголь. — Ведь это же надо — тридцать тысяч рупий! Если бы мне такие деньги, то я уж... я бы уж... — и он запнулся, видимо, не зная, что бы он сделал с такими деньгами.

— Ну и что бы вы все-таки сделали, если б эти тридцать тысяч достались вам? — движимый любопытством, спросил Арджун таким тоном, словно перед ним сидело неразумное дитя.

⁸ В самом деле? (англ.).

⁹ Я имею в виду (англ.).

И с непосредственностью ребенка, которому хочется и кока-колы, и шоколадки, и книжки с картинками, щеголь отвечал, что прежде всего он бы заказал себе сразу десять модных костюмов и столько же пар туфель — под цвет каждого из них, два десятка шелковых бушето́в и, наконец, — предел мечтаний — приобрел бы гоночную машину самой последней марки. Потом, подумав, щеголь добавил, что на ужин он стал бы каждый вечер приезжать в отель «Джальтаранг».

— Я бы потягивал настоящий шотландский виски и слушал, как поет Люси. А потом я подошел бы к ней и сказал: «Come on, Lusee, пойдем, Люси, я прокачу тебя в своей новой машине», — и в ответ она сказала бы мне...

Но досказать, что ответила бы ему Люси, щеголь не успел: такси затормозило у подъезда особняка, который стоял на берегу моря рядом с гостиницей «Джальтаранг» в фешенебельном квартале Джуху.

Шофер пошел открывать багажник.

— Ого! — изумленно воскликнул он, вытаскивая чемоданы. — Не кирпичами случайно набили?

— Хотя бы и кирпичами — не твоя забота!.. Держи, — и он небрежным жестом протянул таксисту десятирупиевую бумажку.

— У меня нет сдачи, гос...

— Keep the change¹⁰, — величественным жестом останавливая его, бросил щеголь и повернулся к Арджуну:

— Thank you, mister¹¹...

— Арджун... Арджун Арора... С кем имею честь?

— Меня зовут... меня зовут мистер Джозеф. Good night¹²!

Он уже взялся за ручки чемоданов, как из подъезда с радостным криком выскочила худенькая смуглая девушка лет шестнадцати-семнадцати.

— Дедушка, Майк приехал! Дедушка, Майк приехал!

Когда она вбежала в полосу света от фар, Арджун увидел, что у девушки большие глаза, с любовью и обо-

¹⁰ Не надо сдачи (англ.).

¹¹ Благодарю вас, мистер... (англ.).

¹² Спокойной ночи! (англ.).

жаанием устремленные на молодого человека, который почему-то назвался Джозефом.

— Что ты расшумелась, Роза? А ну-ка, не мешай! — нежно попрекнул ее тот. Он поднял один чемодан, за ручку второго ухватилась девушка, — она чуть не упала, такой он был тяжелый, — и оба скрылись в подъезде.

— Good night! — опомнившись, прокричал Арджун вслед и, повернувшись к шоферу, попросил:

— побыстрее, братец, я очень спешу.

Со стороны отеля «Джальтаранг» доносились звуки музыки: высокий женский голос напевал в микрофон модный шлягер в ритме твиста.

Oh, my dear,
Come hear,
Come hear,
My darling ¹³.

— А парень-то щедрый оказался, — проговорил довольный таксист. — Целых семь рупий на чай отвалил. Вы не знаете, кто он?

— Я знаю только одно: кем бы он ни был, его зовут не Джозеф, а Майкл.

Было уже два часа ночи, когда Арджун вручил свой материал дежурному редактору отдела новостей.

— Ну как вы тут? — устало поинтересовался он.

— Ничего особенного, — буркнул редактор, не поднимая головы. — Да и вообще, если хочешь знать, Бомбей сейчас сам на себя не похож: ни одной сенсации, не считая твоего старика. Черт знает, какую ерунду давать приходится: в квартале Сиоври ревнивый муж покалечил жену, на фабрике в Пареле рабочий спросонья сунул руку под пресс... А дальше — и того скучнее... В присутствии губернатора штата состоялось представление танцевальной труппы госпожи Ражнивала: был показан балет «Шакунтала»... Выступая на ежегодном обеде в торговой палате, министр сельского

О мой дорогой,
Иди сюда,
Иди сюда,
Милый мой! (англ.).

хозяйства высоко оценил ту роль, которую играют в жизни нации торговцы зерном... В отеле «Тадж Махал» состоялся костюмированный бал, все средства от которого пойдут в фонд помощи пострадавшим в Пинджраполе... Ну вот, кажется, и все... Ночью в Бомбее спокойно. Мертвый город — a dead city.

...Едва такси свернуло на Барейли, как Арджун почти вскрикнул от удивления. Он приказал водителю остановиться и, еще на ходу распахнув дверцу, выпрыгнул. Предчувствие не обмануло его: то, что произошло на дороге, имело к нему самое непосредственное отношение.

Весь асфальт вокруг был усыпан осколками стекла. По-видимому, машина на полной скорости влетела на тротуар и оказалась в обнимку с тумбой уличного фонаря. Передние колеса упирались в землю, задние висели над мостовой. Одно из них все еще вращалось, и с него падали темные капли.

Около машины неторопливо расхаживал полицейский.

— Что случилось, сержант?

— Двенадцать человек погибли, сахаб¹⁴.

— Двенадцать?! Неужели в этой машине уместилось двенадцать человек?

— Нет, конечно, сахаб. В машине было только двое: один мужчина и одна женщина. Очень красивая была женщина, сахаб! Господин инспектор говорил, певица из какого-то ресторана.

— Люси? — вырвалось у Арджуна.

— Может и так, сахаб... Господин инспектор, кажется, так ее и называл... Мужчина был крепко под хмельком. В карманах у него нашли двадцать восемь тысяч рупий — все тысячными бумажками. Очень, наверно, богатый был человек!

— Джозеф, настоящее имя — Майкл, — будто про себя проговорил Арджун.

— А вы знали его?

— Иногда, сержант, ночь сама выбалтывает мне

¹⁴ Сахаб — господин.

свои секреты. Но их, вы говорите, было двое — как же получилось двенадцать?

— А машина сбила еще девушку-христианку, она, вот чудная, шла прямо посреди улицы.

— Какая она была?

— Очень худая, сахаб...

— Смуглая и большеглазая?

— Да, сахаб, лет семнадцать, не больше. Тоже была на взводе... Мужчина, видно, хотел спасти ее, вот и нажал на тормоз...

— Это не он, это сама жизнь нажала на тормоз... А кто же остальные девять?

— Их целая семья была, сахаб. Спали тут, прямо на тротуаре — отец, мать и семеро детей, мал мала меньше. Всех в лепешку! Глядите, до сих пор лужа крови. Вон там, чуть подальше...

Там, где указывал сержант, дворник, ловко орудуя шлангом, поливал тротуар.

— Это он смывает кровь?

— Да, сахаб, кровищи было — ужас сколько! А помоем — не останется и следа.

— Эх, дружище, такое водой не смоешь...

Усаживаясь в такси, Арджун мельком взглянул на черную воду за парашетом. Был прилив: волны гулко ударялись о гранит набережной и в бессильной ярости откатывались назад.

РАДЖЕНДРА ЯДАВ

НОЧНАЯ КАЛЬКУТТА

«Night sky of Calcutta»¹...

— Итак, еще немного — и ночная тьма окутает землю, а небесный свод засияет кротко мерцающими звездами... Тогда мы сможем рассмотреть и опознать каждую звезду. В больших городах редко бывает такое чистое небо!.. При виде причудливых звездных узоров над Калькуттой каждому из вас невольно вспомнятся созвездия, которые сияют на небе его родины... Но прежде пройдите, пожалуйста, сюда, полюбуйте самую Калькуттой... Величественное сооружение, которое вы видите в центре, — Ховра-бридж, железнодорожный мост, перекинутый через Хугли, приток священной Ганги. Это очень дорогое сооружение, первый железнодорожный мост в Индии... А теперь снова посмотрите на небосвод, который был таким же две тысячи лет назад и останется неизменным две тысячи лет спустя. Любуйтесь ночным небом Калькутты, а пока я буду рассказывать о тех созвездиях, которые вы на нем видите...

¹ «Ночное небо Калькутты» (англ.).

Голос диктора постепенно удаляется и, наконец, замирает... Темнота сгущается, и над головой, точно огромный черный зонтик, открывается искусственное небо, на котором яркими светлячками вспыхивают бесчисленные звезды... Зрители погружаются в созерцание. Каждому хочется отыскать ту звезду, которая сияет над его родиной... Из динамиков доносятся скрип, писк, невнятное бурчание, словно какой-то большой шмель ползает по микрофону... Все настолько поглощены зрелищем, что забывают обо всем на свете, даже о том, что сидят они не под открытым небом, а в оборудованном кондиционерами зале калькуттского планетария, построенного Бирлой², и не на зеленой лужайке, а среди механизмов, которые окружают их со всех сторон... «Вот каким бывает в полночь калькуттское небо», — доносится откуда-то бархатный голос диктора, и тело зябко вздрагивает от пролетевшего по залу прохладного ветерка... А спустя несколько минут тот же голос вещает, что наступил полдень, — и тело покрывается жаркой испариной. И невольно душу охватывает чувство изумления и восхищения: ну не чудо ли перед нами — разве мыслимо, чтобы по приказу какого-то незнакомого голоса мы ощущали то полуденный зной, то ночную прохладу? Ничего, казалось бы, не меняется, но кожа вдруг сама по себе источает липкий пот или по ней начинают бегать мурашки... Конечно, мы знаем: все, что происходит здесь, — дело рук человека, и наши эмоции так же распланированы и просчитаны, как и те механизмы, которые на них воздействуют... Тонкий луч света, как указка, скользит по небу, и тот же голос монотонно поясняет, где какая звезда или созвездие, а каждый зритель, напрягая память, стремится вспомнить их на небосводе его родины...

Однако так ведь и вся жизнь может пройти — в погоне за тонким лучиком света в крошечной тьме... И вряд ли тебе суждено отыскать свою звезду в этой искусственной ночи, когда все сидят и покорно ждут, чтобы неизвестный голос перенес их из одного времени года в другое.. Как удобно отодвинуть на вчера все заботы сегодняшнего дня, дабы о том, что было сегодня, прочесть в завтрашней газете!.. И между этими двумя

² Бирла — индийский монополист-мультимиллионер.

«каль»³ — вчера и завтра — всего лишь ночь, калькут-ская ночь, хотя здесь, в планетарии, ее создают невиди-мые лопасти фена, что вертятся где-то под самым ку-полом. К этому настолько привыкаешь, что, даже ока-завшись под открытым небом в своих родных местах, невольно ищешь наверху тонкий лучик-указку и тем-ные лопасти фена, а не найдя ни того, ни другого, ис-пытываешь странное чувство грусти и ожидания новой встречи с Калькуттой...

«В Калькутте даже в трамваях есть фены, хорошо бы они были и в автобусах», — изнывая от жары, сказал мне как-то в поезде случайный попутчик. Действитель-но, подумал я, без фенов остались одни только автобу-сы... Владельцы легковых машин давно уже поустанав-ливали у себя портативные фены. Нет фенов лишь в ав-тобусах, да еще полицейские-регулирующие обходятся без них, довольствуясь большими черными зонтами, под которыми они укрываются в жару на своих перекрест-ках. Можете себе представить, как это будет красиво, если под черным зонтом завертится фен! А что? Пред-лагали же как-то, помнится, в холодный сезон прикреп-лять к стеклам очков миниатюрные «дворники». А чем же мое предложение хуже?.. Или вот это: сунул руку в карман, а там тоже миниатюрный фен, в холодное вре-мя руке тепло, в жару — прохладно...

Час ночи. Мы, то есть я, Мадан и господин Тхакур, — стоим на Ховра-бридж и смотрим вниз — там во тьме несет свои воды Хугли и крохотными светлячками мелькают лодки с фонарями на корме. Отсюда здания Калькутты кажутся неестественно высокими, точно об-лака, свисающие с края небосвода... А во всю длину моста вытянулись, не пересекаясь, убегающие вдаль четыре стрелки трамвайной линии и над ними — два ряда электрических лампочек. Кругом тишина, изредка нарушаемая приглушенными расстоянием металличе-скими звуками, — это неподалеку рабочие ремонтируют трамвайную линию, днем ведь она не бывает свободна ни одной минуты. Машина Мадана, стоящая посреди огромного, безлюдного в это время суток моста, кажет-ся крохотным щенком, улегшимся на теплые рельсы. Глядя на широченный мост, трудно поверить, что днем

³ Слово «каль» на хинди имеет два значения: «вчера» и «завтра».

здесь сплошным, без единого просвета, потоком, отчаянно сигналив, движутся тысячи машин, будто муравьи, ползущие по выгнутой, подобно луку, стальной груди сказочного исполина...

— Откуда начнем? — словно очнувшись, спрашивает вдруг Мадан и принимается рассуждать вслух: — Начать нам лучше...

Потом он круто поворачивается и, перешагивая через пути, идет к машине. При виде Мадана, словно вырастающего из ее сиденья, мне всегда приходит на ум одна и та же сумасбродная мысль, будто машину эту делали совсем не так, как другие: сначала смонтировали сиденье, затем усадили в него Мадана, а уж потом поставили все остальное: мотор, скаты, кузов и прочее.

— Откуда начнем? — этот вопрос, словно опоры для моста. Впервые он прозвучал много недель назад, и с тех самых пор я каждый раз, слыша его, прихожу в замешательство.

— Давайте... давайте будем просто ездить по улицам, — наконец, предлагаю я.

— Разве улицы — это вся Калькутта?.. — брюзжит Мадан.

— А ты можешь лучше придумать? — возражает ему Пратибха. Как видно, она знает, что если Мадан начинает брюзжать, то идея ему по душе.

— А почему бы и нет? Да будет так! — восторженно восклицает Тхакур, который все видит только с хорошей стороны. Итак, решено: этой ночью мы путешествуем по Калькутте, благо завтра выходной и можно отоспаться.

— Какой густой туман! — вздыхает Мадан. — Это даже не туман, а дым с туманом. Его называют «смог». Вот в такую-то погоду машины и налетают друг на друга... Ничего не видно, ну прямо как молоко!

— А ты не вздыхай, лучше будь повнимательнее, — недовольно ворчит Тхакур. Ему вовсе не улыбается перспектива оказаться жертвой дорожного происшествия. Попадешь в переплет — и ты уже не человек, а бранные останки да краткое сообщение в разделе полицейской хроники... Бедняга, среди нас он один — жеманный.

— Сначала надо перекусить, — спокойно говорит Мадан: он знает, что я еще не ужинал.

Едва машина останавливается за Нью-Маркетом, у кинотеатра «Минерва», как к ней тотчас же подсакивают какие-то люди в белом:

— Сдобные лепешки, пирожки, печенье, сладости...

— Стоп! Не все сразу! Заказываю у одного. Кто первым подбежал?.. Ты? Ах, ты? Так вот, принеси нам в пакете две сдобные лепешки. Да приправ не забудь побольше положить, — втолковывает Мадан официанту, глядя на него сверху вниз. Рядом плавно тормозит приземистая длинная машина, и люди в белом бросаются к ней.

— Это кафе открыто до половины третьего ночи, — тоном гида объясняет нам Мадан. — Официанты встретят вас прямо у подъезда. В поздний час многие заезжают сюда после кино или просто перекусить. Выходить из машины здесь считается неприличным, поэтому заказ выносят прямо на улицу. А готовят здесь очень вкусно... Пусть он поест, а мы пока сходим за бетелем.

Официант с поклоном подает Тхакуру аккуратно завернутые лепешки. Половина первого — кинотеатры, в которых идут фильмы на английском языке, уже закрыты; в кинотеатрах, где показывают картины на хинди, заканчивается последний сеанс. У здания «Гранд-отеля» — не вполне понятное оживление. Стоящий там рикша негромко постукивает о руль бубенчиком, привязанным к указательному пальцу, будто условный знак подает — слышится призывное «дзинь-дзинь». Сначала он ощупывает глазами каждого прохожего — и только уж потом «дзинь-дзинь»...

— Девочки из Синда и Пенджаба, бенгалки, англо-индианки, англичанки, китайки — роскошные девочки...

«Дзинь-дзинь...»

Ярко освещенный подъезд кинотеатра неожиданно погружается в темноту. Словно захлопываются страшные ворота ада на рекламе... Девушка, одетая по-европейски — в легкий белый костюм, с пышной прической, постукивая каблучками модельных туфель, проходит в двери отеля, следом за ней вползает какая-то фигура, с головы до пят закутанная в тяжелое покрывало. Следом за ними важно проходит индеец с ребенком на руках и женщина в сари, его жена. Как видно, возвращаются

из кино... «Даип-дзинь» — пасмешливо и призывно звякает бубенчик. Официанты перебрасываются грязными шутками.

— Ну, куда теперь? — весело спрашивает Мадан, снова усаживаясь за руль.

Проехав по Риппон-стрит, Мадан сворачивает в какой-то узкий переулок и, выруливая на Фри-скул-стрит, спрашивает:

— Ты когда-нибудь видел такую Калькутту?.. Она ведь очень интересна... Все эти девицы днем работают стенографистками, секретаршами и продавщицами, а ночью подрабатывают здесь. Здесь у них — настоящий заработок. Чем только не занимается народ в этих местах! Контрабандная торговля золотом, грабежи, азартные игры, убийства... Был тут когда-то Джан-базар — не знаю, остался он сейчас или нет... так вот на этом базаре женское тело стоило четыре аны, самое большее — полрупии. Совсем еще девочки — лет по двенадцать, не больше, — все размалеванные, прохаживаются, бывало, у дверей в крохотные каморки. За занавеской — кровать... А клиенты ждут в очереди на улице...

Ты читал рассказ «Мутри»? Есть такой у Манто⁴... а может, у Кришана Чандара⁵... Ага, господин Тхакур решил покурить, наверно припоминает... И вот в том самом рассказе есть сценка, ну точь-в-точь как здесь...

«Но ведь эта Калькутта — для туристов, не правда ли?» — мысленно спрашиваю я самозванного гида и вслух говорю:

— Размалеванные девицы и вино нужны для того, чтобы разжечь дух азарта у картежников. Всюду одно и то же — в просторных холлах «Грейт-истерн» и «Гранд-отеля», за стойками дорогих баров на Элиот-род или Парк-стрит, в роскошных апартаментах на Фри-скул-стрит... Сидит себе за карточным столом сынок какого-нибудь подрядчика-марвари⁶, вздумавший попытать судьбу, либо матросик с судна, застрявшего

⁴ Манто, Саадат Хусейн (1912—1955) — известный новеллист урду, в творчестве которого заметно влияние натурализма.

⁵ Кришан Чандар (1914—1977) — выдающийся индийский писатель-реалист.

⁶ Марвари — выходцы из Раджастанхана, которые занимаются торговлей и ростовщичеством.

на разгрузке у причала Сент-Джордж-гхат... Проиграл — пиши чек или плати наличными, а вообще там в ходу и часы, и фотоаппараты, и магнитофоны... И видеть это можно не только в Калькутте, но и в Бомбее, Дели или Гонконге... В каждом большом городе, в какой бы части света он ни находился, ночи проходят одинаково. Мелькают, как на экране боевика, названия городов, а суть не меняется...

— Не меняется только для тех, кто болтается по Чауринги ⁷! — подскакивает на заднем сиденье молчаливый все это время Тхакур и, подавшись вперед, почти касаясь головой наших висков, продолжает:

— Послушай, дружище, но ведь Калькутта не просто город... это скопище городов, и в каждом из них — своя жизнь, свой день и своя ночь. Бхаванипур и Балигандж, Шам-базар и Бара-базар, Сидирпур и Алипур — повсюду жизнь идет по-своему, совсем не так, как рядом... Разве это не отдельные города? То же, что Агра и Матхура... ⁸

— Ну, насчет жизни, по-моему, сказано слишком громко, а вот ночь в каждом городе, действительно, особенная, — вставляет Мадан и тут же, без всякого перехода, спрашивает:

— Ну а теперь куда? — и, подумав, отвечает сам: — Поехали по Ховре.

Проезжая мимо памятника Октерлони ⁹, Мадан, поворачивая головы, говорит:

— А вот у этой площади — площади-то, Тхакур, все равно что города — жизнь особенная. Захотят, к примеру, вечером муж и жена прогуляться — будь уверен, что вернутся они без кошелька и часов. А на Виктория-ред-род каждую ночь такси стоит... Это такси, если хочешь знать, самый настоящий публичный дом на колесах... Ну, а убийства здесь тоже не редкость. Однажды

⁷ Чауринги — центральная улица Калькутты, на которой расположены самые фешенебельные отели, кинотеатры, магазины.

⁸ Агра и Матхура — два расположенных неподалеку друг от друга города в западной части штата Уттар Прадеш. Агра знаменита Красным фортом и белораморным мавзолеем Тадж Махал; Матхура — общендийский центр паломничества почитателей бога Кришны.

⁹ Октерлони, Дэвид (1758—1825) — английский генерал, сыгравший видную роль в завоевании Индии.

я собственными глазами видел, как чей-то шикарный лимузин сбил прохожего на углу Парк-стрит. Думаешь, водитель остановился? Ничуть не бывало — дал газу, и ищи-свищи. А труп до самого утра посреди улицы валялся. Об этом даже в газетах писали...

— А помнишь, как грузовик целую семью насмерть задавил? Бедняги-то эти все на тротуаре спали, они и проснуться не успели... — наш Тхакур всегда держит про запас какой-нибудь приятный сюжет. — Как лежали они рядочком, так и остались: грузовик этот чуть ли не в асфальт их вмял. И тоже: газанул — только его и видели...

Станция Ховра уже не работает. Опутывающая ее густая сеть улиц, улочек и переулков, по которым в дневное время ползают, как букашки, сотни и тысячи автобусов, трамваев и такси, сейчас совершенно пуста. Мадан тормозит у въезда на широченный мост, ведущий к самому городу Ховра, — напротив лавчонки, где торгуют бетелем.

— Бетель я только в этой лавке и покупаю. Она всю ночь открыта, и вон те чайная и харчевня — тоже. Специально для тех, кто в ночную смену работает...

Перед ярко освещенной лавкой — водопроводная колонка. У колонки — лужа. Рядом стоят три коляски, принадлежащие велорикшам, отчего пробраться в лавчонку, не угодив при этом в лужу, весьма затруднительно. Какой-то дочерна загоревший мужчина в одной набедренной повязке, то и дело споласкивая тряпку в ведре с водой, проворно моет такси. Под самим же краем моется еще кто-то — может, рикша, а может, помощник хозяина лавки. Глядя на него, невольно подумаешь, что сейчас знойный полдень, а не глухая полночь. В этот момент из харчевни, шлепая по мокрому асфальту босыми ногами, выходит сикх¹⁰, тоже в одной набедренной повязке и, ковыряя спичкой в зубах, спрашивает таксиста:

— Ну как, помыл уже?..

— Это у них передышка, — поясняет Мадан, отправляя в рот свернутый треугольником лист бетеля.

¹⁰ Сикх — приверженец сикхизма, религиозного учения, возникшего в Пенджабе в средние века. Сикхи выделяются своим внешним видом: они носят бороды и длинные волосы, которые прячут в тюрбан.

Я внимательно разглядываю громадный мост.

— Разве можно представить себе, побывав здесь в такое время, что творится на мосту днем? Народу — не протолкнуться, все куда-то бегут, спешат, точно от бомбежки спасаются... Уф! Минуту постоишь — и то голова закружится...

— Хорошо еще, что станция ровно в двенадцать закрывается, — вступает в разговор хозяин лавки Тивари. — А тот поезд, который придет после двенадцати, дожидается утра где-нибудь в тупике. И из вокзала всех выгоняют, и чистят его, моют, скребут... В целой округе только десяток лавчонок не закрывается на ночь.

— Ладно, поехали дальше, — говорит Мадан, снова усаживаясь в машину. Полакомившись бетелем, он становится еще оживленнее. — Сначала еще немного пошатаемся, — весело возглашает Мадан, — а потом отправимся в самое бойкое место Калькутты.

— Куда? На Сонагачхи? — спрашиваю я.

— Туда мы тоже заглянем, но сейчас там ничего интересного нет. — Он что-то мурлычет себе под нос и вдруг неожиданно спрашивает: — Не съездить ли на Котху — «увидеть ночь, внимающую пенью»? Такое ведь в наши дни только в Бенаресе посмотреть можно...

Есть что-то противоестественное в нашем беззаботном катании по безмолвной, словно вымершей Калькутте. Пустынные тротуары сонно припали к стопам многоэтажных, утесами взметнувшихся к небу зданий на Стэнд-род и Дальхаузи-сквер. Поставые провожают нас подозрительными взглядами. Тускло мерцают уличные фонари. Черными громадами высятся дома. Лишь изредка мелькнет освещенное окно. У темных подъездов на чарпай сидят сторожа: вспыхивают и гаснут красные огоньки бири¹¹, кто-то громыхает посудой... Кое-где вдоль трамвайной линии горят сигнальные фонари — это рабочие приводят в порядок трамвайные пути.

Одна улица сменяется другой. На перекрестках глаза слепит мертвенный блеск неоновых ламп, мечутся бабочки, кажущиеся в их свете желтыми листьями, на асфальт падают угольно-черные тени, в освещенном окне наверху видны лопасти фена... Проносющаяся

¹¹ Бири — самодельная сигарета.

по пустым улицам наша крохотная машина подобна капле росы, стекающей по гладкому стволу бамбука... Баптистская миссия... Бху-базар-стрит... Колледж-стрит... По обе стороны улицы, точно покойники, завернутые в белые саваны, спят люди — тротуар служит постелью доброму десятку лакхов¹² народа в Калькутте... Кое-где выстроились рядами коляски рикш... Бредут сонные собаки, они зевают и потягиваются...

— О себе-то я, бабу¹³, и вовсе не беспокоюсь. Перекусил где-нибудь рисом или жареными зернами, закатил тележку на тротуар и прямо тут же спать завалялся,— рассказывал Бальдэв.

Бальдэв — рикша. Откуда я его знаю? Как-то я пошел в кино. Когда сеанс кончился, было уже двенадцать. Что оставалось делать? Пришлось у «Хинд-синема» взять рикшу.

— Ты не очень спешь, дружище,— сказал я, усаживаясь в коляску.— Сегодня ведь лунная ночь, а в Калькутте, знаешь ли, нечасто доводится видеть подобную красоту. Ты живешь, наверно, недалеко?

— Да нет, на Раджа-базаре.

— Так что же, выходит, потом тебе еще туда добираться? — я был несколько озадачен.

— ПопадетсЯ седок — поеду, а нет — и так обойдусь,— неторопливо отвечал рикша.— У меня и на Раджа-базаре ничего нет, земляки живут — вот и все...

Бальдэв родом из Мунгера¹⁴, женат, есть и дети. Каждый год, когда случается наводнение, его небольшое поле оказывается под водой. Домишко и тот подмокает. Внимательно поглядев на Бальдэва, я говорю:

— По возрасту тебе пора бы уж и на покой, дружище. Ты ведь не мальчишка какой-нибудь. Куда это годится — в такие-то годы с тележкой бегать... да еще по ночам... А случись что?

— Всякое бывает,— уклончиво ответил он и тяжело вздохнул. За аренду коляски он платит рупию, если работает ночью, и вдвое больше — если в дневное время. Нет-нет, делишками всякими он никогда не зани-

¹² Л а к х — сто тысяч.

¹³ Б а б у — почтительное обращение.

¹⁴ Мунгер — название города и округа в штате Бихар.

мался. А кое-кто, что греха таить, промышляет — все ведь зарабатывают как могут. Да и с седока в ночную пору можно взять лишку. Помаленьку и набегает... Стал бы он сюда подаваться, если б своим наделом можно было семью прокормить? Жизнь-то здесь не очень сладкая... Ночь — она почь и есть... Не только нас и таксистов грабят: пригрозят ножом — сам деньги выложишь. А заартачишься — пырнут в брюхо, и будь здоров... Машины тоже угоняют. А я старый человек, меня ограбить — проще простого. Всякое бывает... Один раз две с половиной рупии отняли — пусть, думаю, будем считать, что за ночь ни одного седока не подвез... Сколько там на ваших, бабу-джи¹⁵..

Как говорит Тхакур, Калькутта — это не один город, а настоящее скопище городов, и каждый из них имеет свой особый, неповторимый облик, который наиболее четко виден ночью, когда, казалось бы, все должны быть на одно лицо. Калькутта — это своего рода мозаика, составленная из отдельных картин, и ночь на каждой из этих картин — тоже особая, непохожая на ту, что изображена рядом. Даже у каждого отеля, кино-театра, бара, у каждого перекрестка — своя ночь. Вот почему калькуттская ночь — не состояние, а процесс... Это — тысячи, десятки тысяч ночей, которые никогда больше не повторятся... И понять это может лишь тот, кто мчитса ночной порой по пустынным улицам огромного города...

Узкие переулки бойко разбегаются от погруженной в мрак Бидон-стрит, и туда то и дело прошмыгивают коляски рикш с поднятым верхом, скрывающим седока... Где-то впереди мелькает красный огонек сигареты... Цепляясь за столб, пытается удержаться на ногах какая-то фигура. Другая фигура, пошатываясь, бредет по самой середине улицы, горлая что-то вроде песни... Жирная кошка проскакивает перед самым буфером машины... На углу свет фар на секунду упирается в зеленую дверь с изображением серпа и колосьев, выхватывая из темноты красную вывеску «Звездного театра», свежеокрашенную белую тумбу, валяющийся в канаве

¹⁵ Д ж и — частица, выражающая уважение.

обрывок афиши... Проскользнув по стенам домов, лучи света проваливаются во тьму переулка и теряются... Разноголосый гомон в лавчонке, где торгуют чаем...

Большой многоэтажный дом... Коридор, куда выходят двери комнат. Некоторые двери распахнуты настежь, некоторые плотно закрыты... Насмешливый взгляд, бесцеремонно ощупывающий каждого посетителя, будь то завсегдатай или новичок... Тонкий аромат жасмина... Визит — десять рупий...

Подведенные сурьмой, задорно поблескивающие красивые, умные глаза... Кому как не им знать, чем интересуются посетители этого дома, какими бывают их вопросы и как на них нужно отвечать... Ответы оцениваются по-разному. Бывает, рупий на пятьдесят за ночь... А утром все непременно отправляются в храм Бхутанатха¹⁶...

Одна за другой уносятся ночи, словно увлекаемые стремительным течением. На каждом углу тебе мерещится, что за поворотом секундой раньше скрылись две темные фигуры — грабителя с ножом и его жертвы. Один только шаг, еще мгновение — вокруг засверкают ножи. «А ну, выкладывай, что там у тебя!» Мадан опускает руку на клаксон, два резких сигнала, и свет фар снова медленно скользит по плотно закрытым створкам окон и дверей...

Переулок неожиданно кончается, и мы оказываемся прямо посреди торговых рядов, здесь ярко горят фонари, снуют люди — можно подумать, что сейчас не половина третьего ночи, а всего лишь часов семь вечера... Цветы, сласти, бетель... Лавки большие, солидные — не какая-то мелкота... «Базар? Нет, не базар. Это Ним-талла-гхат... Калькуттский шмашан¹⁷». У линии железной дороги, напротив храма Бхутанатха, стоит повозка. Здесь и там толпится народ, звучит музыка — глухо ухает барабан, протяжно стонет флейта, весело перезваниваются медные тарелочки. Немного дальше полыхают погребальные костры. Столько людей... Кто они? Рикши, грузчики, сторожа. Днем они трудятся, а ночью приходят сюда послушать музыку, попеть... Вот неподалеку собралась толпа. Я тоже подхожу. В середине

¹⁶ Бхутанатх — одно из имен бога Шивы.

¹⁷ Ш м а ш а н — место кремации.

стоит какой-то человек в дхоти и длинной белой рубахе и, воздевая кверху руки, самозабвенно выводит: «Я пришел к тебе, учитель, за советом...»

Возле певца, озорно потряхивая привязными грудями, отплясывает одетый под женщину паренек — он в розовом шелковом сари, натянутом до самого подбородка. Положив руки на плечи кому-то из толпы и притворно закатывая глаза, танцор тоненьким голоском пищит: «Я пришел к тебе, учитель, за советом...»

Потом паренек, одетый под женщину, и какой-то мужчина, повязавший на ноги бубенчики, бросаются друг другу в объятия и начинают отплясывать что-то вообще немыслимое — здесь и твист, и рок-н-ролл, и многое другое, что можно увидеть разве только в кабаре или курильне опиума... Глядя на танцоров, зрители хихикают, смеются, хохочут, хватаясь за бока...

Закутавшись в стеганые одеяла от ночной прохлады, на берегу реки здесь и там лежат люди, в темноте их можно принять за кучки земли.

— Ого, вот это отламывают! — восхищенно говорит мне Мадан, пока мы идем в сторону шмашана. Навстречу нам двигаются две парочки: парни по виду как будто иностранцы, а девицы в узких блузках и джинсах, вытертых на коленях. У обочины их ждет длинная приземистая машина.

— А эти зачем здесь околачиваются? — недовольно бурчит Тхакур.

— Так ведь они, дружище, туристы. Их сюда много таскается — в таком местечке любопытно фотоаппаратом пощелкать, — на ходу объясняет Мадан и, быстро оглядевшись, направляется к лавчонке, где торгуют бетелем.

— А может, те парни — поэты-битники, — также на ходу выкладываю я новую версию, — ну, скажем, Аллен Гинсберг и Питер Орловски. Говорят, у них уже и единомышленники отыскались... среди девиц. Есть и американки, и бенгалки. Накурятся марихуаны или нагло-таются бхангу¹⁸ — и сидят здесь целую ночь, смотрят, как сжигают покойников...

Все может быть... Перед нами арка массивных ворот, в обе стороны от них — площадки, каждая наподобие

¹⁸ Б х а н г — наркотический напиток из индийской конопли.

веранды,— и на каждой горит погребальный костер. Рядом свалены дрова. Неподалеку стоят или сидят на корточках люди и тупо глядят на языки пламени. Какой-то толстяк не торопясь идет к огню с длинным бамбуковым шестом...

Языки пламени взметываются еще выше, и из глубины костра доносится приглушенное хrupанье, точно лопается что-то,— может, черепная коробка. И собаки здесь все заплывшие жиром, ленивые. По каменным ступеням мы спускаемся к реке и, остановившись у самой кромки, молча смотрим в темноту. Какой-то темный предмет мягко шлепается в воду. То и дело слышатся тихие всплески. Черепахи, наверное...

— А черепахи здесь крупные,— ни к кому не обращаясь, говорит Тхакур. Мы молчим. В таких местах на душе становится как-то мутно, тоска, точно облако, обволакивает ее. Какая же здесь грязная и вонючая вода, а ведь кто-то умывается ею да еще радуется: «Слава тебе, владыка наш Бхутанатх!» И все горит и горят погребальные костры, и ни на минуту не угасает огонь...

Устав, мы возвращаемся назад. Пристроившись у столба на обочине тротуара, уличный парикмахер, точно снимая скорлупу, бреет голову случайному клиенту. Наполовину побритая голова отсвечивает желтизной, точно очищенный кокосовый орех. Какой-то человек, по виду интеллигент, слезающимися глазами задумчиво смотрит на Хугли сквозь стекла очков. Чуть в стороне, сидя на корточках, трое пьют чай.

— Что, ребята, умаялись?..

Действительно, выглядим мы не ахти... Воспользовавшись поводом, подсаживаемся к компании: выходит, не зря Мадан так любит повторять, что если с ним что-то случится, то пусть его сожгут в крематории — это неподалеку отсюда, в Кеятолле,— пять минут — и готово...

— Ну пошли, пошли,— поднимаясь, поторапливает нас Мадан.— Здесь ведь и вправду погребальные костры не гаснут ни на минуту.

— Конечно, пойдем,— говорю я, окидывая напоследок взглядом храм Бхутанатха.— Веди нас отсюда, дружище Мадан. Не по себе как-то.

И мы снова попадаем в мир, где играет музыка, звучат песни, где ученик спрашивает учителя, что делать,

когда приходят плотские желания... А тем временем двое носилок с новыми мертвецами проплывают над толпой в сторону массивных ворот...

Наша машина разворачивается и медленно едет вдоль оживленных торговых рядов. Навстречу в одной набедренной повязке, с болтающимся через плечо священным шнуром — джанзу деловито бежит какой-то человек, направляясь к храму; в руках у него лота — широкогорлый бронзовый сосуд, наполненный цветами.

— В этом городе до сих пор такие встречаются: пока не совершит омовения и не отнесет цветы к алтарю в храме Бхутанатха, ни зернышка риса, ни капли воды до самой ночи в рот не возьмет... Ладно, поехали на Сатта-базар, там, видно, тоже нескучно.

Оказывается, что Сатта-базар закрыт. Откуда-то доносится: «Вор! Вор!» — и все снова замирает.

— Ну что ж, съездим тогда в Кхидирпур...

Снова Стэнд-род, парк Идена, площадь Майдан рядом с фортом, огромные морские суда на Хугли, увешанные гирляндами лампочек. Тут к нам пристраивается какая-то большая машина, и хотя Мадан несколько раз предлагает ей идти на обгон, но минуты идут, а положение не меняется. Большая машина продолжает неотступно следовать за нами, не сворачивая и не вырываясь вперед. Перепуганный Мадан резко крутит баранку влево и тормозит — мимо проносится полицейский джип, патрулирующий улицы.

Кхидирпур — портовая зона... Разбегающиеся стальные ниточки рельсов и задравшие головы мощные краны. Глухие, будто спросонья, гудки пароходов... Посмотреть автоматический мост? Хорошо, только сначала выпьем по чашечке чаю... Останавливаемся у чайной на Лейбл-кроссинг. Вместо горячего чая нам подают холодный кофе. В стороне подросток чистит большую сковороду. На плите булькает залитый доверху котел, и на землю летят тяжелые капли. Здесь работа не прекращается всю ночь напролет.

— Уже половина четвертого. Поехали отсюда. Лучше всего на Даймонд-харбор, восход солнца особенно красив на море...

Машина на полной скорости мчится вдоль трамвайной линии... Кхидирпур, Икбальпур, Моминпур, Бурдван-род, Нью-Алипурмент, Бехаля... Неожиданно пе-

ред нами вырастает тяжелый грузовик. В кузове — гора соломы... Мы осторожно обгоняем его, но за ним оказывается еще один, потом еще и еще...

— Э, да тут их целая колонна! Из деревень, наверно, едут. Правда, это еще ничего. А ты бы посмотрел, какое сейчас движение на Гранд-транк-род. Идут прямо лавиной, ни конца ни края. В Калькутте многие делают свой бизнес по почам, — заключает Мадан, останавливая машину возле какого-то дома.

— Устали, Мадан-бабу? — с сочувствием в голосе спрашивает Тхакур.

— Да, чуточку, — смущенно отвечает Мадан и кладет голову на руль, — на концерте я бы никогда не заснул.

Последние слова его заставляют Тхакура насторожиться — странный все-таки человек этот Мадан, мало ли что он может выкинуть: вздремнет на пару минут, а потом его вновь понесет в Даймонд-харбор...

— Если вам, Мадан-бабу, поспать хочется, то я прошу вас заглушить мотор, — очень отчетливо произносит Тхакур.

Мимо с громким скрипом проползают две повозки, груженные зеленью.

Повернув голову, я гляжу им вслед. Мотор уже заглушен, и тишину в кабине нарушает лишь храп спящего. Стараясь не разбудить Мадана, мы вылезаем из машины, достаем сигареты и, с наслаждением затянувшись, стараемся угадать, где находимся. Небо начинает сереть. Проезжает на велосипеде мальчик с пачкой газет на багажнике...

— Now we are approaching to the dawn¹⁹, — и одновременно со словами диктора на горизонте показывается краешек красного шара. Небосвод над головой светлеет. В зале загорается свет. С грохотом падают отодвигаемые стулья, и зрители, осторожно ступая, чтобы не толкнуть соседа, плотной толпой движутся к выходу. Головы задраны, взоры прикованы к куполу, на котором неподвижно висит красный шар.

¹⁹ И вот близится рассвет (англ.).

АМРИТРАЙ

ПРОГУЛКА ПО БЕНАРЕСУ

Ну что ж, брат Кульбхушан, пойдем, я покажу тебе Бенарес, город, который с незапамятных времен считается центром Джамбудвипы¹. Правда, гид из меня неважный, хоть я и живу в Бенаресе. Тебе ведь нужен такой гид, что впитал Бенарес с молоком матери, что жизни без Бенареса не мыслит. Но что такое Бенарес? Бенарес — это...

Не так быстро, дружище, пойдем чуточку потише. Вот видишь, ты все еще никак не можешь понять, что даже в наш век Бенарес не терпит суеты и торопливости. И если уж ты попал в Бенарес — забудь о скорости и стремительном ритме жизни. Ты спрашиваешь — почему? До тебя даже это не доходит? Какой же ты непонятливый! А ты взгляни, к примеру, на Гангу — у нас ее зовут попросту матушкой — ведь как стремительна она в верхнем течении, скажем, у Канкхаля: того и гляди, с ног сшибет... ну а здесь, в Бенаресе? Уже на подходах к городу река замедляет свой бег,

¹ Джамбудвипа — согласно индийской мифологии, один из семи мировых материков, на котором находится Индия.

а вступив в его пределы, она, словно зачарованная, струит свои воды торжественно и неторопливо, лаская кожу ног всякого, кто ступает в нее. Такова и жизнь в Бенаресе: медленно катит волны Ганга, неспешно шагают люди. Тут даже и захочешь — не победишь, потому что улицы у нас, особенно по праздникам, просто-напросто забиты народом: куда все, туда и ты. Какой смысл торопиться? Иногда мне кажется, что житель Бенареса вообще выходит из дому не затем, чтобы куда-то пойти, а затем, чтобы не оставаться в четырех стенах, — вот все и толкуются на улицах. Поглядишь так часок-другой на это столпотворение, и ей-богу любого сомнение возьмет — да живет ли кто-нибудь вообще во всех этих закопченных, будто выкованных из меди, что потемнела от времени, здациях? А все потому, что у нас в Бенаресе люди проводят свою жизнь на улице — здесь и дела решают, и бетель жуют, и просто лясы точат...

Вот так оно и получается, дорогой Кульбхушан, что в этом городе никто никогда не торопится: медленно течет река, неторопливо идут люди, лениво бредут животные, — уж ты поверь мне, коль согласился, чтобы я был твоим гидом... Какие, говоришь, животные? Коровы и быки, конечно, — их здесь великое множество, и все они в большом почете. Ведь Бенарес, или Каши — так его именовали древние, — это обитель владыки мира Вишванатха². А ездит Вишванатх на ком? На быке Нанди, на ком же еще... Поэтому бык здесь — животное священное, не меньше чем корова. А если вспомнить, что Нанди — родной сын своего седока, то корова, естественно, доводится Вишванатху снохою. Конечно, у людей не принято, чтобы родители катались верхом на своих детях, но то люди, — у богов все по-другому. Хотя у людей тоже всякое бывает. Возьми, к примеру, сказание о Шраване Кумаре: кто как не он носил на закорках родного отца по всем святым местам. Вот я и говорю, что удивляться нечему: если такое случается у людей, то тем более оно может быть у богов. А что думают по этому поводу у нас в Бенаресе, суди сам: ведь таких почестей, которые достаются Нанди, здесь

² Вишванатх — одно из имен бога Шивы, наиболее известный и почитаемый храм которого находится в Бенаресе.

не знают ни сам Вишванатх, ни его супруга Парвати, ни сыновья их — Ганеша³ и Карртикея⁴. Правда, Ганеше еще кое-что перепадает, но уж его братцу — никогда. Да, в Бенаресе свои вкусы...

Вот видишь, как я разговорился! Умение поболтать на досуге — тоже бенаресская черта, а я если чему-то и научился здесь, то прежде всего этому... Так вот, значит, я и говорю: люди в Бенаресе ходят неторопливо, степенно, и рядом с ними по улицам свободно разгуливают коровы и быки — словно свадебные гости, которые собираются на церемонию к дому невесты⁵. Во всяком случае вид у них такой же степенный и торжественно-праздничный. Люди сейчас, правда, разные, и тем, кто мнят себя «современными», это, конечно, не нравится, особенно когда они за рулем. И вот они начинают сигналить и гудят минут по десять, требуя уступить дорогу, но наши бенаресские Нанди со своими благоверными как будто ничего и не слышат. Представляешь, лежит себе посреди улицы корова, и вид у нее такой, как у саньсяси⁶, которого ничто на свете не интересует, — лежит и что-то в полусне жует. Ну что тут прикажешь делать? Ее и уговаривают, и упраскивают, и умоляют, а она лежит, жует и ухом не ведет. И случается, что выведенный из себя водитель — будь он хоть самый набожный в округе — хватается за палку и начинает от всей души благодарить матушку-корову и ее почтенного супруга за их милости. Поэтому здесь у нас очень полезно уметь ловко орудовать дубинкой, это пригодится и простому шоферу, и знатоку священных книг. Чтобы выдержать экзамен на право называться истинным бенаресцем — мало уметь крутить баранку или знать наизусть «Гиту»⁷...

³ Ганеша — бог мудрости, изображается с телом человека и головой слона.

⁴ Карртикея — бог войны, известный также, под именем Сканды, изображается с шестью головами.

⁵ Согласно традиционному индийскому свадебному обряду, главная часть церемонии, собственно бракосочетание, происходит в доме невесты на четвертый день с начала торжества.

⁶ Саньсяси — бродячий аскет.

⁷ «Гита» («Бхагавадгита») — религиозно-философская поэма, входящая в состав древнеиндийского эпоса «Махабхарата»; почитается индусами как священная.

Пу вот, видишь, я опять заговорился. Так вот что я сказать-то хотел: сообразив, что город наш — не просто город, а священная обитель Вишванатха, эти самые Нанди доморощенные и их супруги постановили считать его своим исконным владением. Естественно поэтому, что и походка у такого «божьего сыночка», как у настоящего раджи, — он не идет, а шествует, он исполнен величия, он не выносит суеты и спешки. А вывод из всего этого я предлагаю тебе такой: здесь у нас и люди, и животные, и даже дома, что кажутся такими сонными и унылыми, существуют только потому, что ничегошеньки не делают. Ведь в Бенаресе всякий убежден, что он — либо сын, либо внук, либо правнук Вишванатха, а на худой конец — просто верный его подданный. Так что единственная обязанность, которую он за собой признает, — это наливатьс⁸я бхангу да лечиться травами, как предписывает аюрведа⁹.

Ты, наверно, знаешь, — а если не знаешь, то попробуй сам и тогда ты поймешь, что такое бханг. Один глоток — и в считанные минуты все вокруг исчезает, словно растворяется, и ты попадаешь в удивительный мир, где постигается реальность бога и обнаруживается иллюзорность всего, что окружает тебя на земле. У нас в Бенаресе даже ребенок, едва начав говорить, рассуждает совсем как взрослый: его еще от груди не отняли, а он уже без малого философ. И все благодаря тому, что предки его с древнейших времен пили бханг, а философия, утверждающая призрачность материального мира, входит в плоть и кровь человека с самого его рождения. А знаешь ли ты, что когда, одержав много славных побед и покорив много стран, великий Шива прибыл в Бенарес, то первым, кого он увидел, был вдрызг пьяный горожанин, который и поприветствовать-то высокого гостя как положено не мог. И вот — имей в виду, что я ничего не выдумываю, это все исторические факты! — когда конь вседержителя, победоносно прошедший несчетное количество земель, ступил на камни Бенареса, другой полоумный, у которого уж и сил-то не оставалось, чтобы глаза как следует продрать, накинул⁸ся на величайшего из великих и связал его. Так Шива

⁸ См. примеч. 18 к рассказу Раджендры Ядава «Ночная Калькутта».

⁹ А ю р в е д а — древнеиндийская медицина.

впервые потерпел поражение. И это не единственный случай. Много сотен лет спустя то же самое стряслось и с Олдосом Хаксли¹⁰, когда он — это уже в нашем столетии — во время своей поездки по Индии посетил Бепарес. Философский склад ума наших горожан произвел на него такое глубокое впечатление, какое, по воле лукавого Камы, произвела на Шиву его будущая супруга¹¹. И, возведя очи горе, твердя имя всемогущего и милосердного, он возвратился на берега туманного Альбиона, где засел писать книгу, в которой утверждает, что в Индии и воздух, и земля, и вода — все насыщено философией и это с особую силой ощущается в древнем Каши. Да-да, так он и написал: «Насыщено философией». Не веришь — почитай его путевые очерки под названием «Шутник Пилат» и сам убедишься...

А может, ты уже читал их, а, Кульбхушан? Ну ладно, главное, чтобы ты понял — что раз приклеится, потом всю жизнь не отлепишь. Так и Олдос Хаксли: покидая Каши, он продолжал твердить священное слово «ом», которым начинается любой гимн, обращенный к всевышнему... Впрочем, это ведь все равно что бханг: один раз набрался и так очумел, что и поныне одно и то же долдонит. Не веришь — спроси у доктора Бхагватшарана Упадхья¹²: он только что вернулся из Америки и запросто подтвердит, что Хаксли стал самым прилежным учеником Свами Прабхавананда, а может, и кого другого, точно не помню. Значит, нашептывает гуру¹³ ему на ухо разные там священные мантры¹⁴, а он пока что набивает табаком трубочку для своего духовного отца. А выходя из дому, всякий раз прихваты-

¹⁰ Хаксли, Олдос Леонард (1894—1963) — английский писатель, жил в США. Много путешествовал. Произведения Хаксли, не лишённые элементов социальной критики, глубоко пессимистичны. В своих философских этюдах проповедовал мистицизм.

¹¹ Имеется в виду миф о том, как бог любви Кама пробудил погруженного в аскетическую медитацию Шиву, чтобы он увидел пришедшую к нему красавицу Парвати и влюбился в нее.

¹² Бхагватшаран Упадхья (род. в 1910 г.) — видный индийский историк, автор ряда работ по древней истории Индии. Главный редактор «Энциклопедии хинди».

¹³ Гуру — учитель, духовный наставник.

¹⁴ М а н т р а — заклинание, молитва.

вает с собой уздечку. Да что Хаксли: воп и Элиот¹⁵ и Шервуд¹⁶ тоже на нашем поле угощались. Я ничуть не удивлюсь, если в один прекрасный день вся эта троица попадется мне где-нибудь на улицах Бомбея, в благочестивом экстазе распевая гимны под аккомпанемент трещотки и медных колокольцев. И не забывай, причина всему этому — Каши, его крепчайший бханг. Я ведь тебе не зря писал: сделай ты себе заблаговременно прививку против нашей инфекции. Теперь смотри — если что, пеняй на себя. Помнишь, в двадцать седьмой шлоке¹⁷ четырнадцатой главы «Гиты» Кришна говорит, что разум надо всегда держать при себе. Так вот, перед тем как ехать в Бенарес, тебе лучше не слушать Кришну, а оставить свой разум дома или отдать его в заклад. Ни забот, ни хлопот — и бояться не за что. Как жить, говоришь, без него? А как все живут! Мы вот в Бенаресе взяли когда-то и сбросили с себя его сети, на веки вечные умничать зареклись. И с тех пор всеми делами заправляет у нас не человеческий разум, а божественный, или подсознательный, — называй как хочешь. Если же ты его израсходовал, выпиши новую партию из Пондишери¹⁸, а не выписал — опять не беда, за четыре аны¹⁹ тебя и здесь любой лавочник бхангом угостит, да так, что, пока твоя душа будет в небесах витать, ты сам наблюдать за ее полетом сможешь.

Смотри, смотри, вот он, Каши, обитель Вишванатха, того самого, который, чтобы не попасть в лапы к врагу, прыгнул в колодезь, едва услышав о вторжении Мах-

¹⁵ Элиот, Томас Стернс (1888—1965) — англо-американский поэт и критик. В определенный период своего творчества испытал влияние мировоззренческих систем Востока, в частности буддизма и индуизма.

¹⁶ Речь идет о Мэри Марте Шервуд (1775—1851) — английской писательнице, которая, выйдя замуж за офицера английских колониальных войск, большую часть жизни прожила в Индии, где занималась благотворительностью и литературной деятельностью. Ее перу принадлежит около сотни религиозно-назидательных рассказов, написанных на индийские сюжеты.

¹⁷ Ш л о к а — двустишие.

¹⁸ Пондишери — бывшая французская колония на Коромандельском побережье Индостана; воссоединена с Индией в октябре 1954 г.; автор намекает на учение видного индийского философа Ауробиндо Гхоша (1872—1950), жившего в Пондишери.

¹⁹ А н а — денежная единица, составлявшая $\frac{1}{16}$ рупии; с 1957 г. вышла из употребления; рупия сейчас равна 100 пайсам.

муда Газневи²⁰. А вот и колодец... каждый паломник почитает своим долгом поклониться этому святому месту. Сам понимаешь, наши брахманы-пандэ тоже в накладе не остаются... Таков Каши — обитель Вишванатха, город, в котором безраздельно властвуют Нанди, то бишь бык, и матушка наша корова... И власть свою они, надо сказать, использовать умеют. Если бы Мальтус²¹ знал, какими темпами растет население Бенареса, он бы, как пить дать, пересчитал все свои прогнозы. Тебя волнует проблема пищи? А у нас в Бенаресе пища духовная, и называется она — адхьятмавад²². Из-за этого, правда, мои сограждане не отказываются от сливок, цельного молока и отборного риса, приготовленного на чистом топленом масле... Но если ты застанешь их в тот момент, когда они набивают свои желудки подобными лакомствами, помни: все, что ты видел, — иллюзия, обман зрения. Истинная их пища — адхьятмавад...

Еще одна великая заслуга бенаресцев — в том, что именно здесь приказала долго жить идея о движении как о законе жизни. Мы утверждаем, что движение ни в коей мере не является законом жизни, потому как в конечном итоге приближает человека к смерти. Отсюда совершенно ясно: то, что влечет человека к роковому исходу, не может считаться жизнеутверждающим. По этой самой причине к сведению всех, прибывающих в Каши, на арке ворот у въезда в город начертано следующее:

Все те,
Кто вступают в этот город,
Должны освободиться
От заблуждения, что жизнь — в движении.

²⁰ Махмуд Газневи (969—1030) — правитель Газневидского государства, основанного на территории современного Афганистана в 963 г. В течение своего 30-летнего правления (с 999 г.) совершил несколько грабительских походов в Индию.

²¹ Мальтус, Джон (1766—1834) — английский священник, создатель антинаучной теории, согласно которой рост народонаселения происходит в геометрической, а рост средств существования — лишь в арифметической прогрессии, в результате чего возникает несоответствие между количеством средств существования и численностью населения.

²² Адхьятмавад — термин, в современной индийской философской литературе соответствующий понятию «спиритуализм». Амритрай вводит этот термин для иллюстрации того, что жители Бенареса якобы ставят духовные ценности выше ценностей материальных.

Да и в самом городе то и дело встречаются предупреждения: «Скорость движения — 5 миль в час».

И всякий, кто превышает эту скорость, — человек, который ходит быстрее гусеницы, или машина, обгоняющая арбу, — подвергается штрафу.

В прежние времена, когда Бенарес был еще княжеством²³, это предупреждение, выбитое на бронзовых плитах, красовалось на всех городских воротах. Но лишь после того как все бенаресцы прочитали его и хорошо усвоили, на улицы города была допущена неоновая реклама. По сей день призывает она тех, кому не лень, посещать кинотеатры, магазины, рестораны или клинику доктора Дивана Синха, где вылечат любую болезнь... Последнее, кстати сказать, весьма пригодилось бы нашей стране. Со здоровьем-то у нее дела все хуже, а чтобы подлечиться, надо бы, наверно, не увешивать себя вывесками да рекламами, а обзаводиться цельным молоком, топленым и сливочным маслом, рыбой, яйцами, мясом, фруктами. Правда, могут сказать, это не моего ума дело. Что ж, пусть тогда обращаются к доктору Дивану Синху...

Эй, брат Кульбхушан, так не пойдет! Я рассказываю, глотку надрываю, а ты себе зеваешь в кулачок, а чтоб я не заметил, притворяешься, будто очки протираешь. Выходит, надоели тебе мои байки... Так я ведь предупреждал, что гид из меня никудышный. И все же раз я за это дело взялся, — по твоей, заметь, просьбе, — то я буду не я, если не покаю тебя на лодке по зеркальной глади матушки-Ганги, не свожу в храмы Вишванатха и Аннапурны²⁴, не угощу лучшим бетелем в лавке Бадалрама Лакшминарайна на Чоуке²⁵, не покажу расшитых золотом шелковых бенаресских сари, не заставлю купить целую корзину бронзовой посуды ручной работы и не накормлю самыми вкусными местными блюдами. И только после этого я оставлю тебя в покое. Но ты постигнешь душу Бенареса. Ведь душа есть у каждого города. Должен же кто-то ее знать... Ну-

²³ Территория княжества Бенарес была включена в состав Соединенных провинций (ныне штат Уттар Прадеш) в октябре 1949 г.

²⁴ Аннапурна (букв. «дарующая пищу») — одно из имен богини Парвати, супруги бога Шивы.

²⁵ Чоук — одна из самых оживленных площадей Бенареса.

жен тебе официальный гид — пожалуйста, таких здесь навалом, рупия за сэр²⁶, но я, брат, хоть рангом и ниже, а покажу тебе такие вещи, которые никто другой не покажет, о самом существовании которых ты даже и не подозреваешь.

Душа Бенареса... Это — бханг, это скопища быков и коров. Это толпа, медленная, говорливая, пестрая... Вот что надо суметь увидеть в Бенаресе, иначе считай, тебя здесь не было. Возьми, к примеру, бханг. Я нигде не видел, чтобы люди пили бханг с таким удовольствием, я бы сказал даже наслаждением, как здесь. Они припадают к чаше с бхангом так, будто этот напиток — нить, связывающая человека с самим повелителем бхутов²⁷. Бык на городской улице и в Бомбее не редкость, но ведь у нас все это куда красочнее. Конечно, если бык вдруг появится на площади Флора-фаунтен или у кинотеатра «Эрос»²⁸, то уличное движение тотчас остановится, возникнет пробка... Я уж не говорю о том, что у какой-нибудь девицы из современных или у сверхделового подрядчика из Гуджарата станет плохо с сердцем, если она или он окажутся очевидцами такой сцены. Здесь, в Бенаресе, такого не бывает. Бык преспокойно укладывается посреди улицы и с самым невозмутимым видом жует свою жвачку, словно томный поэт, слагающий мистическо-романтические стихи, — однако уличное движение из-за этого не замирает ни на минуту и сердечный приступ ни у кого не случается — история Каши не знает ничего подобного за все три тысячи лет существования города. Поэтому и наш муниципалитет, который мы именуем санскритским словом «нагар-палика» («градохранитель»), не чинит животным никаких препятствий в осуществлении ими своих законных прав, а если, паче чаяния, нечто подобное вдруг произойдет, то, лично я в этом ничуть не сомневаюсь, среди быков начнется мощное движение в защиту гражданских свобод, в котором их активно поддержат все жители Бенареса, потому что они еще с незапамятных вре-

²⁶ Сэр — мера веса, около 960 г.

²⁷ Бог Шива считается верховным владыкой бхутов, т. е. демонов (Бхутанатх, букв. «повелитель бхутов» — одно из его имен), которые, согласно поверьям, живут в пещерах, кровях деревьев, заброшенных домах.

²⁸ Речь идет о центральных районах Бомбея.

мен, постоянно видя животных посреди улицы, утвердились в мысли, что такое положение вещей освящено авторитетом шастр²⁹. Для моих сограждан слова «санр» и «сарак»³⁰ — одного корня. Один из местных пандитов очень много лет изучал этимологию слова «сарак» и пришел к неопровержимому выводу, что «сарак» является производным от «санр». Ведь как, скажем, человека, который работает в «шахте», называют «шахтер», точно так же открытое пространство, которое попирает своими копытами «бык», именуется «улицей». Говорят, что Бенаресский университет намерен присвоить этому пандиту за его открытие докторскую степень... Что верно, то верно — бык у нас — это украшение улицы, мы себе даже глухого переулочка без быка не можем представить. Поэтому когда здесь собираются прокладывать новую улицу, то при утверждении проекта наш «градохранитель», то бишь «муниципалитет», первым делом решает, какой бык будет владеть этой улицей.

А что такое толпа в Бенаресе?.. Ты ведь приехал сюда из мира, где нет отдельного человека, а есть толпа, в которой он теряется, точно булавка в дорожной пыли. Но между той толпой и толпой здешней — огромная разница: в Бенаресе толпа не поглощает человека... Конечно, народу у нас в Бенаресе скапливается подчас столько, что и представить трудно, однако давки нет, беспорядка тебе тоже никакого. Мы ненавидим любой беспорядок. Да будет проклята жизнь, которой повелевают беспорядок и хаос! Даже когда в ночь полнолуния или на заре, в ожидании первого солнечного луча, на берегах Ганги собираются бесчисленные толпы паломников, жаждущих совершить омовение в священных водах реки, ничто не в силах поколебать душевного спокойствия и уравновешенности этих людей.

Они любят божественную красоту природы, разговаривают только вполголоса и потом, совершив омовение, удаляются, умиленные и торжественные, — так, словно являются участниками свадебной церемонии. И все это — Каши, его душа. А если кто не понял этого, то у него у самого, поверь мне, души нет. Вы приезжае-

²⁹ Шастры — древние собрания правил и предписаний, затрагивающих вопросы ритуала, этики, морали, политики и т. д.

³⁰ На хинди *санр* означает «бык», *сарак* — «улица».

те сюда из мира, в котором поклоняются богине Скорости и богу Темпу, в котором все подчинено движению, где выходит газета «Blitz» и несчетное число глупцов верит тому, что и жизнь человеческая должна быть таким вот блицем. Мне даже не по себе стало, когда я узнал о твоём приезде, — ведь мы, хранители древней мудрости, привыкли смотреть с презрением на вечную вашу суету.

Да, друг мой Кульбхушан, здесь все необычно и все удивительно. Поэт, который сказал: «Каши — это диво трех миров»³¹, — несомненно, был парень толковый. И верно, Каши не сравнить ни с одним из городов земного шара. Посреди океана современной цивилизации он высится как скала, на вершине которой нашла прибежище древняя культура Индии. Тем, кто приезжает сюда из Бомбея, Калькутты, прочих больших городов, Бенарес поначалу кажется захолустьем, почти деревней. Дело же в другом — он не такой, как все. У него есть свое собственное лицо, свой неповторимый облик, и никакие, даже самые незначительные изменения здесь неприемлемы. И так будет всегда, пока в Бенаресе живут те, кто любит свой город такой самозабвенной любовью, что даже в помыслах не позволяют себе покинуть его, хотя бы их обзывали лягушками, спящими на дне колодца, — и пока есть люди, которые ради Бенареса готовы отказаться даже от райской жизни, наш город будет с глубоким презрением взирать на эту вашу цивилизацию, у которой нет и не может быть прочной опоры.

Вот смотри, ведь сейчас еще рано, а люди уже на улице — кто с полотенцем, кто с циновкой, кто босиком, кто в деревянных шлепанцах. Куда, спрашиваешь, они идут? Конечно же, к Ганге, к ней, матушке, обращены в этот час взоры и помыслы каждого бенаресца. Милостью матушки-Ганги никто из жителей Бенареса не попадает в ад, для них, видишь ли, в раю целая мохала³² построена. Наш горожанин и дня не пропустит, чтобы не сбежать к святой Ганге и не смыть с себя налипшие грешки. Погляди-ка, вон там в толпе высокочтимый Анандмадхав, он — старший полицейский инс-

³¹ Согласно индийской мифологии, это небо, земля и подземный мир.

³² Мохала — квартал.

пектор. В полицию его зачислили еще в 1921 году, с тех пор он переловил, наверное, тысячи политических. А в сорок втором³³, говорят, он такие пытки для заключенных наизобретал, что самому Ямараджу³⁴ впору было обращаться к нему за консультацией. У властей он всегда в почете: и у английских, и теперь у наших. Занятие у него прежнее да и заведение прежнее — там только вывеска сменилась. Учитывая большой опыт Анандмадхава, его повысили в должности. Впрочем, что бы там ни говорили, Анандмадхав — истинно верующий человек. Пусть льет дождь, сыплет град, грохочет гром — ничто не удержит Анандмадхава: в любую погоду придет он к Ганге, чтобы совершить омовение и посетить храм Аннапурны. Выйди в какой хочешь день на улицу — и в пять утра ты увидишь его среди тех, кто направляется к нашей священной реке с надеждой на благоволение божье.

А вот это — видишь? — в элегантной коляске едет сетх³⁵ Дваркадас. Лицо почтенного сетха словно излучает сияние — любопытно, чему это так радуется благочестивый Дваркадас... Вот коляска останавливается — слуги поспешно распахивают дверцу и осторожно, будто драгоценность, извлекают парализованное тело своего хозяина, затем, осторожно переступая по каменным плитам гхата, спускаются к реке. Надо тебе сказать, что сетх Дваркадас — человек небедный: его амбары забиты тысячами манов³⁶ пшеницы и риса, но все это — не для тех, кто страдает от голода, а для тех, у кого тугие кошельки. А на страже богатств сетха стоит рупия, она страшнее, чем самая ядовитая змея. Случалось, люди от голода прямо у входа в особняк сетха помирали. Ну и что? Разве люди не для того родятся, чтобы помирать?..

Теперь посмотри-ка вон туда. Видишь того типа, которого везет велорикша. Важный такой... щеки у него

³³ В августе 1942 г., когда колониальные власти бросили за решетку все руководство Индийского национального конгресса во главе с М. К. Ганди, по всей Индии прокатились массовые антианглийские выступления, которые были жестоко подавлены.

³⁴ Ямарадж (Яма) — бог смерти и справедливости, в царстве которого грешники претерпевают ужасные мучения.

³⁵ С е т х — богатый торговец, ростовщик.

³⁶ М а н — мера веса, около 40 кг.

гладенько выбриты, лоснятся, точно спелый манго. Это инспектор по распределению продуктов, глубокоуважаемый Рамвачан Шарма. Его обязанность — учитывать и распределять среди населения продовольственные товары. Сейчас-то он на государственной службе, а недавно служил приказчиком у сетха Дваркадаса.

Уж кому-кому, а ему-то отлично известно об амбарах сетха, но он делает вид, что ровным счетом ничего о них не знает, будто их и вовсе на свете нет. Человек он домовитый и первым делом о своем доме заботится. А забот у него и вправду немало: это — капитал, который он уже подкопил и который ему предстоит еще увеличить; это — особняк, только что отстроенный, и другой, что он тоже непременно построит; девушка, которую он уже соблазнил, а потом заставил сделать аборт, и та, которую судьба еще приведет к нему в постель; дорогое, вышитое золотом сари, которое он подарил некой особе, проживающей у Дальманди, и золотое ожерелье весом в девять тола³⁷, которое уже приготовлено для другой особы, занимающей целый особняк на Кабутар-базаре... Ну как, хватит? Вот что, брат, делают деньги. А теперь забудь, что я тебе говорил. Нехорошо много знать — вдруг у господина инспектора все прахом пойдет, а ведь он людей кормит, все равно что господь бог на земле...

Так оставим же, брат Кульбхушан, скучный этот разговор и пойдем поглядим, что делается на гхатах. Такого, как в Бенаресе, ты нигде не увидишь и нигде не услышишь. Отовсюду несутся гимны Сурдаса, Тулсидаса, Кабира, Миры³⁸, звучные шлоки из «Гиты» и упанишад³⁹: слова и мелодию каждый выбирает по своему вкусу. Кое-где раздаются любовные песнопения Видьяпати⁴⁰, а кто-нибудь, разохотившись, распевает под видом гимнов песенки из популярных кинофильмов. В общем, если где и существует свобода слова,

³⁷ Тола — мера веса, около 12 г.

³⁸ Сурдас, Тулсидас, Кабир, Мира (полностью Мирабаи) — средневековые поэты.

³⁹ Упанишад — древние религиозно-философские сочинения.

⁴⁰ Видьяпати — средневековый поэт, автор лирических стихов, посвященных любви бога-пастуха Кришны и его подруги Радхи.

та, что в конституции нашей записана... так это только здесь, на бенаресских гхатах.

После омовения и молитвы следует посетить храм. Слышишь этот звон, что не смолкает ни на секунду? Таков порядок: совершив обряд, зайди в храм и позвони в колокольчик, чтобы всевышний услышал тебя и не сомневался в твоей праведности. Наконец, все сделано, и толпа медленно растекается по узким переулкам — всюду теснота, грязь, шныряющие карманники, гирлянды живых цветов и никогда не исчезающий запах сандала от воскуриваемых благовонных палочек. Порядок... порядок у нас прежде всего. Тебе, кстати, доводилось когда-нибудь видеть стадо баранов? Тут точно так же: куда один — туда и остальные. Все идет по раз и навсегда заведенному ритуалу: поплескался в Ганге, позвенел колокольчиком в храме, поклонялся одной статуе, положил цветочки к стопам другой...

Не правда ли — прелестна жизнь,
В которой утром —
 посещение храма,
А ночью — рынка красоты...

Стишки эти сочинил Моханлал Дживеди⁴¹, а почему я их тебе рассказал, сейчас сам поймешь.

Смотри, вот Дальманди. Когда-то, быть может, здесь действительно торговали зеленью⁴² — сейчас здесь торгуют красотой. Туда, где продают зелень, покупатели ходят днем, сюда же они заявляются лишь ночью. Новый человек, оказавшись случайно в этом квартале, чувствует себя неуютно и спешит поскорее выбраться отсюда, стыдливо пряча глаза — и от самого себя, и от местных завсегдатаев, и от тех молодых женщин с густо подведенными сурью веками, тело которых, доступное каждому, как регистрационная книга в гостинице, можно задешево купить на любое время.

К сожалению, дорогой Кульбхушан, далеко не все чувствуют себя в Дальманди столь же неуютно. Многие ходят сюда ежедневно отдохнуть и поразвлечься,

⁴¹ Моханлал Дживеди — современный поэт-сатирик хинди.

⁴² Слово *дальманди* буквально означает «зеленой рынок».

и сдается мне, что им здесь лучше, чем дома. Еще даже сумерки не наступили, а они уже выходят на охоту — чисто вымытые, слегка одурманенные бхангом, в лаковых туфлях, в дорогих дхоти⁴³ с темной каймой и в белоснежных рубашках из тончайшего муслина с золотыми пуговицами, скрепленными нередко золотую же цепочкой, источая запах тонких духов. Вот они достигают заветного переулка. Для начала — две порции бетеля. Потом — две гирлянды цветов: одну — под мышку, другую — на шею. Все — больше ничего не требуется. словно изготавившись к бою, рыщут они по переулку, подобно быкам во время течки. Даже патологические трусы выглядят здесь отчаянными смельчаками, когда они, выпучив налитые кровью глаза, поглаживают лихо закрученные усы и, глубоко затягиваясь, выпускают одно за другим кольца табачного дыма, — а сигаретка-то, если приглядеться, — из самых дешевых. Встречаются среди них и здоровяки — косая сажень в плечах, но в основном народишко здесь худосочный — кожа да кости, а под глазами вот такие синячищи. Впрочем, публика здесь без претензий. Ведь это рынок, и приходят сюда лишь те, у кого есть деньги. При деньгах любого ждет радушный прием — и слепого, и хромого, и прокаженного. Ну, а с пустым кошельком дорога сюда для тебя заказана, будь ты хоть раскрасавец, пышущий здоровьем и силой. Это непреложный закон Дальманди. Плати — и ты, как в сказке, обретишь юность и красоту... Любопытное место, не правда ли? Здесь рука об руку идут красота и безобразие, полная сил юность и старческая немощь, а залапанное грязными руками юное тело быстро увядает, покрывается морщинами и умирает. А если сказать еще короче, то юность в Дальманди — это как зеленая поляна, на которой пасется скот...

Ну вот, теперь ты видел все, дорогой мой Кульбхушан! И, возвратясь домой, ты сможешь рассказать соседям и знакомым, что Бенарес — это город бронзовой посуды и шелковых сари, город, где люди постоянно жуют бетель и душатся крепкими духами, город, на улицах которого свободно разгуливают быки и коровы,

⁴³ Дхоти — национальная мужская одежда, вид набедрепной повязки.

город, где запрещено быстрое движение и все движется со скоростью улитки — и река, и люди, и животные, и сама жизнь. Таким оставался Бенарес на протяжении всех трех тысяч лет своей истории, таким он останется и в последующие три тысячелетия. Почему?.. Кхм! Да хотя бы потому, что так сказал пандит Ведвакьянанд — местное светило, мудрейший из мудрейших, учейнейший из учейнейших, непревзойденный знаток астрологии, удостоенный за свои заслуги многих почетных титулов, дипломов, премий, и прочая, и прочая...

БХИШАМ САХНИ

РЕВНИТЕЛЬ ДРЕВНЕЙ ВЕРЫ

Только почувствовав под ногами священные камни Бенареса, махант ¹ Рамдас испытал облегчение, словно то непосильное бремя, которое пригибало его, бредущего под палящими лучами солнца, к земле, свалилось наконец с его плеч. Здесь же спокойно и величаво катила свои волны широкая и полноводная Ганга. Из храмов доносились мелодии гимнов, обращенных к Шиве или к Вишну и его многочисленным аватамам ², а в вечерние часы воздух наполнялся звоном колокольчиков и гонгов, призывавшим богов обратить свой благосклонный слух к смиренным мольбам страждущих.

Удары судьбы не могут сломить юношу, потому что в его жилах горячая кровь и нерастроченная сила молодости, а сердце полно смелости и боевого задора; Рамдас же был стар, немощен телом и с боевым задором простился много лет назад. Его единственной опорой и поддержкой была вера. И когда ее стали оскорблять и осквернять, он оставил родную деревню и пришел сюда искать утешения и защиты.

Всю свою жизнь махант ревностно служил в деревенском храме, исполняя обряды согласно вековечному ритуалу. В любое время года — в холод и в жару — он вставал в три часа утра, таскал воду из

¹ Махант — старший брахман храма.

² Аватары — воплощения, которые, согласно мифам, принимал бог Вишну, нисходя на землю, чтобы спасти мир от гибели.

колодца, выкопанного во дворе, мыл каменные плиты, которыми был покрыт пол храма и его пристроек, и, когда на востоке показывалась алая полоска зари, у маханта Рамдаса все было готово для обряда арти³, который он и совершал, воскуривая благовония и возлагая гирлянды из живых цветов на каменное изваяние божества. А первые лучи солнца, коснувшись кровли храма, уже заставляли в нем всех деревенских, звенели колокольчики и гонги, и люди, склонив головы и сложив руки, творили утреннюю молитву.

До Рамдаса давно доходили слухи, что вскорости все храмы будут открыты для чамаров⁴, домов⁵ и прочих неприкасаемых. Однако, во всем уповая на всевышнего, Рамдас надеялся с его помощью сохранить чистоту обители, не допустить ее осквернения.

В деревне, где находился храм, было только семь семей чамаров, однако все мужчины из этих семей работали в городе и, набравшись городского духу, потеряли всякий страх перед высшими кастами. Когда чамары перестали уступать брахманам дорогу, махант был взбешен, но, чувствуя веяния времени, смолчал. Однако в тот день, когда окончательно обнаглевшие чамары, прихватив с собой двух полицейских в красных тюрбанах, вошли в храм и направились прямо к алтарю — святая святых обители, махант Рамдас не стерпел такого безобразия: он завопил диким голосом и, призывая на головы чамаров самые страшные проклятия, кинулся на них с кулаками; на крик Рамдаса сбежались брахманы и другие дваждырожденные⁶; завязалась драка, полилась кровь, но чамары не уступили. На подмогу им поспешили другие неприкасае-

³ Арти — обряд, во время которого вокруг головы изваяния божества носят горящий светильник, наполненный благовонным маслом.

⁴ Чамары — одна из низших каст, куда входят главным образом кожевники.

⁵ Домы — одна из низших каст, основным занятием которой является уборка нечистот и падали.

⁶ Таковыми, согласно каноническим текстам индуизма, считаются мужчины трех высших варн, т. е. сословий, — брахманы, кшатрии и вайшьи. «Второе рождение» происходит тогда, когда на мальчика или юношу из соответствующей семьи его духовный наставник надевает священный шнур. В наше время священный шнур носят практически только брахманы.

мые, и дваждырожденные, изрядно потрепанные, были выпущены ретироваться. Так был осквернен храм. Теперь его двери открылись для кого угодно, и даже самый паршивый чамар мог беспрепятственно проходить к самому алтарю! Правда, добившись своего, чамары больше не показывались в храме, но весь он будто пропитался их грязным дыханием и зловонием дубленых кож. Несколько дней подряд махант Рамдас чистил обитель: мыл молоком ее стены и жег благовонные травы, но ощущение мерзкого запаха, наполнявшего храм, уже не покидало его. Всякий раз, когда Рамдас с поклоном ставил перед божеством поднос с дарами, ему казалось, что это не священная пища, а поганые объедки чамара, — и одна эта мысль вызывала у маханта приступ тошноты.

Наконец, не выдержав такой муки, махант покинул храм: для него гораздо дороже родной деревни была дхарма — обретенная с рождения чистота веры, касты и помыслов. Объявив односельчанам, что он никогда больше к ним не возвратится, Рамдас положил в котомку два дхоти — все свое имущество, — взял в руки посох и камандал⁷, низко поклонился на прощание каменному изваянию божества и, проливая горькие слезы, двинулся в путь.

Много дорог пришлось пройти Рамдасу, прежде чем он добрался до Бенареса; но здесь все его страдания были вознаграждены: круглые сутки звучали дивные мелодии молитв, с раннего утра и до позднего вечера толпы паломников очищали тело и душу, совершая омовение в священных водах Ганги.

Рамдас остановился в одной дхармашале⁸ возле Асси-гхата. Пищу он готовил сам, однако чаще пользовался услугами бесплатной харчевни, открытой специально для брахманов — обитателей Асси-гхата. Первые дни Рамдас знакомился со священным городом. Он исходил Бенарес вдоль и поперек, совершил омовение на всех гхатах, лицезрел каменные изваяния богов в каждом храме, с благоговением внимал божественным звукам киртана на Дешашвамедх-гхате. Постепенно покой и умиротворение снизошли на его растрова-

⁷ Камандал — чаша из тыквы, кокоса или бронзы, принадлежащая странствующему аскету (садху).

⁸ Дхармашала — странноприимный дом.

женную душу, и он даже не вспоминал родную деревню.

Приближался праздник чандраграхан⁹, и улицы Бенареса были запружены толпами паломников. Странноприимные дома и дворы храмов ломились от народа. Рамдас с нетерпением ожидал этого дня, чтобы окончательно очиститься от скверны. Но однажды, возвратившись с утреннего омовения, он с ужасом обнаружил, что все его имущество бесследно исчезло. Старик трясущимися руками обыскал каждый уголок своего жилища, но ничего не нашел. Рамдас в течение многих лет служил махантом храма и обладал даром ясновидца, способного опознать вора, но здесь, среди десятков тысяч паломников, он был беспомощен. Убитый горем, Рамдас снова принялся за поиски. Солнце припекало. Пот ручьем струился по лицу Рамдаса. Священный город, куда он так стремился, теперь казался ему чужим и враждебным миром, где никому нельзя доверять и ни от кого не дождешься помощи. Храм, рядом с которым располагалась дхармашала, был полон молящихся, люди входили и выходили. Рамдас к каждому бросался с вопросом, но никто ничего не знал о его пожитках.

В довершение всех несчастий закрылась на десять дней якобы на ремонт бесплатная харчевня. Когда, прекратив поиски, совсем обессиленный Рамдас приплелся туда к завтраку, то обнаружил на ее дверях внушительный замок. Приближался великий праздник, и количество любителей даровой поживы росло не по дням, а по часам. Теперь народу в Бенаресе было в несколько раз больше обычного, и не оставалось ни одной харчевни, которую до поздней ночи не осаждали бы толпы садху¹⁰, шумливых и бестолковых, как стадо баранов. Богач-филантроп отнюдь не жаждал зарабатывать себе святость крупными тратами. Гораздо проще снискать громкую славу столпа веры, подкармливая только десяток брахманов, дабы они прославляли его благодеяния по всему священному городу.

К концу третьего дня Рамдас, прежде обеспеченный паломник, уже ничем не отличался от нищего, который просит милостыню на обочине дороги. Лицо

⁹ Ч а н д р а г р а х а н — праздник поволуния.

¹⁰ См. примеч. 7 к этому рассказу.

его осунулось и пожелтело, дышал он натужно и хрипло, как больной астмой, в животе от голода была нестерпимая резь. И надо же, чтобы в таком бедственном положении он потерял камандал — непременною принадлежность любого садху; присев на минутку, чтобы отдышаться, Рамдас поставил камандал рядом с собой на тротуар, а когда поднялся, чаши уже не было — она словно растворилась в воздухе. В священном же городе Бенаресе только обладатель камандала считается истинным садху. Каждый паломник с камандалом в руках может быть уверен, что не умрет голодной смертью: стоит только протянуть чашу за подаванием, как в нее что-нибудь да попадет, так как всякий верующий считает своим долгом помочь святому человеку. Но если просящий не вооружен камандалом, то в глазах людей он обыкновенный нищий-прошайка, каких на улицах Бенареса сотни, — на него никто не обратит внимания, а если он будет назойлив, то его и прогонят как бездомную собаку. Вот когда вернулись к Рамдасу воспоминания о деревне. Там заботились о своем наставнике и в изобилии снабжали его всем необходимым. Если бы он не погорячился, то не пришлось бы теперь подыхать с голоду. А если плюнуть на все и тихо-мирно возвратиться в родной храм? Но стоило Рамдасу на одну минуту представить себе, как будут злорадствовать эти подонки чамары, когда снова увидят его в храме, как он покрывался холодным потом. Нет-нет, все пути назад были отрезаны; видно, придется ему встретить свой последний час здесь, на священных камнях Бенареса. А если будет на то воля всевышнего — он не даст рабу своему погибнуть безвременно, если же отвратит господь свой лик от Рамдаса, то бранные останки бывшего маханты будут преданы водам священной Ганги...

Наконец пришел светлый праздник чандраграхан. Вечером многотысячная толпа паломников — мужчины и женщины, старики и дети, садху и просто нищие — с именем всевышнего на устах, нескончаемым потоком двинулась к Дешашвамедх-гхату. Не спуская глаз с этой пестрой людской массы, на обочине улицы стоял грязный и оборванный Рамдас со старой консервной

банкой в протянутой руке. Два дня назад ему подали лепешку и немного вареного гороху, и с тех пор у него во рту не было и маковой росинки. Никогда раньше за всю свою жизнь Рамдас не просил милостыни, но сейчас муки голода заставили его протянуть руку за подаванием. Вместе с толпой он медленно подвигался к Дешашвамедху. Достигнув гхата, паломники сходили к воде и, совершив омовение в Ганге, поднимались вверх по каменной лестнице, по пути раздавая дешевые сладости. Посередине гхата двумя рядами, спиной друг к другу, сидели нищие. Все это были прокаженные, уроды и калеки: у одного отвалились пальцы рук, у другого вместо губ была сплошная рана, у третьего все тело покрывали багровые струпья, из которых сочился гной... Раньше, проходя мимо этих людей, Рамдас с омерзением отворачивался и зажимал нос.

Сейчас же, преодолевая отвращение, Рамдас подошел поближе и стал внимательно наблюдать за ними. Сидевший на верхней ступеньке прокаженный, у которого не было пальцев на руках, бойко вертелся из стороны в сторону и совал свои култышки чуть ли не под нос паломникам. На расстеленной перед ним грязной тряпке возвышалась горка сладостей и поблескивало несколько медных монет.

При виде пищи Рамдас почувствовал, что робость, сковывавшая его, исчезает.

— Эй, добрый человек, — обратился он наконец к одному из паломников, дотронувшись до его рукава. — Я уже два дня ничего не ел, угости меня чем-нибудь.

Но тот, едва взглянув на Рамдаса, брезгливо отдернул локоть. Рамдаса даже в пот бросило, но, что поделаешь, голод заставил его вновь протянуть руку. Какая-то толстая бенгалка, за которой следовал слуга с подносом, полным сладостями, щедро оделяла ими каждого нищего, сидевшего на каменных ступенях. Рамдас, протиснувшись сквозь толпу, взмолился о помощи, но бенгалка, окинув его подозрительным взглядом, отвернулась и прошла мимо.

Тогда Рамдас сообразил: хорошее подавание получают только те пищие, которые не бродят среди толпы, а устроились на ступенях гхата. Конечно, он отнюдь не горел желанием сидеть вместе с ними. Даже

сейчас его едва не тошнило от отвращения, и решимости у него хватало только на то, чтобы смотреть на них. Перед каждым нищим уже высилась кучка сладостей. Все они восседали на своих местах с таким важным видом, словно ростовщики за конторкой. Глядя на их камандалы и корзинки, полные всяческой снеди, Рамдас испытывал чувство жгучей зависти.

Он уже не раз протягивал руку за подаванием, просил жалобным голосом, даже плакал, но так ничего и не получил. Наконец он выбился из сил и повернулся посмотреть, как дела у его удачливых конкурентов. К его удивлению, вторая от верха ступенька была пустой: может быть, хозяин ее уже ушел, а может, и вообще не появлялся. Ступенькой ниже сидел старик-прокаженный с совершенно лысой головой и перебинтованными ногами, еще ниже — женщина с провалившимся посом.

Рамдас, задыхаясь, почти бегом добрался до заветного места, торопливо стянул с плеч накидку и, сложив ее вдвое, расстелил на камнях лестницы. Однако не успел он еще расправить складки, как старик-прокаженный заметил его.

— Ты кто такой? Откуда взялся? — хрипло закричал оп на Рамдаса.

— В чем дело, почтенный, зачем кричишь? — миролюбиво ответил Рамдас. — Тут свободное место, вот я и хочу занять его.

Прокаженный угрожающе поднял палку.

— А ну убирайся отсюда, не то получишь по башке, сукин сын, чамар проклятый! Не видишь, что тут только одни брахманы сидят?

Рамдас поспешно уселся.

— Я тоже брахман, брат, — успокаивающе сказал он. — Самый настоящий брахман из рода Сарасват.

Однако это не произвело на прокаженного никакого впечатления. Размахивая палкой, он заорал во все горло, брызгая от ярости слюной:

— Брешешь, чамар проклятый! Это место для брахманов! Убирайся, не то башку расшибу! Ходит с консервной банкой... Тоже брахман нашелся!

Нищий так орал, что все прокаженные, сидевшие на нижних ступеньках, начали сползаться на шум, изрыгая грязные ругательства на голову бедного Рам-

даса. Привлеченные их криками, паломники останавливались, и редкий отходил, не отпустив по адресу непрошенного пришельца пару крепких слов. Цепко держа в руках консервную банку, Рамдас бросал затравленные взгляды то на иступленно вопящих прокаженных, то на злобные лица паломников.

Вконец отчаявшись, он взмолился:

— Смилуйтесь! Умираю от голода!..

На шум явились два добровольца¹¹ с палками в руках. С минуту один из них еще пытался разобраться в случившемся, но так ничего и не поняв в общем галдеже, схватил Рамдаса за шиворот, стащил его с места и так резко толкнул в шею, что бедняга не устоял на ногах и упал. Не в силах подняться, Рамдас лежал на теплых плитах каменной лестницы и с завистью смотрел на счастливчиков-прокаженных, которым по-прежнему сыпались щедрые подаяния. Он не мог понять, что здесь происходит? Неужели даже для того, чтобы просить милостыню на гхатах, обязательно иметь брахманский шнур? Он ведь брахман, такой же брахман, как все они, всю жизнь прослужил махантом в храме, — почему они гонят его, как собаку?

Над городом сгущались сумерки, и поток паломников тоже стал гуще. Отовсюду доносились громкие звуки панкхи¹² и пение молящихся. С трудом поднявшись, Рамдас побрел сам не зная куда. От слабости и пережитого потрясения у него дрожали колени.

У входа в узкий переулок он заметил небольшой храм, около которого несколько садху готовили ужин. При виде вареного риса Рамдас проглотил голодную слюну, и ноги сами собой понесли его к храму, но на полпути решимость изменила ему. Как бы и эти садху не посчитали его чамаром? Как может он доказать свое брахманское происхождение? Всю жизнь провел Рамдас в стенах такого же храма, и впервые ему было страшно приблизиться к его ступеням. Полными слез глазами он в последний раз взглянул на дымящиеся горки риса и медленно направился в другую сторону.

¹¹ Речь идет о гражданских лицах, которые помогают полиции в обеспечении порядка во время особенно большого наплыва паломников.

¹² П а н к х а — полая раковина морского моллюска; используется в Индии как музыкальный инструмент.

Ноги Рамдаса уже совсем отказывались идти, и темная пелена уже застилала ему глаза, когда он заметил длинную цепочку нищих, сидящих в два ряда прямо на тротуаре. На противоположном от Рамдаса конце цепочки, уходящей в переулок, раздавали милостыню. Боязливо оглядевшись, Рамдас попытался тихонько пристроиться к нищим. Все же его появление не осталось незамеченным. Увидев, что все смотрят на него, Рамдас дрожащим голосом взмолился:

— Я ведь тоже брахман, люди добрые! Я болен и очень голоден. Два дня во рту ни крошки не было. Если не поем, то помру. Смилуйтесь надо мной!

Один молодой нищий засмеялся:

— Иди сюда, почтенный брахман, не бойся, но только имей в виду, что сами мы не брахманы.

— А кто же вы, брат?

— Мы из низшей касты, а из какой, уж сам догадайся.

Облегченно вздохнув, Рамдас уселся поудобнее. Теперь он был твердо уверен, что отсюда его никто не прогонит и он получит то немногое, что записано для него в книге судеб.

Но сидеть спокойно Рамдас не мог. То и дело наклонялся вперед, вытягивая шею, заглядывал в край очереди, нетерпеливо дожидаясь, когда же, наконец, раздатчик дойдет до него... Но тот, израсходовав весь запас сладостей и лепешек, повернул обратно.

— Ты что же, так ничего и не получил, отец? — с жалостью в голосе спросил молодой нищий. — Нынче-то у всех корзинки полны... Можно угостить..

Рамдас благодарно взглянул на говорившего, и к горлу у него подкатился твердый комок, а глаза наполнились слезами.

— Возьмешь сладости, отец? У меня их много. Сам-то я сегодня до отвала наелся.

И неприкасаемый стал перекладывать сладости из своей сумки в консервную банку брахмана. Инстинктивная мысль об осквернении уколола Рамдаса, он съежился и отдернул руку с банкой.

— Ну ладно, если не хочешь — не бери, — снова рассмеялся молодой чамар, видимо, поняв его состояние. — Зачем же мне осквернять твою касту?

Рамдас хотел что-то сказать в ответ, но губы у него

вдруг задрожали, и рот судорожно глотнул воздух. Сдерживая слезы, он умоляющим взглядом посмотрел на нищего, низко опустил голову и покорно поставил перед ним свою консервную банку.

— У меня и лепешки есть, отец, — как ни в чем не бывало продолжал тот. — Положить тебе лепешку?

Слезы душили маханта Рамдаса. Не поднимая головы, он молча принялся за еду.

В эту ночь, когда Рамдас, подстелив свою накидку, улегся на тротуаре спать, чувства его были в полнейшем смятении. В один день рухнули те принципы, которых он неукоснительно придерживался всю свою жизнь, и, засыпая, Рамдас видел перед собой только две картины, сменявшие одна другую и каждый раз заставлявшие его вздрагивать: то прокаженных брахманов, злобно плюющих ему в лицо, то деревенских чамаров, врывающихся в храм.

КАМАЛЕШВАР

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ АЛЛАХАБАДЕ

Унылый нескладный город... Город, жизнь в котором движется со скоростью улитки: медленно, будто не выспавшись, надвигается утро, в глубоком безмолвии опускается ночь.

Таков он, этот город, имя которому — Аллахабад. Город, с которым у меня связано столько воспоминаний. И дым, стелющийся над городом, тем гуще, чем больше в этих воспоминаниях печали, боли и горечи. И сам город — словно остановившееся на миг да так и застывшее воспоминание.

Это город, чело которого испещрено глубокими морщинами, город, улицы которого, не успев как следует разбежаться, вдруг обрываются и замирают, словно замороженные... Впрочем, здесь все движется и все неподвижно — иными словами, все, что куда-то стремится, предстает взору присохшим к месту... С наступлением же вечера здесь, кажется, мертвеет сама жизнь...

На одном из центральных перекрестков слышится усиленное мегафоном: «Муниципалитет города Аллахабада, адрес — Наваб Юсуф-род, объявляет публичные

торги...» и дальше оглашается длинный список имущества — движимого и недвижимого, которое будет продано с молотка, и едва замолкает голос из мегафона, как с соседнего перекрестка прорывается приглушенная дробь барабана.

В густеющем мраке барабан заглушают раскаты веселого смеха. Это значит, что жизнь на Сивил-лайнз¹ переместилась из верховного и городского судов, из государственных и частных офисов и департаментов в местные кафе, где собираются сливки аллахабадской интеллектуальной элиты.

Вот одно такое кафе... Оставив велосипед на стоянке, люди не спеша проходят внутрь. У кого нет велосипеда, приезжают на рикше: словно стыдясь этого, они торопливо соскакивают с коляски и, сунув какую-то мелочь в протянутую ладонь, спешат побыстрее раствориться среди говорливых компаний, восседающих за столиками, а тем временем рикша, рассмотревший полученную монету, уже стоит у входа в кафе, объясняя выталкивающему его официанту:

— Да не вчера, а только что! Вместо шести ан, как договаривались, сунул мне чаванни², да и та вся погнутая. Такую же ни один торговец не возьмет!.. Передай ему, чтоб поменял! И я сразу уеду...

А в кафе уже развернулась жаркая дискуссия: за некоторыми столиками сидят жаждущие известности общественные деятели — все как на подбор в длинных белых рубашках и широких белых штанах из кхади, грубого домотканого рядна, — либо бывшие члены законодательного собрания штата, и, яростно жестикулируя, они ораторствуют, как на митинге:

— Дополнительные выборы ничего не изменят, друзья мои... Политический бандитизм не пройдет, народ теперь стал сознательный...

За столиками, что стоят в центре и вдоль стены, расположилась литературная элита — писатели и поэты; витийствуют они не менее самозабвенно, хотя и не так громко, как их соседи, сделавшие своим призванием политику.

Чем ближе к полуночи, тем жарче становятся спо-

¹ Сивил-лайнз — главная улица Аллахабада.

² Чаванни — монета достоинством в 4 аны.

ры, тем выше голоса: главная тема разговора — смысл искусства...

А из больницы, что расположена по соседству, — она называется «Дафферин-хоспитал» — доносится крик, и в дверях показывается убитый горем человек; в отчаянии заламывая руки, он прислоняется к столбу и бес- сильно сползает на землю:

— Под сердцем пятого носила... Умерла моя голуб-ка, отмучилась... Четверо осталось, мал мала меньше... Что же мне делать-то теперь?.. О господи! — и бедняга горько рыдает. Из операционной тем временем выносят мертвое тело и осторожно опускают на каменный пол веранды.

А в каком-то перенаселенном квартале, изнывая от жары и ворочаясь на жесткой подстилке, мужчина кладет руку на бедро лежащей рядом женщины.

— Жарко очень, — слышится ее усталый шепот.

— Ну и что?

Шорох и учащенное дыхание.

— Уф!.. Действительно жарко, — доносится немного погодя голос мужчины, а его жена принимается укачи- вать проснувшегося ребенка.

Мертвым сном спит человек, целый день простояв- ший на перекрестке с мегафоном...

Кафе постепенно пустеет, шум стихает... Лишь за одним столиком продолжается оживленная беседа:

— Для того чтобы обсудить все эти вопросы, необ- ходимо созвать симпозиум, ибо подобная вульгаризация задач литературы...

— Симпозиум ничего не даст. Нужна газета, кото- рая будет проводить одну линию и вносить ясность...

— А где взять деньги?

— Можно уговорить какого-нибудь издателя...

— А нельзя ли издавать на свои деньги?.. Сбросить- ся рупий по двадцать-тридцать...

— Можно, наверное...

— Готовь проект декларации. Завтра вечером обсу- дим.

— Уважаемые господа! Время закрывать! — умоля- ющим голосом говорит официант. Одна за другой гас- нут лампочки над столами. Замирают лопасти фен-ов. Наступает полная тишина.

Рассчитываясь каждый за себя, посетители нехотя

покидают кафе и тотчас растворяются во тьме улицы, названной именем Махатмы Ганди.

Улица эта, ровная как стрела, тянется от вокзала до того места, которое известно всей Индии, до Сангама³.

Улица Ганди находится близ Сивил-лайнз. Здесь, совсем рядом с известным фешенебельным кафе «Ног-бар» — дешевая забегаловка, двери которой то и дело распахиваются, впуская или выпуская очередного посетителя, которым чаще всего оказывается молодой человек из числа тех, кто, хватив для храбрости пару порций виски, фланирует по Сивил-лайнз, беспечно хрустя на ходу жареными орешками.

Если вам случится зайти в это заведение, хозяин как бы вскользь, но не без гордости заметит, что здесь, у своей стойки, он видел многих — очень многих! — из тех, кто сейчас стали большими людьми, и вид у него будет при этом чрезвычайно значительный.

Слева и справа от входа в забегаловку — старые высохшие кусты, когда-то ограждавшие роскошные клумбы. По пустой улице изредка проходит кто-нибудь, беззаботно насвистывая мелодию из нового фильма. Неторопливо катит домой на своем велосипеде рабочий государственной типографии. На углу у кинотеатра «Пэллас» он соскакивает с велосипеда и, щелкнув пальцами, громко зовет мальчишку-разносчика:

— Эй, ну-ка принеси мне чашку чая!

Пока публика занята фильмом, контролеры «Пэлласа» собираются у лавки торговца бетелем, чтобы на досуге сосчитать билеты. Кто-то, ухмыльнувшись, роняет: «Нынче опять приходила... Страшненькая она у тебя все-таки, брат...»

В переулке, что около кинотеатра, всегда царит оживление. Здесь сплошные ряды лавчонок, где можно угоститься бетелем и чаем, и дешевые харчевни, куда с наступлением темноты из разных концов города тянутся бездомные, чтобы перекусить и скоротать ночь.

В это время суток на Сивил-лайнз стоит тишина. Кажется, будто все вокруг свалилось от усталости и лежит неподвижно, отдыхая и набираясь сил, и будто прямая, как стрела, улица Махатмы Ганди, уже не в

³ Сангам — место слияния рек Ганга и Джампы; объект паломничества. Омовение в водах Сангама считается индуистами величайшей религиозной заслугой.

состоянии нести свою путеводную миссию, рухнула на землю и забылась тяжелым сном — только кое-где каплями расплавленного золота переливаются огоньки редких неоновых ламп. А внизу, в тени густых развесистых крон, скопилась легкая, как флер, невесомая темнота...

В безмолвие ночи только изредка вторгается ленивый перестук колотушек: это вступает в действие своеобразная система сигналов, которыми обмениваются сторожа-гуркхи⁴, охраняющие фешенебельные магазины с зеркальными витринами. И этот перестук — словно печальная мелодия, которая разносится далеко-далеко в загустевшем ночном воздухе...

На перекрестке вырисовывается слабо освещенное здание ресторана «Рамаз». У входа — два-три велорикши, поджидающие пассажиров. В помещении стоит какой-то болезненный полумрак, в котором бесшумно скользят среди столиков подвыпившие официанты.

Их лица знакомы мне. Эти же официанты были здесь и десять лет назад. И всякий раз они встречали тебя как старого знакомого... Бывало, едва усядешься за столик — официант уже тут как тут, склоняется с любезной улыбкой и, записав заказ, учтиво спрашивает: «В каком городе теперь господин изволит служить?»

И в ответ слышит название какого-то крупного города.

— Как вы думаете, саб⁵, для меня там, верно, тоже дело найдется? — непременно поинтересуется он, осторожно вытирая стол.

— А что здесь? Какие-нибудь неприятности?

— Нет, саб, у нас без перемен, — со вздохом сообщает официант, словно жалуясь на свою неспособность что-либо изменить, и важно удаляется.

Вместе с официантами вспоминаются и те столики, которые были здесь десять лет назад, и то, как они были расставлены... Один безмерно трудный для меня вечер — это было восемь лет назад — я провел вон за тем столиком, в самом углу... Там еще стоял тогда гор-

⁴ Гуркхи — горцы Непала, известные своими высокими воинскими качествами; во времена английского господства составляли значительную часть колониальной армии.

⁵ Саб — искаженная форма от сахаб, сахиб — «господин»; вежливое обращение, употребляемое обычно прислугой.

шок с кактусом... И занавески шуршат точно так же, как шуршали тогда...

На лицах официантов можно без труда прочесть выражение гордости: ведь они обслуживают тех самых сахабов, которые когда-то учились здесь в университете, а теперь стали большими людьми и служат далеко отсюда, в городах не чета Аллахабаду.

Подтянув колени к подбородку, на сиденье коляски спит рикша, ожидая загулявшего седока, — подошедший полицейский бесцеремонно тычет палкой в живот спящему: «Эй ты, вставай! Вези до участка!»

— У меня пассажир в ресторане, хозяин...

— Вези, говорят! Я тебе дам «пассажир»!

Сопя, полицейский плюхается на сиденье, и коляска, поскрипывая несмазанной цепью, медленно катит в направлении полицейского участка... Вот знакомый пятачок у кинотеатра, известного в наши времена под названием «Риджент», а потом переименованного в «Плаза». По вечерам здесь при свете газовых фонарей всегда толкуются мелкие лавочники в ожидании перерыва между сеансами, когда можно заработать несколько пайс на бетеле, бири или чашке шербета: весь этот немудреный товар разложен прямо на земле под грубо размалеванными навесами... Как только объявляется перерыв, на пятачке начинается настоящее столпотворение: все мечутся, орут, расхваливая свой товар: «Soda water! Lemon juice!»⁶ К счастью, все это длится не более двух-трех минут, потом жизнь вновь входит в свое обычное русло.

За столиками, расставленными на лужайке между унылых кустов, пьют пиво, а из бильярдной доносятся голоса и стук шаров... Из соседней комнаты, где царит приятный полумрак, слышны приглушенные звуки музыки — вход сюда доступен не всякому.

И здесь, кажется, ничего не изменилось: те же сделанные из железа столы и стулья. Как и прежде, среди них несколько легких плетеных кресел. Та же слегка выцветшая вывеска, тот же пряный запах лавзонии, что и в прежние годы...

Те же самые вытянувшиеся строем вдоль тротуара деревья семаль, залитые в ночную пору серебристым

⁶ Содовая вода! Лимонный сок! (англ.).

светом луны, и та же пугающая темень в густых кронах имли.

На наполненных тишиной пустынных улицах словно притаились воспоминания. Многим, очень многим помогли, многим дали утешение эти хранящие какое-то тайное очарование улицы ночного Аллахабада. И у меня самого не раз становилось легче на сердце после бессонной ночи, проведенной среди исцеляющего душу безмолвия большого города.

Одна из таких улиц, то спускаясь в низину, то взбираясь на пригорок, благополучно минуя по пути полицейский участок, приводит в знаменитый квартал Катра... Здание суда, опоясанное широкой верандой с колоннами, на которой обычно адвокаты встречаются со своими клиентами. Сейчас на ветхих засаленных диванчиках, где днем, окруженные просителями, восседают адвокаты и прочие судейские, спят те, у кого нет крыши над головой. Напротив — церковь... и рядом с нею — хибарки бедняков-христиан.

Пока идешь по этой улице до квартала Катра, все время пахнет конским потом и свежим сеном... А на перекрестке вы непременно встретите тех, кто являет собой весьма колоритную достопримечательность Аллахабада, — сидящих прямо на тротуаре коренастых молодцов в узких набедренных повязках и белых трикотажных рубашках с короткими рукавами. Даже полицейский приветствует их почтительным «джай рам»⁷, а сами они не пропускают ни одного прохожего, чтобы не сказать ему «кас гуру»⁸. Грубые на вид, эти люди необычайно церемонны; кажется, они — воплощенное смирение, но не приведи бог тронуть их!

К ним бегут с жалобами:

— Отец, в нашей округе творится беззаконие, вашим судом пренебрегают...

— Успокойся, почтенный, успокойся! Рассказывай по порядку, — одной рукой поправляя набедренную повязку, а пальцем другой ковыряя в ухе, ровным голосом говорит самозванный страж порядка.

⁷ Джай рам (*хинди*) — «Слава Раме!», приветствие, которым обычно обмениваются индусы, поклоняющиеся Раме, одному из воплощений бога Вишну (см. примеч. 2 к рассказу Бхипама Сахни «Ревнитель древней веры»).

⁸ Кас гуру (*хинди*) — «Слава всевышнему!»

— Сейчас, отец, сейчас, дай отдышаться... Значит, так... Жена моя прожила со мной месяц и по обычаю поехала навестить родителей. И вот уж целый год миновал, четыре раза я ей возвращаться приказывал, а папаша, тесть мой, значит, не пускает ее, не пускает — и точка. Я к нему добром: «Что ж ты, мол, делаешь», а он знает лается.

— Твой тесть живет в том доме, что рядом с баньяном? Знаю, знаю... Булаки звать его, Булаки, знаю... А сама-то жена хочет к тебе вернуться? Тут ведь все от женщины зависит, брат, только от нее... Если она согласна с тобой жить, а он не пускает, то мы этого подлеца Булаки живо к порядку призовем...

— Да она б если могла, сегодня бы и вернулась...

— Раз так, зови сюда подлеца Булаки... Я сам поговорю с ним.

И уже через минуту конфликт улажен: крепкое словцо, а при необходимости и тяжелый кулак делают свое дело. А если тот, на кого жалуются, посмеет ослушаться, песенка его спета, — и такое здесь не редкость, хотя за это полагается пожизненная каторга или — еще хуже — петля.

На перекрестке, что по пути от Мур-колледжа к университету, стоят, задрав оглобли, ручные тележки, похожие в темноте на орудия с наведенными на небо стволами. На тележках мертвым сном спят те, кто весь день — от зари до зари — перевозит на них грузы. Закончив свой адский труд и наскоро поев жареной муки с перцем, они забираются в тележки и тут же засыпают — вдали от дома, под открытым небом. Но в дождь или в холодное время тележка — плохая защита, и тогда коротают они ночь на дощатом полу под навесом какой-нибудь лавки.

А там, дальше, ярко светятся окна университетских общежитий. Их здания — одни повыше, другие пониже — можно безошибочно угадать издали... Общежития Аллахабадского университета — словно символы той могучей традиции, которую до сих пор свято хранят в его стенах. Основы ее еще в прошлом веке заложили наши великие предшественники Ганганатх Джха, Амарнатх Джха и доктор Тараchand⁹.

⁹ Индийские просветители, с именами которых связано создание Аллахабадского университета в 1857 г.

Серыми лентами обвивают университет аллею... Они навсегда останутся в памяти тех, кто здесь учился. Да они и сами помнят те славные клятвы, которым не раз внимали в молчании. С боков их обрамляют стройные ряды деревьев: гульмухара и амальтаса. Каждую весну гульмухар пламенеет от усыпавших его крошу цветов — пурпурных, как синдур¹⁰, а его сосед — амальтас словно облачается в желтое свадебное сари... Потом нежно-желтые соцветия амальтаса и ярко-алые — гульмухара увядают и осыпаются. Ветер гоняет повсюду остатки того, что лишь недавно было праздничным нарядом, и на опустевших аллеях, подобно огромным серым цаплям, проносятся пыльные вихри, сметая жухлую листву и почерневшие лепестки.

И кто-то в темноте ночи приходит сюда, чтобы воскресить в памяти давно минувшие дни. Тяжел и задумчиво-нетороплив его шаг... Да, да, это тот самый человек, который лет десять назад выделялся своей энергией и жизнелюбием, — сейчас он кажется изношенным и ко всему безразличным...

— Это вы?!

— Да, я.

— Как же вы оказались здесь?

Он сдержанно улыбается:

— Возвращаюсь из кино. Не нашел рикиши, вот и иду пешком.

Я знаю: он говорит неправду, — хотя я не могу сказать, какие именно воспоминания привели его сюда, но, как видно, они были так сильны, что противостоять им оказалось невозможным.

На этих аллеях рушились многие юношеские мечты и рассеивались сладостные грезы... Ведь Аллахабаду не суждено выйти за пределы предначертанного — этот город неукоснительно блюдет обычаи, уходящие в глубь веков, и боится сделать даже один новый шаг.

Вот парк Компании¹⁰ — подлинный памятник тому времени, когда Индией правила британская корона... Высокие величественные деревья, густые клумбы

¹⁰ Синдур — пятнышко, наносимое киноварью на лоб замужней женщины.

^{10a} Парк разбит англичанами и назван в честь Ост-Индской компании, в течение многих лет руководившей колониальным порабощением Индии.

и ласкающие глаз свежей зеленью лужайки... Но если человек устал и хочет на минуту прилечь на скамейку, откуда-то словно из-под земли вырастает полицейский и с места в карьер начинает орать:

— Дома своего, что ли, нет? Поспать ему вздумалось! Развалился... А ну-ка поднимайся и проваливай, пока цел!

Приходят сюда и молодые люди, которым осточертели родительские стены, ищут душевного покоя... Да, жизнь — не мед! Все есть в Аллахабаде, а работы не найти. А кто-нибудь, прослышав, что в большом городе все есть, явился сюда за своим счастьем... Явиться-то явился, а дальше что? С пустым желудком долго не протянешь. Здесь даже те, кто имеет работу, не всегда сводят концы с концами.

Аллахабад — это медленно умирающий город, в котором царят отчаяние и безнадежность. В дневное время жизнь еще теплится в нем, а ночи остаются для душевных терзаний и запоздалого раскаяния. И когда на город опускаются сумерки, кто-то из навсегда утративших надежду бредет к железнодорожному мосту через Гангу либо в Минто-баг¹¹ — и это последний путь, перед тем как свести счеты с опостылевшей жизнью...

Однако если свернуть с этой улицы и идти в сторону Чоука мимо офицерского училища, то взору откроется совсем другая жизнь. В просторном зале училища часов до двух ночи усердно занимаются энтузиасты из любительского драмкружка. В перерывах они выходят во двор, и до прохожих доносится чей-то озабоченный голос: видимо, это руководитель.

— У нас еще старый счет не оплачен — за электричество и лавочнику за чай... И теперь снова деньги нужны... Трудновато будет на сей раз, трудновато.

— А ты бери плату за входные билеты. Иначе нам не выкрутиться. Разве не так?

— Так-то оно, конечно, так, да ведь каждый на дармовщинку норозит пролезть, все за бесплатными пропусками охотятся.

Это, пожалуй, единственное во всем городе место,

¹¹ Минто-баг — парк на берегу реки Джамны.

где ощущается какое-то подобие культурной жизни. Здесь маленькие группы энтузиастов разучивают и на свой страх и риск ставят спектакли. При этом они по уши залезают в долги, и, когда такой кружок прекращает существование, — что происходит, как правило, очень скоро, — все те, кто сдавал ему в аренду зал, поставлял реквизит и кресла, поил чаем, обеспечивал электроэнергией, буквально сбиваются с ног, чтобы отыскать незадачливых артистов и получить с них компенсацию за понесенные расходы. Но тут возникает новый драмкружок — и все начинается сначала: являются те же самые кредиторы, включая хозяина чайной лавки, и в один голос заверяют:

— Все будет в порядке, молодые люди, в полном порядке! Если мы не поможем, то кто поможет?.. Деньги?.. О деньгах не беспокойтесь... Пейте чай, закусывайте!..

Снова даются представления, снова растут долги, и снова кредиторы гоняются за своими жертвами, а через пару недель рождается очередной кружок энтузиастов театрального искусства — и опять вертится карусель. От этих стихийно возникающих и бесследно исчезающих любительских трупп остаются потом только смутные воспоминания да цифры долгов в бухгалтерских книгах.

Если отсюда проследовать дальше в сторону Чоука, на перекрестках можно увидеть островерхие деревянные лавчонки, где торгуют бетелем и пряностями: там, где сейчас сидит хозяин, раньше сидели его отец, его дед, его прадед... Семьи их, как и прежде, ютятся в задних комнатах, а сама лавка, несмотря на всю свою неказистость, стоит непоколебимо как скала...

Возле угольных складов, что возведены у подъездных путей рядом с электростанцией, виднеются какие-то черные, издали похожие на бхутов фигурки... Это рабочие разгружают вагоны с углем, к утру надо управиться, — и вот они как на невидимых шарнирах снуют безостановочно туда и обратно. В свете керосиновых фонарей их черные от угольной пыли тела производят жуткое впечатление. Кажется, что это не живые существа, а части какого-то дьявольского механизма. А все объясняется просто — эти люди пришли в город, чтобы подработать, чтобы хоть как-то прокормить свои

оставшиеся в деревне семьи, теперь они изматывают себя непосильным, поглощающим дни и ночи трудом и рано или поздно погибают от лихорадки или пневмонии.

Спустившись по откосу, оказываешься у кинотеатра «Ранджан», где у лавок, торгующих бетелем, можно встретить местных щеголей. Рубаха из тончайшего муслина, на шее черный шнурок, надменный взгляд... Они появляются на улицах города только ночью... Здесь более всего ценят силу, и вот, подойдя к какой-нибудь лавчонке, владелец которой днем выглядит таким воплощением радушия и сердечности, компания юнцов заводит разговор об условиях предстоящего сражения:

— Здорово, хозяин! Передай своему Рагхувиру: если не струсил, пусть приходит в лесок на берегу Джамны... Завтра в полдень... И пусть зовет с собой всех своих дружков! Потолкуем... Узнает, как задираться!

В ответ звучит отборное ругательство. Не скупясь на крепкие словечки, стороны договариваются о времени и месте встречи. Вызов принят, и в полном соответствии с достигнутой договоренностью доблестные дружины от двух враждующих кварталов выходят на поле брани, дабы стяжать славу сильнейших. И драка начинается. Дерутся безжалостно, бьют всем, что попадает под руку, — пострадавших отправляют в больницу. Так решается, чья банда будет господствовать на Чоуке.

Тут и там видны коляски рикш. Намотавшись за ночь, рикши, чтобы подкрепить силы, забегают в подпольный кабачок — он тут рядом, в переулке, — пропустить рюмку-другую самогона, а потом останавливаются почесать язык с женщиной средних лет, которая сидит у входа и печет пакори¹². Эта отбреет кого угодно: на своем веку всякого повидала...

— Эй, невестушка! — окликает ее какой-то дюжий рикша. — Как ты насчет глоточка-то?.. Оно ведь хорошо: сначала — глоточек, потом — пакори...

Не говоря ни слова, женщина беззастенчиво оглядывает его с головы до ног и чуть заметно улыбается.

Двое полицейских плюхаются на сиденье коляски.

¹² П а к о р и — местные сладости, которые делают из сдобного теста и сахара.

— Эй, ты! Поехали! — приказывает одип. — На Лидар-род! Да поживей! Черт бы побрал эти ночные дежурства!

— Ноги совсем уж не ходят, хозяин... — плаксивым голосом начинает рикша, но полицейский грозно прикрикивает на него. Рикша покорно забирается на свое место, нажимает на педали, и коляска, подсакивая на выбоинах, медленно катится в сторону Лидар-род.

Не знаю, как в других городах, — в Аллахабаде дежурные полицейские раскатывают по ночам на вело-рикшах. И беда рикше, который попадет в такой переплет: ломаного гроша не заработаешь, глаз ни на мину-ту не сомкнешь.

Улица, ведущая к Чоуку, пустынна. Оживленно только в мусульманских харчевнях и чайных, на стенах которых крупными буквами написано: «Дискуссии на политические темы запрещаются!» У входа стоят большие котлы, а чуть ниже, в канаве, собаки, сердито урча, грызут кости... На скамье у одной из харчевен сидит сказитель и неторопливо ведет рассказ:

— А радже Акбару¹³ в ту пору занемогилось. И говорит он тогда визирю своему Бирбалу¹⁴: «Распусти, дескать, дарбар»¹⁵... Царица ушла на качелях кататься, а бадшах оправился немного и поскакал на охоту. Наступил вечер, царица и спрашивает своих служанок: «Ну как, баня готова?» — «Давно готова, госпожа!» — отвечают служанки. Отправилась царица в баню: четыре служанки впереди, четыре — позади... А в бане той фонтаны бьют, и каждая струя имеет свой запах: одна струя — розовой воды, другая — жасминной, а третья — настоенная на цветах чампы... Служанки сняли с госпожи блузку, шальвары и все прочее... Осталась на ней только узкая шелковая повязка — прикрывает одно место, — и в это самое время бадшах...

Такие истории звучат здесь каждую ночь. Что ни почь, то и история новая, и рассказывается по-новому. Платить сказителю здесь не принято, — кормят, и на

¹³ Акбар — император из династии Великих Моголов, правил с 1556 по 1605 г.

¹⁴ Бирбал — визирь Акбара, герой множества веселых историй и анекдотов, прославленный остроумием и находчивостью.

¹⁵ Д а р б а р — царский прием.

том спасибо: тарелка риса с маслом, два куска жареного мяса, четыре пресных лепешки чапати и пиала крепкого чая... Изредка кое-что и сверх того перепадает, но, как бы там ни было, сказитель всегда сыт — и это главное. Более ничем ему здесь помочь не могут. А в четыре утра, когда слушатели начинают, наконец, расходиться, сказитель отправляется к жестянщику Ниямат-мияну, который делает на продажу железные сундуки, и укладывается спать рядом с козами на плоской крыше его дома.

Говорят, будто его сожительницей была какая-то женщина из тех, что ночью выходят на панель и за полрупины готовы переспать с кем угодно, и будто, когда утром она приходила, еле волоча от усталости ноги, он бил ее смертным боем, а она будто кричала ему: «А на что же еще я тебя кормить буду, скажи ты мне!»

Говорят еще, будто женщина та померла от дурной болезни, но ее страшная, мучительная смерть оказалась бессильной уберечь от панели других... И до самого утра близ цитадели действует настоящий рынок, где любой желающий может по дешевке купить на ночь женское тело. На ржавом гвозде, вбитом в глинобитную стену мазанки, приютившейся где-нибудь в грязном и вонючем переулке, висит тусклый фонарь, и у входа, прикрывая от света густо напудренное лицо с ярко намазанными губами, сидят женщины... Сточные канавы кипят червями, и ночь напролет, точно бездомные собаки, рыскают какие-то безликие мужские фигуры...

Из-за грязных циновок, которыми завешены окна и двери, то и дело доносятся грубая брань, пьяный хохот и визг... Это очередной «гость» колошматит свою «подругу». Потом все замолкает, и, нетвердо ступая, в дверях показывается мужская фигура:

— У-у, с-сука!

А совсем рядышком, на Гранд-транк-род, возвышается храм Христа-спасителя, где с раннего утра звучат слова о святой жизни...

От старых деревьев ним темнота словно отступает. Они — немногие оставшиеся в живых очевидцы кровавых событий 1857 года¹⁶: на этих деревьях вешали пов-

¹⁶ Имеется в виду жестокая расправа, которую учинили британские колониальные войска в Аллахабаде во время великого народного восстания 1857—1859 гг.

станцев — и сколько их было повешено, сейчас никому не дано узнать.

А рядом с этим священным для индийцев местом находится Миргандж-квартал, известный не только в Аллахабаде, но и далеко за его пределами. Здесь на каждом шагу встречаешь людей с гирляндами из живых цветов на шее. Ведущие непонятно куда темные лестницы, завешенные плотной тканью двери... а сверху, из раскрытых настежь окон, выходящих прямо на веранду, льются звуки музыки и песен. Любители сигарет с марихуаной, придерживая концы дхоти, неторопливо поднимаются по ступеням на второй этаж.

Досматривает последние сны человек, который днем говорил в мегафон на перекрестке...

А над бедняцким поселком, что на берегу Джамны неподалеку от Балуа-гхата, шумит проливной дождь. С потолков крохотных мазанок каплет, внутри мокро и сыро, а люди — мужчины и женщины, старики и дети — копошатся, словно черви, стараясь выбрать местечко посуше. Распластавшись на земляном, чавкающем, точно болото, полу, одна женщина родила в полночь сына. Новорожденный перепачкан грязью, сама роженица валяется без сознания... А муж где? Он среди тех черных, обливающихся потом бхутов, что разгружают уголь на железнодорожных складах...

Рано утром, прижимая крохотное тельце к груди, эта женщина отправится на работу — месить глину на улице Данвера, и пока мать трудится, дитя будет лежать в наскоро сколоченной люльке, подвешенной к ветке дерева, что стоит на обочине. И, стараясь не попадаться на глаза тхекедару¹⁷, мать будет много раз бегать к ребенку, чтобы покормить его грудью.

В тот самый момент, когда она выйдет из своей лачуги, человек, который стоял с мегафоном на перекрестке, все еще досматривает последние сны.

А на железнодорожной станции подручные местных пандэ¹⁸ — знаменитых брахманов из Праяг-раджа — бу-

¹⁷ Тхекедар — подрядчик.

¹⁸ Пандэ — брахманская каста, члены которой регистрируют паломников, приходящих совершать омовение, и руководят очистительной церемонией. Потомки каждого паломника обязаны обращаться к представителям одной и той же семьи пандэ.

дут усердно обрабатывать вновь прибывших паломников, тыча под нос каждому из них длинные-предлинные списки:

— Так вы, значит, торговец Хардварилал. А отца вашего звали Банварилал, деда — Ишварилал, прадеда — Сундарилал. Местожителство — округ Чхапра. В таком-то и таком-то году по летосчислению самват в ночь полнолуния в месяце магх¹⁹ ваш дед совершил омовение на Тривени²⁰, после чего выполнил обряд годан²¹ и устроил угощение для пятидесяти одного брахмана. Проходите, пожалуйста, дорогой джаджман²²...

Лицо клиента расплывается в довольной улыбке, и, пабившись в старенькие тонги²³, паломники по Нивейтрод направляются к кварталу Дарагандж, чтобы исполнить, наконец, заветное желание — совершить омовение в Ганге.

Квартал этот знаменит тем, что все дома здесь старые и живут в них наследственные пандэ, а также наиболее крикливые и падкие на рекламу члены пишущей братии. Днем они заняты торговлей, а ночью — сочинением эпических поэм...

Здесь же, в узком переулке, бок о бок с ними жил, однако, и великий Нирала²⁴... Его тяжелая поступь до сих пор, кажется, сотрясает брусчатку, которой вымощен переулок.

А дальше, за сбегаящим к воде пологим откосом, на песчаном ложе посреди темнеющих берегов, отблескивая в лунном свете серебром, будто остро отточенный клинок, играют волны Ганги. Она словно одна рука Аллахабада, другая его рука — Джамна. В месте их слияния рыбаки лунной ночью забрасывают сети. Оттуда, словно скользя по легкой зыби, летит песня: «Ганга с

¹⁹ Магх — месяц индийского календаря (самват), который соответствует периоду от середины января до середины февраля.

²⁰ Тривени — согласно мифам, в районе древнего Праяга (т. е. Аллахабада) с Гангом и Джамной сливается невидимая река Сарасвати, текущая под землей, ибо она прячется от злых демонов. Место слияния Ганги и Джампы именуется постому Тривенц — «три реки».

²¹ Годан — обряд дарения коровы брахману.

²² Джаджман — наследственный клиент пандэ.

²³ Тонга — конная двуколка для перевозки пассажиров.

²⁴ Нирала, Сурьякант Трипатхи (1896—1961) — выдающийся поэт хинди.

Джамною сливаются...» А на берегу, на мокром песке сидит жена рыбака и терпеливо ждет, пока он не вернется.

Ночь уже почти на исходе.

По железнодорожному мосту через Джамну, громахая, проносится состав. И снова воцаряется тишина. В строгом безмолвии застыло здание Ирвин-крисчиан-колледжа. Размеренно бьют часы на башне... Как знаком мне этот звук! Вымощенные камнем улицы и бетонная скамья под деревом на обочине. Воздух вокруг словно наполняется давно забытым ароматом, и, пронизав бесчисленные стены и расстояния, передо мной вновь сияют два глаза, как и тогда, полные слез. О боже...

До рассвета осталось совсем немного. Тишина. Звезды одна за другой тонут в пучине угольно-черного неба. Мечутся обрывки воспоминаний. Все реже и реже всплывают в памяти полные слез глаза, истомившиеся в ожидании. Стремительно летят годы, одно поколение сменяется другим, но не меняется этот город — поборник старины. Не меняются ни его нравы; ни его традиции.

Жителям снятся последние, самые причудливые сны. Лишь из одной комнаты пробивается слабый, словно больной, свет: это начинающий поэт мучается в поисках вечной истины. Интеллектуалы делают вид, будто нашли новые ценности, но в действительности они открыли для себя лишь бессмысленность и отчаяние. Их мир — это мир страшных кошмаров, подобный бездонному колодцу, стоя над которым, они вызывают к свидетелям их мучений, а в ответ лишь эхо доносится до них из черной глубины. Находящийся за пределами колодца реальный мир недоступен им.

...В доме какого-то пандэ произошло убийство...

Тьмой окутаны уютные коттеджи поверенных и адвокатов в Джордж-тауне. Утром, пробужденные звоном пайсы, они отправятся в верховный суд и станут ожесточенно сражаться в словесных турнирах.

Ночь близится к концу.

Люди видят сны о том, что с наступлением утра жизнь изменится, будет совсем не такой, как вчера, что все они обретут счастье...

Крепким сном спят писатели и поэты на мягких ложах из книг, которым уже не хватает места на пол-

ках. После напряженного творческого труда им, беднягам, тоже нужен отдых.

А на складах рабочие по-прежнему разгружают уголь, рыбаки снова забрасывают сети, рикша возит в коляске полицейского... Голодный старик рассказывает были и небылицы в надежде получить тарелку плова... Дав жизнь ребенку, валяется без сознания роженица. В больничном морге лежит зачоченевший труп, а в квартале Гунджар какой-то горожанин, изнывая от жары, ворчит: «Уф-ф, ну и духота!» Из узкого грязного переулочка, еле держась на ногах, выбирается пьяный и, сплюнув, бормочет: «У-у, с-сука!»

Темные руки каждой следующей ночи будут все крепче сжимать этот умирающий город. И дышать ему будет все тяжелей.

Все никак не проснется человек, который днем стоял с мегафоном на перекрестке. А когда встанет, то вновь начнет: «Муниципалитет города Аллахабада, адрес...»

Паломники потянутся к Ганге — совершать омовение, клерки заспешат в свои офисы, а местные писатели и поэты, с утра обосновавшись в кафе, будут вести бесконечные дискуссии о будущем человечества.

УПЕНДРАНАТХ АШК

ЧУМАЗЫЕ САХИБЫ

Выйдя из особняка главного судьи, Шривастав взглянул на часы. Было ровно восемь. Впереди еще целый час. Слуга сказал, что судья вернется в девять. За это время можно съездить к Гаджапану, поделиться с ним радостью: вот и я теперь в Аллахабаде. Шривастав всегда старался следовать правилу: «Одним махом — два дела». Когда представлялся случай одним махом сделать не два, а сразу четыре дела, он не упускал и такой возможности. Этим и объяснялось его быстрое продвижение по службе. Начав с должности, где платили каких-то жалких тридцать-сорок рупий, Шривастав всего лишь за семь лет дослужился до чина заместителя коллектора¹. Но и это еще не все. Благодаря

¹ Коллектор — глава административной и судебной власти в пределах округа.

своей энергии и связям он ловко избежал назначения куда-нибудь в захолустье и получил должность в Аллахабаде. Прибыл он сюда только сегодня рано утром и сразу же поспешил нанести визит своему здешнему начальству. Однако главного судьи он дома не застал — тот с самого утра отправился засвидетельствовать свое почтение министру, прибывшему из Лакхнау. Поэтому у Шриваставы и оказался целый час свободного времени. Гаджанан, его друг детства, преподавал в университете и жил там же неподалеку, в Эленгандже. Сейчас Гаджанан, вероятно, дома, подумал Шривастав и решил, не теряя времени, съездить к другу.

Он миновал здание суда, вышел на улицу и остановился. Придет день, когда он и сам будет главным судьей! При этой мысли Шривастав гордо выпрямился, поправил жестко накрахмаленный воротничок, затем обеими руками осторожно одернул тщательно отглаженную модную рубашку навыпуск. Как раз в этот момент он увидел, что вдоль колоннады здания к нему направляются два велорикши на своих колясках. Похоже было, что они переругиваются между собой: оба, видимо, хотели заполучить седока.

— Эй, рикша! — окликнул Шривастав. Голос его звучал повелительно, с той особой интонацией, какая бывает только у важных господ.

В мгновение ока оба рикши оказались возле него.

— Извольте садиться, господин! — одновременно выкрикнули они.

— Платить буду по часам. Согласны?

— А куда ехать? — спросил первый рикша.

— Куда скажу, туда и повезешь.

— А сколько за час?

— Это уж как сторгуемся.

— Рупию дадите?

— Нет, дорого. Десять ан! Больше не дам.

— Ко мне садитесь, господин! Пожалуйте ко мне! — закричал второй рикша с тем радушием, какое можно встретить, пожалуй, только в Лакхнау.

— Ну-ну! Вези, коли хочется! — проворчал первый.

Шривастав подождал, когда рикша подвел свою коляску поближе, и легко вскочил в нее. Он подпернул брюки на коленях, чтобы сохранить складку, аккуратно приподнял полы рубашки и уселся на самый кра-

шек сиденья, не прислоняясь к спинке. Явиться к новому начальству в измятой рубашке было бы неприлично, и он старался сохранить свой безукоризненный внешний вид. Поза его была такая напряженная и неестественная, словно он только что представился главному судье и теперь сидел перед ним весь исполненный почтительного внимания и в то же время сохраняющий чувство собственного достоинства.

Рикша был одет в солдатскую форму цвета хаки, еще не слишком замызанную. Да и вообще он не походил на обычного рикшу.

В Аллахабаде большинство рикш — крестьяне, пришедшие на заработки. В те месяцы, когда основные полевые работы заканчиваются и наступает передышка, жители близлежащих деревень натягивают на свои мускулистые тела узкие жилетки из домотканого холста, облачаются в набедренные повязки, что поновее, и устремляются в город, прихватив с собой ровно столько еды, чтобы хватило один раз поесть. За день они добираются до Аллахабада, берут напрокат коляску, а потом на деньги, полученные с седоков, покупают себе еду — порцию ячменной муки. У многих уличных торговцев бетелем на прилавках рядом с их обычным товаром — листьями бетеля, сигаретами и бири — выставлены подносы с ячменной мукой специально для рикш из деревни. Высокие пирамиды этой муки бывают раскрашены зелеными стручками жгучего перца. Когда у рикши выдается свободная минута, он подъезжает к такой лавочке, покупает сер или половину сера муки, тут же на жестяной тарелке замешивает из нее тесто, раскатывает на ладонях шарики и глотает их, закусывая перцем, а покончив с едой, идет попить к ближайшей водопроводной колонке.

Рассказывают, будто шакалы, когда им приходит пора умирать, бегут в город. Нечто похожее происходит и с этими крестьянами. Когда рикша целыми днями, а случается и сутками, крутит педали своей коляски, чтобы побольше заработать, а потом, вернувшись в деревню, сразу уплачивает земельную аренду за целый год, это наверняка значит, что в его легких поселилась чахотка.

Другая категория рикш — это рабочие из самого Аллахабада, которые после второй мировой войны ока-

зались без работы. У них изнуренный вид людей, надорвавшихся от непосильного труда, в глазах сквозит обреченность, как у неизлечимого больного. Они вынуждены работать рикшами, чтобы прокормить детей, а при нынешней дороговизне это совсем не просто.

Шривастав и сам был родом из Аллахабада, поэтому хорошо знал здешних рикш. Однако рикша, который вез его сейчас, не подходил ни под одну из названных категорий. Правда, в последнее время среди рикш появились демобилизованные после войны солдаты, которым было некуда больше податься. С тонкими, щегольски подбритыми усами, в форменных брюках, гимнастерке и пилотке, они так ухарски сидели за рулем велосипеда, так выпячивали грудь, так усердно задирали подбородок, что сразу привлекали внимание. Зажав в углу рта недокуренную бири, они с шиком, выворачивая колени, крутили педали и лихо носились по улицам. Их не оставляли воспоминания о Египте, Иране, Италии, Германии, о веселой жизни, белых красотах и мечты о новой войне. Свобода научила их гордо держать голову, они отвыкли заискивать перед другими. Но образованности им явно не хватало, поэтому они не замечали, что их самонадеянность граничит с нахальством. Насчет цены они особенно не торговались, а седоков своих презирали, словно те были какими-нибудь грабителями-мародерами.

Однако этот рикша, хотя и носил военное обмундирование, держался без солдатского апломба. Да и выражение его лица не было самодовольным, как у других солдат. Если их физиономии хотелось сравнить с черствой и сухой лепешкой, то в его чертах чувствовались теплота и мягкость, свойственные свежему, только что замешенному тесту...

Напряженная поза, которую принял Шривастав, скоро утомила его. Он немного расслабился, уселся поудобнее и обратился к рикше:

— А ты что же, в армии, значит, служил?

Рикша, не переставая нажимать на педали, повернул голову к седоку:

— Нет, сахиб. Что мне делать в армии?

На его лице промелькнула ироническая усмешка. В ней явственно сквозило презрение к столь низкому и совсем не подходящему для него занятию, как служба

в армии. В то же время от Шривастава не укрылось сожаление, прозвучавшее в словах рикши.

— Выходит, свою фирму открыл?

Шривастав хотел этим спросить, нет ли у него собственных колясок и не сдает ли он их в аренду другим рикшам.

— Ну что вы, сахиб! — засмеялся рикша. — Даже одна эта коляска — и то не моя. Сам напрокат беру.

По тону ответа Шривастав заключил, что рикша человек неглупый, и ему стало жаль его.

— С какой же стати ты взялся за эту работу? На ней долго не протянешь. Легкие быстро изнашиваются. Крестьянам еще, может, не так тяжело, они привыкли за сохой ходить и мотыгой работать. А для городских, вроде тебя, она совсем не по силам.

— Да разве мне самому охота была? А куда денешься? Семья у меня немалая: жена, четверо детей, мать, да две сестры-вдовицы. А работник — я один.

— Другую бы работу себе нашел.

— А я ничего больше и делать не умею.

— Что ж, ты так все время и был рикшей?

— Нет, сахиб. Только с тех пор, как мы свободу получили.

Рикша в сердцах махнул рукой и, не переставая крутить педали, продолжал:

— Как только англичане ушли и на их место уселись наши доморощенные сахибы, так для меня тяжелые времена настали. Ведь такую должность, какая у меня была, нашим черным господам не только оценить, просто уразуметь — и то трудно. Мои услуги им не требуются, так что заработка мне от них не предвидится. Я даже прошение подавал: так, мол, и так, никакому другому делу я не обучен, а потому отправьте меня в Англию вместе с белыми сахибами. Да только со мной и разговаривать даже не стали.

— Каким же делом ты занимался?

— А я у начальника полиции господина Дака служил. Жалованья получал пятьдесят рупий в месяц. Две комнаты имел. Одежда — за счет сахиба. Вот такие рубашки... Простите великодушно!.. — и рикша смущенно умолк.

— Да ты говори, говори! — благосклонно промолвил Шривастав, снова принимая горделивую позу.

Рикша почтительным тоном объяснил:

— Вот такие рубашки, какая сейчас на вашей милости, я носил все время, пока служил у сахиба.

Шривастав опять сел свободнее, даже прислонился к задней спинке сиденья, совсем забыв, что может измять рубашку.

— Да, вольготно жилось при английских господах! — продолжал рикша. — А теперь что? Разве сравнишь? Бывало, как праздник — непременно подарок получаешь. А одежду не только мне давали. Жене да детишкам тоже немало добра перепадало. И после всего этого — как теперь жить? Сами посудите: и кормить семью надо, и одеть! Вот и пришлось сесть на эту проклятую коляску. А у того, кто на нее сел, доля известная: жми, гони, лезь из кожи вон, пока не сдохнешь!

— Почему же ты в услужение не поступишь? К кому-нибудь из местных господ, которые англичан сменили? Ну, скажем, к тому же начальнику полиции?

Рикша снова оглянулся, и на губах у него еще раз мелькнула горькая презрительная усмешка.

— Ну что вы! Разве здешним сахибам требуются мои услуги?

— Кем же ты служил у начальника полиции Дака? Поваром? — спросил Шривастав. К его любопытству уже примешивалось некоторое раздражение.

— Нет, сахиб. Кушанья готовить я не умею.

— Так кем же ты был? Лакеем?

— Так точно. Лакеем.

Шривастав снова приосанился:

— В чем же тогда дело? Поступил бы опять в лакеи. У меня вот тоже есть лакей.

— Нет, сахиб. Я не таким лакеем был, какой у вас служит. Это, выходит, подать, что потребуется, или, скажем, за столом прислуживать? Нет. Мое дело было за господским платьем присматривать.

— Я же так и говорю. Присматривать за платьем, ботинки чистить...

— Нет, нет! Ботинки другой слуга чистил. А я только за одеждой присматривал.

— Неужели целыми днями только и смотрел за одеждой?

Рикша повернул назад улыбающееся лицо:

— Как бы вам растолковать это, сахиб? Да вы, на-

верное, и не поймете. Английские сахибы важные были господа. Во всем у них строгий порядок. И в одежде тоже. Каждой одежде свое время. Вечером — один костюм, на службу — другой, на отдых после обеда — тоже особое платье, на прогулку пойти — и тут, будьте любезны, извольте переодеться. А сверх того одежда на всякие другие особые случаи: костюм на званый ужин, костюм для гольфа, костюм для поло², костюм для танцев, костюм для охоты. И все их надо держать наготове, вовремя отдать в чистку или в стирку, получить обратно, повесить как положено, подать, когда сахиб потребует, помочь одеться — вот какие у меня были обязанности. А теперь сами скажите, как могут наши местные сахибы оценить мою должность, если они и днем, и вечером, целыми неделями, месяцами, даже годами ходят в одном-единственном костюме, пока вконец не затаскают? Вот мы сейчас бунгало проехали, красное такое. Живет в нем один сахиб, большой начальник. А посмотришь на его костюм — срам да и только! Наверное, с тех пор не снимает, как в колледже учился. А в том доме, куда он сейчас на службу ездит, при англичанах ихний клуб находился. Бывало, съезжаются в субботу на бал, все такие разряженные, разодетые. Загляденье! А парк? Вам когда-нибудь раньше приходилось им любоваться? А теперь видели, во что он превратился? Вот то-то и оно! Да что там парк, весь район, где англичане жили — весь Сивил-лайнз, — горькими слезами о них плачет! Какие красивые бунгало были, сады какие роскошные! А теперь — прямо глядеть тошно. Ну точь-в-точь вдова, когда ей голову обрежут!

Столь явное неуважение, более того, презрение рикши к соотечественникам покорило Шривастава. Правда, он и сам был не прочь пожить так, как жили белые сахибы, однако сейчас, после слов рикши, у него вдруг появилась неприязнь к английскому образу жизни. Желая как-то вразумить этого глупца лакея, он сказал:

— Как же ты можешь сравнивать нас с ними? Ведь мы живем по-другому. Жизнь ведем совсем простую. И еда у нас не такая, и одежда, да и все остальное. Они и мясо едят, и рыбу, и вино пьют. Коров и тех режут

² Поло — игра в мяч верхом на лошадях.

на еду, и свиней тоже, а ведь у нас грешно даже прикоснуться к говядине или свинине. У них всем женщинам танцевать позволено, а у нас...

— Ну и что из этого, сахиб? — прервал Шривастава рикша и горячо заговорил, еще сильнее налегая на педаль. — Ведь мы как были рабами, так рабами и остались. Живем, как улитки, забились каждый в свою раковину. Мало того, что нищие, так даже похвалиться стали своей нищетой. А когда и богатеем, так все равно по привычке живем, как нищие. Кроме чечевицы да фасоли, ничего не едим, а денежки относим в банк. Мне мой сахиб говорил, что давным-давно, когда еще Индия свободной была, и наши предки — арьями их звали — пришли в эти места, то они тоже любили поесть-попить, песни попеть да поплясать и жили вроде бы в свое удовольствие. И женщин, как видно, взаперти не держали, и насчет еды никаких строгостей не было. Еще говорил сахиб, что деньги только тогда пользу приносят, когда их тратишь, а не держишь в банке. Если хоть одну рупию с пользой употребить, то и рабочие, и ремесленники, и лавочники — все работу получают. А не давать деньгам ходу — значит безработицу плодить. Сахиб каждый год приказывал всю мебель, все двери и окна заново лаком покрывать, в комнатах два раза в год стены и потолки белили. Служили у него два садовника, два лакея, повар, прачка, уборщик. Да сверх того сколько еще всякого народу в его доме кормилось: и пекарь, и торговец яйцами, и столяры, и еще бог знает кто...

Шривастав едва сдерживал негодование. Закатить бы хорошую оплеуху этому холую за его славословия белым сахибам! Однако коляска катилась быстро, и Шривастав не решился привстать с сиденья. Тогда он излил свой гнев на английских чиновников:

— А с чего им, подлецам, было не жить припеваючи? Они только и знали, что народ грабили да развлекались.

— А нынешние сахибы разве меньше народ грабят? — возразил рикша, но уже другим тоном, с заискивающей и в то же время злой усмешкой. — Все чиновники, от мала до велика, свою долю требуют. Раньше-то хоть большие начальники стеснялись в открытую взятки брать. А ведь сейчас каждый только и ждет

случая, чтобы урвать побольше. Брать умеют, а вот давать не приучены. Пусть англичане брали, зато сколько людей вокруг себя кормили! А эти что ухватят, все в банк тащат. Нет у них привычки деньги тратить. Смотришь, всюду — дома ли, на улице ли — ходят в одном и том же: рубаха да дхоти. Бреются не чаще двух раз в месяц, а бывает — и того реже. Какой же от них доход цирюльнику или прачке? Разве станут они нанимать лакея и повара?

Шривастав чувствовал, что теряет терпение, но молчал, не желая связываться с этим мерзавцем. А рикша продолжал все так же увлеченно:

— Да что далеко ходить? Взять хоть такое дело: ни один из наших состоятельных господ, будь он богач из богачей, никогда не забудет поторговаться с рикшей или извозчиком. Вот здесь, в Эленгандже, живет один богатый господин. Почетный судья к тому же. На Чоуке у него своя типография. Так он каждый день приходит на стоянку и ждет попутчика, чтобы вместе с ним нанять рикшу, потому что в этом случае поездка обойдется ему вдвое дешевле. Иной раз полчаса простоит, пока дождется. Англичанин же, будь он даже простой солдат, никогда не торговался, запросто давал рупию, а то и две. Помню, как-то раз у моего сахиба машина сломалась. Пришлось взять рикшу, чтобы добраться до суда. Так он тому рикше целых пять рупий дал.

Вот наконец и дом, где живет Гаджанан. Шривастав поспешно соскочил с коляски. Однако Гаджанана дома не оказалось. Шривастав оставил свою визитную карточку, снова сел на коляску и велел рикше быстрее ехать обратно. Когда они вернулись к зданию суда, Шривастав взглянул на часы. Они ездили час и десять минут.

В любом другом случае Шривастав ни за что не дал бы рикше больше двенадцати ан из расчета десять ан в час. Но дать двенадцать ан этому рикше показалось ему как-то неудобно. Мысленно проклиная расточительных белых сахибов, он сказал:

— Прошло чуть больше часа. За полных два часа с меня причиталась бы рупия с четвертью. Вот возьми две рупии. Сдачи не надо. Считай, что получил от меня на чай целую рупию.

Рикша почти совсем по-военному отдал честь, и

Шривастав зашагал к особняку главного судьи. В его походке чувствовалась солидность человека, знающего себе цену.

Другой рикша, который все стоял на том же месте в ожидании седока, громко спросил:

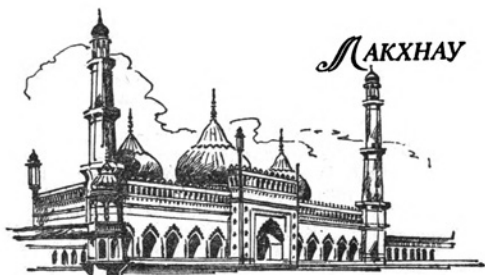
— Сколько он тебе дал?

— Две рупии!

— Две рупии? — недоверчиво переспросил рикша.

— Да, две рупии! У меня еще ни разу не бывало такого случая, чтобы кто-то из этих чиновных господ выложил мне меньше, чем две рупии. Они все одинаковы. Уж я-то хорошо знаю, как надо обращаться с этим дерьмом, с нашими чумазыми сахибами.

Последние слова рикши долетели до слуха Шривастава. Его походка сразу утратила величавость, исчезла горделивая осанка, и в дом главного судьи вошел обыкновенный простой смертный.

АМРИТЛАЛ НАГАР

ЛАКХНАУСКИЕ ЭТЮДЫ

Третьи сутки подряд непрерывно льет дождь, мелкий и затяжной, какой обычно бывает в месяце саон¹. В сточных канавах, глухо бормоча, текут мутные ручьи. Проспекты, скверы, тупики, улицы и переулки, каждая комнатенка, веранда, навес или дворик в каждом из сорока одной тысячи домов Лакхнау, разделенных на пятьсот кварталов,— всюду только мерный шум дождя.

В той части Лакхнау, которая именуется Хусейнабад, вода заливает стоящие в низине домишки со множеством крохотных комнат-чуланчиков. Клетки с курами — единственное свое достоинство — жители переносят в безопасные места. Набегавшись за день, сладко посапывают и что-то бормочут во сне ребятишки, и шум дождя гложет в женском гомоне.

— Ой мамочки, змея! — испуганно взвизгивает Булаки. Весь сжавшись от страха, он сидит на сдвинутых чарпан.

¹ Саон — месяц индийского календаря, соответствующий периоду от середины июля до середины августа.

— Где змея? — испуганно поворачивается к сыну Маммад. Стоя по щиколотку в воде, он привязывает к крючку, что торчит у двери, металлический ящик с одеждой и украшениями всех членов семьи. Бросив ящик, Маммад с непостижимым проворством прыгает на чарпай. В комнате поднимается невообразимый гвалт.

— Принеси бамбуковую палку! Да не давай, не давай ей забраться под кровати! Да ты шевелись, шевелись живей, а то хуже будет!.. Чего разорались? Поддевай ее, поддевай!.. Вот она, вот она, милушка! Ага!.. Э, да это ж кала наг, самая ядовитая! Эй, Кхайратия, Бакриди, Каллу! Тащите секач! Змея тут! Змея!

Потревоженная светом фонаря, бамбуковой палкой и скрипом стареньких чарпай, змея мечется в узком пространстве комнатенки, распустив капюшон и издавая грозное шипенье.

— Приготовь-ка большой кувшин с широким горлом, — советует Пьяре, старик-дхоби². — Давай попытаемся поймать ее.

При одном упоминании о поимке Маммад стремительно поворачивается к двери, где на гвозде висит джутовый мешок из-под цемента, — два дня назад он выпросил его у лавочника. Он сдергивает смятый мешок с гвоздя и, расправив его обеими руками, усаживается на край чарпай, свесив ноги и изготавившись, как завзятый змеелов.

— Лови ее, папа! — восторженно орут ребятишки, заглушая предостерегающие крики матери. В дверях, выходящих на улицу, показываются головы соседей. Прикрываясь от дождя зонтами, мешками, обрывками газет и целлофана, соседи наблюдают за происходящим, выставив вперед два фонаря, отчего в комнате сразу становится светло как днем. Напуганная этим скоплением голов, змея, извиваясь, бросается в свободное пространство между входной дверью и сдвинутыми к стене кроватями. Изловчившись, Маммад накидывает мешок на распущенный капюшон и с молниеносной быстротой хватает змею за хвост. Толпа зевак, прежде лишь возгласами ободрявших смельчака, теперь бесстрашно вваливается в комнату.

— Веревку, веревку неси! Тащи ее отсюда! Да смот-

² Д х о б и — стиральщик белья.

ри, чтобы не ужалила! Осторожно ты, осторожно! — перебивая друг друга, возбужденно кричат вошедшие, а Маммад вращательным движением уже закрутил и завязал узлом горловину мешка, внутри которого в бесильной ярости бьется полутораметровая кобра. Мешок торжественно выносят во двор и, бросив на возвышение — туда, где посуше, принимаются лупить палками. Вскоре со змеей покончено, и все чувствуют себя героями, только что одержавшими нелегкую победу: каждый хвастается, что именно он нанес противнику смертельный удар. Когда страсти успокаиваются, люди заводят речь о житье-бытье, а потом, обругав для порядка богатеев и политиков — «радетелей народных», принимаются обсуждать, что делать дальше: дождь все льет, и вода прибывает. Не видя среди собравшихся соседа по имени Иду, — несмотря на шум, дверь его мазанки оставалась закрытой, — Маммад смачно чмокает губами:

— С молодой женой, видать, не до змей!

В ответ раздается дружное гоготанье. Фонари, зонты, мешки, целлофановые накидки приходят в движение, и лакхнаусцы, истинные ценители поэзии, соленой шутки и острого словца, по-военному вскинув палки на плечо, бодро шлепают к своим пропитанным сыростью лачугам.

Подобное зрелище четыре месяца кряду, на протяжении всего сезона дождей, можно еженощно наблюдать в почти каждом из множества потемневших от времени домов, что теснятся по соседству с Большой Имамбарой³, рядом с развалинами Зеркального Дворца или Барахдари — сооружения, имеющего двенадцать парадных ворот, близ пришедшего в упадок базара Зиллокхана, что одним концом упирается в четырехэтажную башню, которую все почему-то упорно называют «семиэтажной», а другим выходит к пруду. Стекая сюда, дождевая вода сперва заполняет выбоины и колдобины, а часа через два уже вся низина превращается в огромную лужу, в которой островками высятся старые дома. Их обитатели устраиваются на ночлег, предварительно взгромоздив одно чарпай на другое, и так спят,

³ Большая Имамбара — архитектурный комплекс религиозного назначения, построенный в 1784 г.

дрожа при этом от страха, как бы не ужалила змея. Более или менее ценное имущество привязывают повыше, куда не достанет вода.

Каллу целую ночь напролет бьет мучительный кашель, в дом Бакриди заползла змея, а Иду, забыв обо всем на свете, предается любви со своей молодой женой. Крыша в углу протекает, с потолка льет, будто из водосточной трубы, и скопившаяся в помещении вода лижет закрытые двери и высокий порог, ручьем вытекая через промоину под нижним брусом дверного косяка. А Идудхоби, взгромоздив чарпаи на грубо сколоченный деревянный помост, сладко похрапывает в объятиях молодой жены. Вода постепенно прибывает на всем пространстве превратившегося в пруд Хусейнабада от хижины Иду до вышедшей из берегов Гомти... У тех, кто живет здесь, так продолжается из поколения в поколение — башня с часами тому свидетель.

Время течет, идет, бежит, и того, что было вчера, уже нет сегодня, и сейчас нет того, что было еще два часа назад. До самого позднего вечера небо было чистое, стояла тяжелая духота, но вот часам к десяти, глядишь, на небе, погромыхая, собираются тучи, и начинается сильный дождь — настоящий ливень, и никто не может сказать, когда он кончится.

Словно страстная молодая жена, ночь заключает в жаркие объятия своего возлюбленного и владыку — город Лакхнау. К этому времени на его улицах почти не остается людей, а бродячие коровы и бездомные собаки либо прячутся под деревьями, либо забираются под навесы. В свете электрических неоновых ламп маслянисто поблескивает вода на черном асфальте. Оживленно лишь около кинотеатров — в Хазратгандже, Лалбаге, Кесарбаге, Чаукнакхасе, Аминабаде. В Хазратгандже под большим навесом у входа в кинотеатр толпятся велорикши. Их коляски с поднятыми верхами стоят у тротуара.

По туго натянутому брезенту хлещут упругие струи дождя. Почти одновременно раздается трель звонка в двух расположенных по соседству кинотеатрах, возвещающая окончание сеанса. Толпа вываливает из дверей и сбивается под навесом рядом с рикшами.

Начинается торг. Прихватив седоков, рикши по одному выскакивают из-под навеса. Раздаются выкрики,

скрежет несмазанных цепей, и уже через несколько минут гомон голосов у кинотеатра стихает. Сторговавшись наконец с одним из рикш, бабу Шьямкишор вместе со своей супругою Шилой усаживается в коляску. В Хаазратгандже и Нархи все еще открыты двери лавчонок, где торгуют бетелем. Несколько человек, прикрываясь зонтами, торопливо ныряют в переулки. Мимо с ревом проносится коляска моторикши, и вновь воцаряется безмолвие, нарушаемое лишь мерным шумом дождя. Ярko освещены строгий фасад здания налогового ведомства, национального колледжа и особняки, расположенные напротив и по соседству с ними. Чернея проемами окон, они безмолвно стоят в ряд, словно шеренга немых, лишь кое-где сквозь щель в окне или в двери пробивается узкая полоска света. Возвращаясь из кино, муж и жена обмениваются впечатлениями о только что виденном фильме. Позади их коляски за частой сеткой дождя неожиданно возникает длинный черный лимузин. Рикша испуганно оглядывается и бросает через плечо:

— Черный лимузин!

— Что?! Черный лимузин?!

— Да, сахаб, черный лимузин!.. От них добра не жди... Я сверну в переулок...

И, отчаянно работая педалями, рикша резко поворачивает руль влево. Черный лимузин останавливается. Бабу Шьямкишор и его супруга облегченно вздыхают, и страх на их лицах уступает место радости. А рикша начинает сбивчиво пересказывать все, что доводилось слышать о тех, кто разъезжает в черном лимузине. За полгода раз пять уже случилось: выследят, что в коляску села молодая женщина, остановят где-нибудь в темном переулке и, угрожая пистолетом, увозят с собой — умыкают, словом. Даже в газетах, говорят, печатали про черный лимузин... Да-да, им тоже где-то, кажется, попадались такие сообщения. Но там, помнится, все обошлось благополучно... А вот у них неизвестно еще, чем закончится: лимузин уже въехал в переулок и черной громадой неотступно движется следом за ними. Спаси и помилуй, всевышний, не дай свершиться черному делу!

Даже в темноте видно, как Шила бледнеет, а бабу Шьямкишор начинает затравленно озиаться. Что есть

сил нажимая на педали, рикша петляет по кривым переулкам Премнагара — и всюду позади них, словно страшный ракшас, черпает лимузин. Дождь усиливается. Хватая ртом воздух и отплеываясь, рикша выбивается из последних сил, стремясь оторваться от преследователя, но тут черный лимузин прибавляет скорость и с ходу ударяет бампером в коляску. С изуродованным задним колесом и погнутой педалью коляска врежется в столб и замирает, увязнув передним колесом в канаве. Отчаянные крики рикши и его пассажиров пропадают в шуме дождя и вое ветра. Из лимузина выскакивают трое в черных плащах с капюшонами. Подскочив к коляске, один из них молча тычет дулом пистолета в затылок Шьямкишора и в спину рикши. Оба послушно поднимают руки. Двое тем временем стаскивают Шилу с сиденья. Она пытается вырваться, но ее держат, словно клещами. От ужаса и беспомощности Шила почти теряет сознание. Ее вталкивают в лимузин, рядом усаживаются черные капюшоны. Варева, лимузин растворяется в непроглядной тьме. А рикша и Шьямкишор все еще стоят с поднятыми руками...

Сладко спит в объятиях ночи Лакхнау, и кажется, никогда ему уже не проснуться, как после укуса кобры. Черная змея... черный лимузин... черная коробка телефона, брызжущего ядом слов...

— Вотум недоверия — вот что нам надо!.. Деньги? О деньгах не беспокойся... Это уж наша забота... Да-да, на вчерашнее голосование не успел... Есть десятки способов задержать... Разве мало случается дорожных происшествий?.. Конечно, конечно: будешь действовать с умом — не далее как завтра вечером тебя ждут приятные перемены.

Тот, кого обычно именуют нетаджи⁴, кладет телефонную трубку и небрежно бросает сидящему рядом:

— Паллурам... Подлец, каких мало. Я обещал ему должность заместителя министра...

— Варма и Широмаи... — задумчиво повторяет его собеседник, кончиком мизинца стряхивая пепел с сигареты. — Скомпрометировать их — дело нелегкое, Чхогар-джи, если, конечно, они сами себя не скомпрометируют.

⁴ Нетаджи — лидер, руководитель, вождь.

Устремив взгляд в пространство, Чхогар-джи откидывается на спинку кресла:

— Паллурам знаком с одним водителем: он — сикх и, как видно, стоящий малый. По словам Паллурама, этот парень — мастер по части всяких дорожных происшествий... А завтра Варма и Широмани должны посетить больницу в своем родном дистрикте. Любими средствами надо вывести их из игры. Минус десять голосов — это они и их сторонники, — и большинство в наших руках.

— Да снизойдет к вам милость всевышнего, Чхогар-джи, и я готов побиться об заклад, что на следующей же неделе губернатор пригласит вас к себе и предложит сформировать новое правительство штата... Да свершится воля всевышнего, и пусть этот день наступит быстрее. И как только он наступит — вы станете обладателем персонального особняка и машины с трехцветным флажком на радиаторе. А то моя жена чуть ли не каждый день шпильки подпускает: вот, дескать, все ослы давно уже получили министерские портфели, а от вашего служения родине — никакого проку. У меня же на это ответ один: вот сядет в кресло главного министра наш вождь Чхогар-джи — и в нашу корзину тоже посыплются плоды.

Не сводя цепких глаз с лица собеседника, Чхогар-джи неторопливо достает из кармана золотой портсигар, не спеша берет сигарету и, шелкнув дорогой зажигалкой, с наслаждением затягивается. В глубине его глаз загорается хищный огонек, на губах еле заметно играет высокомерно-презрительная улыбка. Из соседней комнаты доносится бой часов — собеседник от радости даже подпрыгивает.

— Два часа! Нас тоже двое — это знамение! Завтра нас ждет победа!

Чхогар-джи тоже, по-видимому, воспринимает бой часов как знамение: весь облик его излучает довольство, и, чтобы скрыть это, он делает серьезную мину и с наигранным изумлением смотрит на часы:

— Ого! А завтра в восемь я выступаю в «Обществе служителей науки» с докладом о современном положении.

— В таком случае разрешите откланяться... Дождь, наверно, уже прекратился.

— Погодите, я прикажу отвезти вас,— и, подойдя к столу, Чхогар-джи нажимает кнопку звонка, а облаканный таким вниманием гость, чтобы хоть как-то заполнить паузу, пускается в рассуждения:

— Все эти вопли о национальном кризисе — сплошная мистификация, и выдумали ее правительственные чиновники, чтобы объявить сбор пожертвований якобы в фонд обороны и тем угодить своим министрам, министры подхватили, чтобы угодить главному министру, а главный министр немедленно доложил премьер-министру. Ведь на нужды министерства обороны у нас ничего не жалеют. Жена одного торговца, говорят, пожертвовала в фонд обороны все свои золотые украшения, а через два дня эти самые украшения принесли закладывать в лавку ее мужа. Вот вам и национальный кризис и национальная мораль!

Пока длится монолог о национальной морали, в комнату неслышно вошел слуга, и хозяин уже приказал ему будить шофера и выводить машину, а гость, войдя во вкус, все никак не может остановиться и продолжает обличать падение общественных нравов. Когда слуга так же неслышно прикрывает за собой дверь, хозяин поворачивается к гостю:

— Ну, ладно, ладно, все эти соображения, очень важные для моей завтрашней речи, вы обдумаете на досуге. И не очень забивайте ими голову. Все мы в руках судьбы: в какую сторону она повернет, туда и пойдем. А утречком вам непременно надо увидаться кое с кем — наведайтесь к каждому персонально, адреса вы знаете. Если выйдете в семь — можно управиться часа за два с половиной, самое большее — за три. В двенадцать вас уже будут ждать.

— Будьте спокойны, шеф... Ну, джай хинд! ⁵

И с этими словами гость скрывается за дверь, всем своим видом показывая, что помыслы его направлены только на то, чтобы как можно достойнее выполнить ответственное поручение, которое столь много значит для судеб отечества, ибо политический небосклон столицы штата Уттар Прадеш, как это ночное небо над нею, плотно затянут черными грозовыми тучами. Дождь прекратился, и тишину улиц нарушают лишь стрекот

⁵ Да здравствует Индия! (*хинди*).

цикад да еле слышный лай собак, доносящийся откуда-то издали, — и эти звуки, словно ржавый напильник, царапают черную полированную поверхность ночного безмолвия.

Однако все это — лишь фасад, а о том, что делается за фасадом, знает далеко не каждый житель Лакхнау.

В клубе «Голден пэррот», например, жизнь бьет ключом. В половине второго устраивается короткий перерыв: гостям разносят легкую закуску с чаем или, для любителей, с пивом, и снова банкомет сдает карты — игра продолжается. Проиграв порядочную сумму, господин Рамнарайн вышел из игры и сейчас, сидя в полумраке закрытого на ключ отдельного кабинета, наслаждается обществом мисс Лютфуннисы: точными движениями своих изящных ручек мисс Лютфунниса делает господину Рамнарайну легкий массаж головы, вполголоса напевая: «Что мне делать с болью сердца?» Рядом журнальный столик, на столике стакан виски. Время от времени она протягивает руку к стакану и подносит к губам своего друга. Отпив глоток, господин Рамнарайн жадно затягивается сигаретой. Вслед за ним и она, пригубив стакан с виски, берет в губы его сигарету и кокетливо выдыхает дым. В последнее время господину Рамнарайну не везет в картах, он проигрывает одну ставку за другой и сейчас лежит огорченный, а мисс Лютфунниса, обвив его шею тонкими руками, старается переплавить горечь проигрыша в пламя желаний. С нею Рамнарайн забывает обо всем на свете: он вырастает в собственных глазах, чувствует себя прямо-таки бадшахом, становится бесстрашным, в голове начинают роиться грандиозные планы. Да-да, завтра он поедет домой и возьмет золотые украшения, которые заказал для сестры к ее предстоящей свадьбе: худо-бедно, а здесь тысячи три или даже четыре. Украшения он отнесет в заклад, получит деньги и уж тогда отыграется за все! Решено! При одной только мысли о реванше руки его обретают новую силу, он хватает стакан с виски и залпом выпивает до дна. Между пальцев левой руки зажата сигарета, он жадно затягивается через кулак и неожиданно приказывает мисс Лютфуннисе:

— Нацепляй бубенчики! Будешь танцевать для меня!

Мисс Лютфунниса кротко улыбается и, ластясь к нему, целует его распаленное страстью лицо, терпеливо, словно малому ребенку, внушает:

— Звон бубенчиков и полиция услышит...

— Полиция?! Да я ее...— ярится господин Рамна-
райн.

— Ого, куда вас занесло! Но что это за танец в кро-
хотной комнатке, когда само время пляшет в открытом
дворе вселенной...— и, нагнувшись, она шепчет ему на
ухо:

— Я у тебя в постели станцую...

Согласно закону все увеселительные заведения, функционировавшие после полуночи, были закрыты, но женщины типа мисс Лютфуннисы продолжают обслужи-
вать сотни игорных домов и притонов, таких, как «Гол-
ден пэррот», «Маноранджан клуб» и других с не менее
завлекательными названиями. Все эти клубы зареги-
стрированы в государственных учреждениях, в офици-
альных документах четко указаны и расписание, и ха-
рактер их деятельности. Но законы, как известно,
пишутся лишь для трусов и для тех, у кого нет ни де-
нег, ни влияния. Владелец же этого клуба мистер Ши-
валал — человек отчаянной храбрости. Общаясь с ним,
господин Рамнарайн тоже понемногу набирается ума.
Все свое состояние и лавку, доставшуюся ему в наслед-
ство от отца и деда, он вложит в дела «Голден пэррот».
Ведь что такое жизнь? Это — клуб. В Европе и в Аме-
рике бесчисленное множество таких клубов. Случается,
конечно, там и проигрывать, однако бывает, за одну
только ночь выигрываются сотни тысяч. А здесь все эти
паршивые бабу готовы по двадцать четыре часа в сутки
сидеть в своей лавке, чтобы заработать лишнюю рупию.
Какая нелепость, нонсенс!

Среди отрывочных картин, мелькающих в одурма-
ненном сознании господина Рамнарайна, неожиданно
четко вырисовывается хрупкая фигурка сына. Но тут
же, заслоняя ее, перед глазами возникает хмельное
лицо мисс Лютфуннисы: нежные руки обвивают шею
Рамнарайна, жаркие губы жадно впиваются в его рот,
а грудь ощущает невесомый груз ее трепещущего тела.
Он валит ее на постель. Щелкает выключатель.

Темнота. Яростное сопенье и сладострастный стон...

Часы на башне бьют четыре. Первые группы палом-

ников, на ходу твердя имя Хари⁶, спешат к берегу Гомти, чтобы с первыми лучами солнца совершить омовение. С неба, словно сквозь частое сито, сеет мелкий дождик, но может ли такой пустяк остановить истинно верующего, для которого и ливень не помеха? Даже йоги только пробуждаются в этот час, а для тех, кто перед сном предавался нежной страсти, теперь глухая полночь.

Раджендра с детских лет привык вставать с рассветом. Раньше в это время он читал, а теперь пишет стихи. Раджендра уже проснулся, когда из переулка доносятся глухие удары: кто-то что есть силы колотит в дверь, хрипло выкрикивая имя бабу Рамсварупа. Вадрогнув, Раджендра торопливо вскакивает с постели и спешит к окну. Голубой дымок его сигареты взвивается в прохладном утреннем воздухе. Стук прекращается лишь после того, как сверху доносится скрипучий, как песма-занная дверь, голос Рамсварупа:

— Кто там?

— Спуститесь-ка вниз, — несется из переулка.

— Кто такой? По какому делу?

— Не узнаете, что ли? За квартиру вы мне задолжали, два месяца не платите. Я уж сто раз к вам приходил...

— Ну и выбрали время, скажу я вам! Под утро самый сон, а тут — на тебе! Орет как на базаре! Вы что — только затем и пришли, чтобы ославить меня? — тонкий голосок Рамсварупа поднимается до визга.

Раджендра неподвижно стоит у окна, что выходит в переулок. В свое время Рамсваруп жаловался ему на домовладельца. В душе у Раджендры поднимается глухое раздражение... Ну и скупердай же этот хозяин, прямо семь шкур готов содрать. Мысли Раджендры возвращаются теперь к бабу Рамсварупу. Простой банковский клерк, обремененный большим семейством, а цены растут, и вместе с ценами растут его долги. Чем расплачиваться? Куда податься? Говорят: «образованный, из хорошей семьи, а ругается как извозчик». Ничего, заругаешься — хоть душу отведешь! Хозяин-то тоже кротостью права не отличается. Голоса спорщиков становятся все громче. В шуме перепалки не разобрать, что

⁶ Хари — одно из имен бога Вишну.

они говорят. Только иногда вдруг прорывается: «Весь квартал разбудил спозаранку! Кровопийца! Живоглот! Негодяй! Подлец!» Ну а хозяину что прикажете делать? Ведь он обязан взыскивать с должников. Он имеет на это полное право, тем более что добрая половина, если не все три четверти, таких рамсварупов Лакхнау являются должниками. Домовладельцы требуют, грозят, ругаются, а те униженно просят, обещают, клянутся либо, доведенные до отчаяния, готовы наброситься на хозяина с кулаками. «Иди, иди,— кричат,— ни рупии не получишь! Делай с нами что хочешь!» И в таком поведении всех этих рамсварупов тоже есть своя правда, размышляет Раджендра, горькая правда...

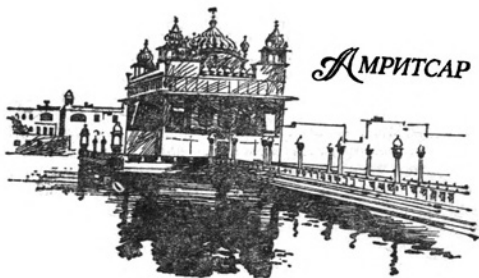
А мысли его уже заняты новым сюжетом. Целиком поглощенный им, Раджендра бодро вышагивает по комнате, то и дело затягиваясь сигаретой. В углу разложены и расставлены потемневшие от времени кирпичи и каменные статуэтки, найденные Раджендрой во время археологических раскопок, которые проводились в Лакхнау. Он прямо не может налюбоваться своими сокровищами. Вон тот небольшой кирпич — он был обожжен за тринадцать веков до рождения Христа, а те кирпичи, что побольше, относятся к более поздним эпохам: Маурьев, Кушанов, Гуптов; затем начинается мусульманский период, а самый последний экспонат его коллекции имеет точную датировку: 1891 год — это уже время английского господства... Настоящий домашний музей. Вот разбитые игрушки, вот черепки — остатки глиняной посуды, кости животных, статуэтки, обломки браслетов — каждый из этих предметов несет на себе отпечаток, оставленный сильным, свидетельство трагической гибели слабого. Такова жизнь: во все времена были домовладельцы и рамсварупы...

И в ушах у него вдруг отчетливо звучат слова, сказанные совсем по другому поводу отставным инспектором полиции по имени Митра. «Раджендра-бабу,— сказал ему тогда старик.— Часика в четыре утра выйдем-те-ка со мною, сядем где-нибудь на перекрестке да понаблюдаем. И вы собственными глазами увидите, сколько мужей возвращаются домой, ведя с промысла своих жен. И они нисколько не стыдятся этого, ни одна морщинка не бороздит им лоб... Наверно, они думают, что тот, кто хотел удовольствия, получил его и с тем ис-

парился, а жена... жена по-прежнему моя, и все, что она заработала,— тоже мое... Разве это не скотство!»

Раджендра останавливается как вкопанный. Как же крепко они спаяны — прошлое и настоящее! Какое между ними поразительное сходство! И стоит ли удивляться тому, что происходит сейчас?..

Он зябко поводит плечами и, целиком поглощенный этой мыслью, начинает незаметно для себя отбивать рукою такт: размышления о прошлом пробудили в Раджендре поэта, и его обуревают желание поскорее взяться за перо и запечатлеть в слове рожденные фантазией образы.

ВИРЕНДРА КУМАР ДЖАЙН

ПОСТОВОЙ ИЗ АМРИТСАРА

«В Амритсаре каждый мужчина достоин стать министром, каждая девушка — сделаться кинозвездой, а каждая старуха — побыстрее отправиться на тот свет...»

Эти слова, господин, я позаимствовал не из толстой книги какого-нибудь англичанина, хотя мой отец и погиб в Бельгии, сражаясь за интересы британской короны, — эти слова я много раз слышал из его собственных уст. Но вот мать моя, господин, она думает совсем по-другому. Была у нее единственная мечта в жизни, одна-единственная — это чтобы когда-нибудь меня сделали начальником полицейского участка... Только я до сих пор так и не выбился в начальники. Я всего лишь простой полицейский, номер 301. Стою на перекрестке у въезда на центральную площадь, и в руках у меня свисток. Я регулировщик, моя обязанность — регулировать движение транспорта. А все потому, господин, что родитель мой был не очень дальновидный человек. Все-то он понимал, а вот на тебе — взял и завербовался в армию. Завербовался и погиб где-то в Бельгии, сражаясь за британскую корону. Погиб отец, и теперь мать каждый день меня пилит.

«Написал бы,— твердит она,— письмо в правительство. Да что там письмо — съездил бы сам да показал им награды, что получил отец от англичан: медаль за храбрость и саблю. Сказал бы им — смотрите: мой отец погиб на чужой земле... А это... Это вот, мол, урна с его прахом. Помогите, мол, люди добрые...»

«Не горячись, мать,— говорю я.— Ты все бубнишь свое, бубнишь и никак в толк не возьмешь, что тебя никто не слушает. Кто виноват? Отец во всем виноват! Зачем он завербовался? Убили его, и все в доме пошло кувырком. Поэтому я и окончил всего-навсего шесть классов. Проучись я еще годочка два-три — смотришь, и мне б какое-нибудь теплое местечко досталось. А сейчас у меня один только свисток... Тррю... Тррю... Тррю... Видишь, как громко свистит, а ведь никто же не слушает. А если уж в Амритсаре никто тебя не услышит, то в Чандигархе¹ — и подавно».

«Мозги у тебя набекрень, вот что я тебе скажу,— отвечает.— В доме урна с прахом отца стоит, а его сынок палец о палец ударить не хочет! Бездельник, лоботряс! Ступай к кому следует, добивайся участка! Смотришь — и жалованье повысят. А то всю жизнь просвистишь... Я из последних сил для него выбиваюсь, а он сидит себе сиднем и даже имя героя помянуть когда надо не может...»

Заводит она такую речь, и у меня перед глазами, как живой, встает высокий brave солдат. Выпив целый кувшин ласси², он подкручивает от удовольствия усы, и... кажется, земля вздрагивает от его баса:

Ты куда унес
Сердце девичье?
Что скажу, солдат,
Родной матушке?

Отец мой погиб в Бельгии, а я в ожидании, когда меня сделают начальником участка, стою со свистком на перекрестке у въезда на центральную площадь, — только и слышно — тррю... тррю... тррю..!

¹ Чандигарх — административно-политический центр, столица штата Пенджаб, в состав которого входит Амритсар.

² Л а с с и — сладкое квашеное молоко со льдом.

Два года уже я умоляю Манохара Синха — это начальник нашего участка, — чтоб не назначал меня больше на ночное дежурство. Не могу я стоять целую ночь напролет. Человек я неженатый, а ночью долго ли до греха... Скинул бы, кажется, свою полицейскую форму, рывкнул на весь город «Инкилаб зиндабад!»³ да и сбежал куда-нибудь подальше. В такие минуты мне думается, что отец мой, наоборот, был очень дальновидным человеком. Погиб себе где-то на бельгийской земле — и готово дело, а то б и ему пришлось стоять со свистком на каком-нибудь перекрестке — тррю... тррю... тррю..! — и возвращаться домой далеко за полночь, и мать каждый раз встречала бы его полусонной...

А прошение я все-таки написал, господин. Ночью на сердце у меня становится беспокойно: ночь в Амритсаре, она ведь опьяняет, как вино, и сердце тоже, хузур⁴, становится словно пьяное. Сколько раз просил, чтоб не посылали меня на дежурство в ночь, — никто и ухом не ведет. А Манохар Синх — это начальник наш: «Ты, — говорит, — неженатый, поэтому, — говорит, — тебе и идти на ночное дежурство. Ну сам ты подумай, — говорит, — могу ли я семейного человека на ночь отрывать от жены и заставляя его торчать со свистком на перекрестке? Правда, сейчас тебе этого не понять, дорогой...» И опять за бутылку... «Ступай, — говорит, — дорогой Рама Синх, время заступать...»

В разных городах ночи тоже разные. Я вам, господин, откровенно скажу: если другие города с наступлением ночи как бы старятся и покрываются морщинами, то Амритсар наоборот — ночью он молодеет. Когда в других городах люди уже спят сладким сном, то здесь молодожены еще долго лежат на своих чарпах не смыкая глаз, ждут, пока уснут старшие...

Я уже говорил вам, что ночью на сердце у меня делается беспокойно. Хочется сорвать с этого мира его покровы и запрыгать как ребенок, захлопать от радости в ладоши, что сегодня-то, наконец, я всех поймал на месте преступления.

Постойте, это кто же на красный свет лезет? Не Мукомольня ли Лакхарам?.. Он самый и есть. Свищу, ос-

³ Инкилаб зиндабад! — «Да здравствует революция!»

⁴ Ху зур — господин (*хинди*).

танавливаю все движение. А что делать? Лакхарам ведь не остановишь. Он будет шагать своим путем и считать на ходу и доходы, и расходы. Да-да, и расходы — сейчас он строит новый дом, прямо напротив телефонной станции... На Соляном базаре у него мельница и небольшая лавка. Прежде Лакхарам торговал только мукой — теперь у него можно купить и горох, и специи разные: куркуму, перец, молотый и в зернах, и еще много чего. Бывает, придет к нему женщина за мукой и попросит: «Угостил бы печеньем, жених». И вот на днях он и в самом деле женится, покроет желтым узором ладони своей избранницы. Свадебный поезд едет из самой Лудхианы⁵. Потому-то и пришлось Лакхараму быстренько заканчивать новый дом. А до того он за три тысячи участок в квартале Катра Джаймансинх купил: центр все-таки — не окраина. И как только подвернулся покупатель — загнал его за десять тысяч... На новый дом тоже спрос немалый, и не устоял бы он, наверное, перед искушением, если бы не женитьба. Возни, конечно, много... Цемент вот на черном рынке купил: попадешься с этим — завидовать нечему. А за оставшиеся дни надо еще и водопровод провести, и электричество, и кирпичи для очага достать, и в муниципалитет сходить — подать апелляцию на неправильный налог с земельного участка — дел непочатый край, а ноги-то одни! Сынишка пока еще не помощник — маленький. В четвертом классе сейчас. Годочка два еще поучится, а там Лакхарам возьмет его из школы и посадит на мельницу: пусть ремесло осваивает, — а сам другими делами займется, знаю его, давно на Чоуко лавку купить хочет.

— Тррю... тррю... — дважды даю я свисток, чтобы привлечь внимание Лакхарам — он поднимает голову и смотрит на меня так, словно перед ним не живой человек, а истукан каменный.

— Ну как дела, Лакхарам? Почему такая спешка?

— И не спрашивай, дорогой! Плохие времена пришли, ох плохие! Третьего дня получил письмо: сообщали, что со свадебным поездом приедут человек тридцать, от силы — тридцать пять. А только что новая

⁵ Лудхиана — город в Пенджабе, центр текстильной промышленности.

весть: сто человек приезжают. Значит, готовься принять сто двадцать пять! Ни стыда у людей, ни совести! А сегодня уже надо за все заплатить. Вот я и подумал: а на кой мне такая свадьба — это ж одно разорение! Бегаешь тут, устраиваешь все, а там, видно, решили хорошенько погулять на дармовщинку, прямо нашествие какое-то. А еще благородными называются...

Мне вдруг чудится, будто свадебные свирели умолкают, музыканты бросаются наутек, а цветы в гирляндах вянут прямо на глазах. Я вспоминаю, что утром, уходя из дома, мать сказала мне: «Сегодня у Лакхарам последние приготовления. Вернешься поздно, знай — ключ у меня. Я дверь на замок закрою и тоже схожу, взгляну. А не пойти — люди скажут: загордилась мать субедара⁶, дескать, и знаться не желает. У бедняка тоже ведь своя гордость есть: не всякий идол для него бог. Сколько трудов положили, пока жениха нашли. А было время, скажу я тебе, когда невест искали: родные жениха вокруг родителей невесты так и увивались. Теперь все наоборот: жениха искать приходится. Да и жениха-то не всякого, а с разбором. Если парень работает, то хорошо, чтобы шофером. Шофер — добытчик: каждый месяц рупий сто-сто двадцать пять чистыми домой приносит. Еще лучше, если военный: тому даже больше платят. А главное, чтоб человек был... Другой такой девушки, как наша Папо, во всем квартале не сыскать. Восемь классов закончила. Ну а что за модой не гонится, так это время такое. Не сладкоежка, не франтиха... Что есть, то и одевает. Говорят, что ты, милоч, тоже...»

— Эй, ты! Заснул, что ли? Или глаза повылазили? Все движение остановил, а сам морду кверху задрал и на звезды любитесь, дармоед! — несутся раздраженные голоса.

Меня будто обожгло. Зовите сюда этого сукиного сына — тханедара⁷ Манохара Синха: не могу я больше, сил никаких нет. Утопиться и то лучше! Люди тебя как хотят облают, мать день-деньской пилит, а отец... Отец погиб в Бельгии, защищая интересы британской короны. Но тханедар и слушать меня не хочет... А ночью на

⁶ Субедар — низший полицейский чин.

⁷ Тханедар — начальник полицейского участка.

сердце у меня становится беспокойно... Что же делать?.. Куда податься?.. Дайте же мне умереть!.. Инкилаб зиндабад! Слава Матери-Индии!

Я правду, господин, говорю — все могу стерпеть, кроме оскорблений. Да к тому же от пустых, никчемных людешек, отцы которых и на карте Бельгии не видали. У них и днем и ночью забота одна — деньги заколачивать. Выдумали, понимаешь ли, созвать траурный митинг на Джалианвала-баг⁸, а на митинг пригласить из Дели самого Неру, чтобы в конце церемонии торжественно ему пятнадцать тысяч наличными вручить — для целей, дескать, развития страны. А на уме-то у них совсем другое: может, так он быстрее разрешит им автобусную линию Амритсар — Дели открыть...

...Бом-м-м!

Часы на башне, что возвышается прямо у меня над головой, бьют восемь. Мое дежурство кончается в девять. Вот она, моя ночь — с девяти утра. Сдав дежурство, я иду через Компани-парк домой. Но, господин, пусть я и не больно грамотен, однако ведь и у меня в груди бьется сердце. А сукин сын Манохар Синх вот этого-то и не понимает. Не могу я дежурить в ночное время. Честно вам скажу — хочется иногда провести вечерок с девушкой... Но об этом как-то сразу забываешь, стоит только вспомнить тханедара Манохара Синха, его грязную шею — грязь хоть ногтями отколупывай — и волосатые ноги, которые он почему-то очень любит класть на стол. Голову моет не чаще одного раза в месяц — да и то из-за страха перед гуру Нанаком⁹. А я, клянусь вам, господин, каждый день моюсь у колонки — той самой, где возчики поят лошадей, а вечером, возвращаясь с пастбища, утоляют жажду буйволы...

Однажды, когда я мылся под краном, пришла мне вдруг в голову мысль — а не пожаловаться ли мне высшему начальству на самоуправство тханедара Манохара Синха: может, тогда и переменят мне время дежур-

⁸ Джалианвала-баг — площадь в Амритсаре, на которой в апреле 1919 г. по приказу английского генерала Дайера была расстреляна мирная демонстрация жителей города.

⁹ Нанак (1469—1539) — основатель сикхизма.

ства или же в самом участке сидеть назначают. И однажды решился — пошел к начальству прямо на дом и доложил все как есть. После захожу вечером перед дежурством в участок — отметить, как положено, — и тут вдруг зовет меня тханедар да таким грозным голосом, ну того и гляди молнии метать начнет... Захожу я к нему, козыряю...

«С нынешнего дня, — говорит, — будешь нести ночные дежурства в Дхабе...¹⁰ Понял? А теперь можешь идти к начальству и докладывать, что Манохар Синх напивается до бесчувствия...»

Стою я ни жив ни мертв. Потом повалился проклятому в ноги, а слезы из глаз так и катятся.

«Не допустите, — говорю, — такой несправедливости, хузур. Там, — говорю, — в любое время прирежут. Ни за грош на тот свет отправят. Я ж у матери единственный кормилец...»

Ничего не помогло — так два месяца и отбарабанил я на ночных дежурствах в Дхабе, все ждал, когда же на меня нож поднимут. Наконец, дождался — утром во всех джалландхарских газетах будет напечатано... Не пожелал всевышний, чтобы сын отца, павшего смертью храбрых на полях Бельгии, был зарезан по приказу тханедара Манохара Синха на улочках какого-то паршивого поселка Дхаб.

Сам же поселок Дхаб, господин, оказался таким интересным местом, что я с удовольствием нес здесь ночное дежурство два месяца кряду. Центр, если хотите, столица этого поселка — рынок, где, сидя на кучках зерна, амритсарские торгаши похваляются друг перед другом своим богатством. А кончается дело тем, что все зерно это перекочевывает на склады самого богатого. Замки и запоры у складов крепкие, точно в тюрьме. Здешние грузчики пьют водку натошак, пустые бутылки тут же разбивают о камень. Днем говорить некогда — надо грузить. Приходит вечер — собираются в кружок, закуривают дешевые сигареты, и начинаются разговоры о бабах да жалобы на загубленную молодость.

У самой дороги там — яма, да такая глубокая, что в пей не только человек, тонга и та может свободно по-

¹⁰ Дхаб — окраинный район Амритсара.

меститься. Как появилась эта яма, я не знаю — люди разное говорят. Так или иначе в жизни поселка она имеет особое значение. Конечно, ям у них и без того хватает, но рядом с этой стоит известная всем жителям Дхаба лавчонка, где торгуют сладостями. Кроме сладких лакомств из ядрышек земляного ореха здесь продают и приправу из редиски и лука. Когда вечером какой-нибудь дюжий, голодный как волк рыночный грузчик, закинув ноги на стол, хрипло рывкает: «Ну-ка, хозяин, давай побыстрее жратвы на одну ану!», то у перепуганного лавочника, кажется, вот-вот свалится набедренная повязка. Косясь на темную, точно отлитую из бронзы ногу клиента, хозяин поджимает губы и вкрадчиво говорит: «Ты сначала взгляни, молодой человек, взгляни, пожалуйста!» Тот довольно ухмыляется: «На твой вкус, хозяин, на твой вкус!»

Веселый говорок торговца, здесь же, у тебя на глазах приготовленные сласти, острая приправа — все это располагает клиента: придет истратить одну ану, а при расчете выложит две.

В этом самом Дхабе полным-полно голодных, собаки из-за обломка обглоданной кости, бывало, так грызутся — только клочья летят. Собакам что? Собаки — не люди, они стыда не знают... А я хожу и смотрю то на страдающего бессонницей хозяина лавочки, то на яму, словно затаившуюся в предвкушении жертвы, то на грузчиков, которые, хорошенько поднабравшись, спят, играют в карты, матерятся, рассказывают сальные анекдоты про аппетитных дочек толстопуzych торговцев, меряются силой, дерутся, — словом, в ожидании нового дня каждый коротаеь ночь как может...

ТЬФУ ты!.. Свет прямо в глаза! Можно подумать, кто-то играет зеркалом, солнечных зайчиков пускает... Ох, уж эти лимузины!.. Что-то их много сегодня, и все увешаны гирляндами из живых цветов. Ага, вспомнил — ведь сегодня будет митинг оппозиционных партий. Со всего Пенджаба политиканы съехались, некоторые даже из Дели прикатили. Целую ночь будут речи говорить, а какие это были речи, люди узнают из газет завтра утром, ожидая у парикмахерских, когда пробьет девять. Почему девять? А потому, что все заведения в Амритсаре открываются ровно в девять, а закрываются без четверти восемь. Таков приказ. А народ у нас та-

кой, что в четырех стенах вообще сидеть не любит. Почистят зубы и чуть свет на базар. В жаркий сезон подтягивают дхоти повыше, чтоб ногам было прохладнее, а в холодный сезон спускают аж до самой земли. На ходу газетные заголовки просмотрят. Потолкуют о политике, каждый непременно выскажет свое суждение. Не поспуют на крепкие слова о дороговизне. Пожалуются на трудности с сахаром и углем. И под конец непременно обменяются мнениями о том, каким способом лучше всего уклониться от уплаты налога на торговлю. А вечером все население города вылезает на плоские крыши своих домов. Выползут и смотрят, что делается у соседей. Один постель готовит, другой сидит и что-то про себя мурлычет, а третий не спускает глаз с чужой крыши. Культура или там искусство никого здесь не интересует. Подсмотрел перед сном, как соседская дочка спать укладывается, — и тем доволен...

...До конца дежурства пять минут. Хочу потом зайти в Компани-парк. Там сейчас митинг оппозиционных партий. Приду, стану и буду слушать... А честно говоря, какой из этого слушания прок, раз тебя самого все равно никто слушать не хочет? Пусть их, пусть горло дерут! Охрипнут — замолчат, как я к примеру. Только у меня еще свисток есть — в случае чего и свистнуть могу. А что у них? Лозунги? На кой они нужны? Другое дело — Ганди, Бхагат Сингх ¹¹ или Лала Ладжпат Рай ¹²... Да мало ли еще кого назвать можно. Такой длинный список выйдет, что мой отец в самом хвосте окажется: до такого числа я даже считать не умею...

Бом-м!.. Раз... два... три... четыре... пять... шесть... семь... восемь... девять! Все! Мое дежурство кончилось. Конечно, уйти я могу и раньше девяти. Но я и сам не хочу. Не хочу позорить доброе имя отца, который пал смертью храбрых на полях далекой Бельгии, сражаясь за интересы британской короны. Уважение к воинскому долгу у меня в крови, господин. И вот я свищу в последний раз, кладу свисток в карман и спускаюсь с широкой плоской тумбы на асфальт площади.

¹¹ Бхагат Сингх — выдающийся индийский революционер, использовавший преимущественно методы террора. Повешен в 1931 г. по приговору английского суда.

¹² Лала Ладжпат Рай — известный деятель национально-освободительного движения в Индии. Погиб в 1928 г.

Ночь... Это не просто ночь, господин, это амритсарская ночь, наполненная таким пьянящим ароматом молодости, что ноги сами собой пускаются в пляс... Только я вот что хочу сказать вам, господин... Раньше не хотел говорить, а теперь скажу... Хотя эта ночь расцвечена бесчисленными красками, в ней есть нечто такое, отчето, как только темнеет, весь город становится чем-то похож на кладбище. И это «нечто» — безмолвие...

Мой сосед Гурдаттамаль, натужно, по-старчески кашляя, говорит невесело:

«Люди... где же люди? Умерли они, что ли? Откуда им знать, что я одной недвижимости в Равалпинди¹³ на сотни тысяч рупий оставил. А по иску о возмещении убытков дали мне только этот дом... на нем и крыши-то порядочной нету. Лопнет когда-нибудь мое терпенье, доберусь я до правительства и как заору что есть мочи... «Другим,— скажу,— вы тысячи выплатили, а я когда получу за свою лавку, за склад с зерном? Отвечайте!.. Вот куплю завтра конверт за две аны, напишу письмо и отправлю главному министру штата. Хузур, напишу...»

«Теперь за две аны конверт не купишь, отец, давай лучше спи,— сказал я ему как-то ночью.— Ну что ты кричишь, спать не даешь? Ночью спать надо, а если не спится, лучше помалкивать».

«Да я и так помалкиваю, субедар. Разве я не понимаю, что от моих слов ничего не изменится? Сердце вот терпеть не может... Все Равалпинди вспоминаю, дом собственный — трехэтажный был дом... Веранда, возвышение у входа... И как утром по всему дому аромат из кухни расползался... И как петух утром буйволов будил... Так и слышу перезвон колокольцев у них на шее...

Эх, субедар, все прахом пошло...»

А у меня, господин, перед глазами одна и та же картина. Вижу я родной Амритсар — город, превратившийся в кладбище, и гробовая на этом кладбище тишина. Слышится лишь глухой старческий кашель и невеселый, больше похожий на плач, смешок... Кто-то покупает конверт за две аны и, полный надежд, садится

¹³ После раздела Индии в 1947 г. Равалпинди отошел к Пакистану.

писать письмо. Грузчики с рынка пьют водку, играют в карты и рассказывают сальные анекдоты. Хозяин лавчонки, где торгуют сладостями, жалуется на свою судьбу. Под покровом ночи площадь заполняется черной безликой толпой, которая, громко скандируя какие-то лозунги, уходит неизвестно куда. А невдалеке в тусклом, словно больном, свете слабой лампочки, упрямой под грязный жестяной колпак, что болтается на столбе, ребяташки из соседнего квартала с увлечением играют в полицейских и разбойников...

И вместе с этой картиной перед глазами у меня непременно всплывает другая — Компани-парк, через который я обычно иду на службу и возвращаюсь домой. Ведь если я иначе пойду, то безмолвие, то самое, о котором я вам только что рассказал, меня доконает... Компани-парк... Райское место, скажу я вам. Только вошел, как сразу на тебя повеет дивным ароматом — будто рядом с тобой легким шагом прошла красotka в шелковом сари, гордо неся голову с тяжелым узлом волос, перевитых тонкой гирляндой из жасмина. Вот поэтому-то, господин, я и хожу сюда каждый день. Все надеюсь на удачу, а она, видно, обходит меня и в руки не дается. Завалиться, что ли, где-нибудь под розовым кустом да и проспать вот так всю ночь?..

Там на скамейках парочки обычно воркуют, и так они собой заняты, что спроси у кого-нибудь, кто такая Гулит Каур, и не ответят. А ее лачуга-то здесь же в парке, только на другом конце. Единственный ее сын, видный такой парень, Крипалом зовут, — так вот он служит где-то в Гималаях, на границе. Как пройдет слухок, что не сегодня-завтра война, — старуха места себе не находит. Сын — вот и вся ее радость в жизни. А я старуху эту знаю. У нее всю ночь светильник не гаснет и дверь открытая стоит. Все ждет старуха, что сынок в отпуск приедет. Приедет — а дверь закрыта! Еще подумает, что мать его забыла! Муж у нее тоже был солдатом, погиб четыре года назад, когда наши освобождали Гоа. Теперь и сын солдатскую форму надел. Сам-то я насчет войны ничего не знаю, господин, газет ни разу в жизни не читал, зато частенько приходится слышать, что толкует по этому поводу тханедар Манохар Синх.

Эх, господин! Разве изменится что, если и я про вой-

ну толковать примусь? Разве словами ее остановишь? Только чувствую я, нам еще одна встряска нужна. Вот тогда, может, и изменится облик Индии. И будет у меня свой дом. И земля тоже будет,— я это точно знаю...

Видите, цветок у меня красный? Это я сорвал, проходя через парк. Я каждый день по цветку срываю: уж очень они хорошо пахнут. Иду домой и нюхаю. Сегодня моя мать отправилась к Лакхараму по прозвищу Мукомольня — попеть-то тоже иногда хочется... А это что такое?.. Эй ты, парень! А ну-ка, вставай! Кому я говорю? Убирайся отсюда подобру-поздорову! Слышишь? Человек ты или скотина? Развалился рядом с розами, точно в собственном саду!.. Утро? Утро еще впереди. Утро с рассветом придет... Ты лучше скажи, как тут очутился!

...Вот подлец, опять спит! Ну, я ему покажу! А ну, вставай!.. Не понимаешь слов — получай по шее! Что? Я не дерусь, а учу! Вот так! И пошли!

Веду это я его, голубчика, и только довожу до входа в участок, как вдруг чувствую на ладони что-то кругленькое и холодное-холодное, точно это кусочек льда. Мои пальцы разжимаются — он выдергивает руку и, нетвердо ступая, снова плетется в глубь парка. Ну его, пусть досыпает... А луна, словно потягиваясь после сладкого сна, лениво поднимается из-за густых черных крон. И позади меня на тротуаре тотчас пристраивается изломанная черная тень. Звезд на небе сегодня, кажется, выпало больше обычного. Все как в песне:

Светило — для влюбленных,
Светильник — для сирот,
Никто тебя, родимая,
На рыпок не свесет.

Ну вот и мой переулочек. А у Лакхарамы еще поют.

...Куда она делась, та вещица? В этот карман, моему, сунул... Ага, вот она! Что ж это за диво? Посмотрим!.. Монета в четыре аны! Совсем новенькая: блестит словно луна... Похоже, завтра я все-таки пойду к тханедару Манохару Синху и подам прошение на отпуск: как, мол, хотите, а мне что-то нездоровится, и па дежурство выйти я не смогу. Наконец отосплюсь...

ПРЯЯГ ШУКЛА

ПРИЕЗЖИЙ В ХАЙДАРАБАДЕ

Хотя мне давно уже хотелось побывать в Хайдарабаде и расписание поездов, кажется, было выучено почти назубок, я сразу же допустил ошибку, взяв купейный билет на экспресс Калькутта — Мадрас. Чтобы исправить эту ошибку и обменять билет, мне пришлось дважды наведываться в кассу. Выслушав меня, респектабельного вида господин, сидевший там, удивленно пожал плечами:

— Зачем это вам нужно? — сказал он по-бенгальски. — Ведь так очень удобно...

Когда же я стал сбивчиво объяснять ему, что еду в Хайдарабад в первый раз, а поезд прибывает туда только в десять вечера, кассир рассмеялся:

— Хайдарабад — не какой-то глухой полустанок, вы и в десять вечера сможете воспользоваться автобусом, а не захотите — к вашим услугам такси, велорикши... Хайдарабад — очень большой город...

Однако у меня не было никакого желания очутиться ночью в совершенно незнакомом городе, какие бы блага он мне ни сулил. Поэтому я стал настаивать, и кассир

все так же вежливо объяснил: чтобы сдать билет и приобрести новый, я должен написать заявление на имя помощника старшего дежурного. Я написал заявление, и господин в кассе был так любезен, что сам сходил к помощнику старшего дежурного и, получив его санкцию, принял у меня билет на экспресс, после чего выдал новый — на мадрасский почтово-пассажирский, который прибывал в Хайдарабад не ночью, а днем.

Это было четыре месяца назад, и повод, который заставил вспомнить этот случай, был совершенно неожиданный... Как-то вечером, уже находясь в Хайдарабаде, я по просьбе своей младшей сестры зашел навестить ее подружку, которая только что вернулась из Калькутты. Хотя родным языком девушки был телугу¹, она бойко говорила на хинди, и, кроме того, я несколько раз встречал ее у сестры. Мы разговаривали, она оказалась интересной собеседницей и знала все калькуттские новости. Мы так увлеклись, что, когда я вышел от нее, уже стемнело. Нанимать велорикшу у меня не было ни желания, ни денег, и поэтому я решил дойти до отеля пешком. Вот тут-то мне и вспомнилась фраза, сказанная вежливым господином в калькуттской железнодорожной кассе: «Хайдарабад — очень большой город...» Да, этот господин был прав: мимо неслись автобусы, такси, моторикши — все к услугам пассажира, даже если он приехал в Хайдарабад поздней ночью.

— Каким вам кажется Хайдарабад ночью? — спросил я однажды совершенно незнакомого человека.

— Каким кажется?.. Спокойным... Вокруг тишина и спокойствие.

— Но то же самое можно сказать почти о каждом городе, — рассмеялся я, но, подумав, решил, что правы мы оба: действительно, так можно сказать почти обо всех городах, в том числе, естественно, и о Хайдарабаде... Однако если с таким же вопросом я обращаюсь к рикше, то он, наверное, ответит: «В холодный сезон пассажиров мало». Подойду к фабричному рабочему или к хозяину лавочки, торгующему бетелем на углу, — и опять ответы будут другие. Мнение отставного полицейского не совпадет с мнением того, кто еще служит:

¹ Телугу — один из основных языков, относящихся к дравидийской группе. Распространен главным образом в штате Андхра Прадеш, столицей которого является Хайдарабад.

да и он скажет, что почь, в которую ему приходится дежурить, не похожа на ту, которую он проводит в каком-нибудь клубе... Кроме несущих ночные дежурства врачей, медсестер, полицейских, которые не смыкают глаз по долгу службы, есть еще несколько категорий полуночников: безработные, не знающие, где приклонить голову, поэты, до утра терзающие себя поисками нужного слова, танцовщицы, вынужденные развлекать званных гостей, любовники, не знающие устали в пылу страсти,— спросите любого из них — ответы и ощущения будут абсолютно неодинаковыми... Словом, ночь в каждом конкретном городе разным людям открывается по-разному.

Абид-шоп и Султан-базар... В любом городе, большом или малом, есть свой, ни на какой другой не похожий базар — в Хайдарабаде таких базаров два! Кажется, все как на обычном базаре: разноголосый гомон, толпа,— но здесь нет суеты и спешки. Люди неторопливо прогуливаются перед витринами магазинов, украшенных разноцветной неоновой рекламой. Действительно, магазины в Хайдарабаде красивые. Оставив машины у самого тротуара, богатые клиенты нарочито медленно делают покупки или ведут праздную беседу со случайно повстречавшимися знакомыми. Никого из них я, к сожалению, не знаю...

Поднявшись на затянутый сизой вечерней дымкой холм, где раскинулся Мураднагар², я смотрю сверху па город. Все видно как на ладони. В зелени садов утопают особняки, старые, потемневшие от времени и только что отстроенные, сияющие белизной. Здесь живут высшие чиновники — работающие и вышедшие в отставку, богатые заминдары — владельцы огромных поместий...

Наверное, это их машины стоят перед магазинами, за которыми — паутина улочек и переулков, с тесно лепящимися убогими домишками, где ютятся семьи с незначительным достатком... На все это разноцветье и пестроту неторопливо наползает темнота...

Я медленно поднимаюсь по ступенькам. Ресторан «Кволити». Легонько толкаю входную дверь и оказываюсь в зале... Приглушенно звучит музыка — кто-то включил проигрыватель. Выбираю крайний столик. За

² Мураднагар — район Хайдарабада.

зеркальным, во всю стену, окном видны ярко освещенные витрины магазинов и похожие на черных жуков, поблескивающие лаковой краской машины, празднично фланирующая публика...

Подходит официант — я заказываю кофе, прошу принести побыстрее. А пока принимаюсь разглядывать группу юношей и девушек, расположившихся за соседним столиком. Они, несомненно, местные, что чувствуется по их поведению. Болтают, смеются как ни в чем не бывало. Вот новая пластинка опускается на круг проигрывателя... Сейчас опять зазвучит музыка — может быть, песня окажется мне знакомой. «Когда на землю спускается вечер...»

Да, здесь приятно. Зал постепенно наполняется людьми, среди которых уже можно различить лица тех, для кого посещение ресторана входит обязательным пунктом в ежедневную программу. Я кланяюсь кому-то и, вновь опускаясь на стул, окидываю взглядом зал: все то же, что и в любом большом городе...

Пора... Ухожу, как из кинотеатра после просмотра исторического фильма: вышагиваешь неторопливо и торжественно, и мысль еще очень нескоро обретает привычную суетливую бойкость.

За перекрестком — улица, пологий спуск. По обе стороны — насколько хватает глаз — лавчонки, лавчонки, лавчонки... Невольно начинаешь вспоминать... В Калькутте на Чауринги до глубокой ночи сует оживленная толпа, в Дели на Конноут-плейс... Нет, в Дели совсем не так, как в Калькутте... А здесь народу поменьше да и блеску тоже... Прохожу немного и останавливаюсь, дрожа от холода... За деревьями, над тускло освещенным циферблатом часов — броская неоновая реклама в виде креста... Крест, висящий над временем... Проходя мимо, читаю: «Церковь святого Георгия». Здесь стоит темнота, в густых кронах слышится легкий шорох... И снова тишина.

Мне нравится ездить на велосипеде, особенно если улица безлюдна. А сейчас я не один: рядом в коляске велорикши едут два моих приятеля. Так мы договорились: для них нанимается рикша, а я качу на велосипеде...

— Впереди перекресток,— говорит велорикша, вид у него изможденный, кажется, что он и педали крутит через силу.— Вы бы сошли... Здесь небезопасно... У коляски задний фонарь погас...

Погас фонарь — значит, кончился керосин, и ехать дальше рикша не имеет права. Мои приятели вылезают из коляски и, забрав у меня велосипед, направляются к какому-то парнишке, что сидит напротив прямо на тротуаре. Я плетусь следом за ними... В крохотной лавчонке есть то, что нам необходимо: керосин, спички... Лишь после этой ночи я начинаю замечать других таких же подростков, присматриваюсь к лавчонкам, у которых они сидят. Лавчонки Хайдарабада!.. Нищие, убогие, бездоходные. В крошечной тьме, дрожа от холода, ежатся оборванные ребятишки. Зорко следят они за проезжающими, не погас ли у кого из рикш сигнальный фонарь...

Таких дозорных, плата за службу которым составляет лишь горсточку риса, держат все хайдарабадские лавчонники. Торгуют они и съестным: картошку, лук, зеленый перец, пирожки, бананы, апельсины можно купить здесь и в полночь...

Сегодня я что-то припозднился. А после того как пробьет без четверти десять, в «Тадж Махале» ужин не подают. Торопливо избегаю по ступенькам. Господин, продающий талоны на ужин, завидев меня, приветливо улыбается. Успел!..

В зале уже полным ходом идет уборка. Официанты сгребают со столов и выносят аккуратно нарезанные пальмовые листья, они используются здесь как одноразовые подносы.

Спустившись, вижу: у входа стоит утомленная дама с девочкой, мужчина средних лет возится с багажом у машины. Наверное, семейство из провинции, приехавшее поглядеть на столицу штата...

Выйдя на улицу, заворачиваю к передвижной лавочке за углом, покупаю немного сладостей.

Напротив — лачуги, крытые соломой, красные огоньки светильников и черные тени, большие и маленькие, которые трудно рассмотреть и еще труднее узнать... Как-то ночью я оказался на этом же самом месте. Было холодно, у меня зуб на зуб не попадал. Обитатели лачуг — мужчины и женщины — занимались каждый сво-

им делом: кто-то стирал, кто-то штопал одежду, кто-то орудовал утюгом. Пронзительно орал мальчишка, которого, видно, пороли, но на его вопли никто не обращал внимания. Кому придет в голову, что это соломенное убожество именуется «Нэшнял хатс юнион»³? Однажды мне довелось даже видеть организованную пм демонстрацию: по улице медленно катилась передвижная лавка, на стенке которой намалевали окно и дверь, а сверху набросали соломы. В переводе на общепринятый язык это должно было означать: лачуга — тоже богатство...

На город уже опустилась темнота. Велорикша проезжает мимо поселка Дхульпетх. Крохотные домишки, вопочие, грязные переулки... Подобные районы есть, наверное, в каждом индийском городе. Я видел такой в Канпуре, в предместьях Калькутты...

Потом — огромные вековые парки и потемневшие от старости дворцы, жизнь в которых, кажется, остановилась, замерла, будто время не коснулось их. Мы словно въезжаем в тишину, и она, словно невидимый шлейф, еще долго тянется следом. Если вслушаться, можно расслышать где-то вдали грустную мелодию. Листья, беззвучно опускающиеся на темную землю, тень пролетевшей птицы, неподвижный воздух, запах зелени и гнили, слабый свет, пробивающийся сквозь неплотно прикрытые ставни... Жалкие обломки жизни...

Здания, возведенные на невысоких холмах... Своеобразная архитектура... Несколько дней назад Хумаюн Кабир⁴ сказал, что Хайдарабад — самый красивый город в Индии... Изумительный Чар Минар⁵, Верховный суд, Университет Османия, библиотека, сколько еще таких уникальных строений — больших и малых!

Два дня я жил по соседству с Чар Минаром. Маленькая комнатка, которую я снимал, привлекла меня лишь тем, что единственное окно ее выходило в садик, такой же маленький и ухоженный. Вероятно, я бы там и

³ «Национальный союз владельцев лачуг» (англ.).

⁴ Хумаюн Кабир (род. 1906) — индийский общественный деятель и писатель, в 50-е годы министр просвещения в правительстве Индии.

⁵ Чар Минар (букв. «четыре минарета») — величественная арка с четырьмя башнями, возведенная в центре Хайдарабада в 1591—1593 гг. по приказу султана Мухаммада Кули Кутубшаха (1580—1612).

остался, если бы не гул, доносившийся из расположенной поблизости трансформаторной будки. Пока город еще не засыпал, это еще можно было терпеть, но, когда вокруг воцарялось безмолвие, шум становился совершенно непереносимым: лежишь без сна, ворочаешься, а встанешь — не то что писать, читать невозможно.

Коляски велорикш, верх поднят, на каждой занавеска. Занавески и на оконцах такси. Плотным занавесом отгорожены места в автобусах, в залах кинотеатров: он поднимается, едва в зале гаснет свет. Занавес, невидимый, но непреодолимый, разделяет, кажется, весь город. Он составляет своеобразие этого города, его суть.

Мне нравится путешествовать по Хайдарабаду: все равно как — пешком или на велорикше... По обе стороны ярко освещенной, исчерканной черными тенями улицы — дома, тихие, уютные, погруженные в сладкую дрему. Бывая здесь, я всякий раз думаю: каждое здание, каждый предмет существуют в этом городе сами по себе и объединяются лишь в случае крайней необходимости. В остальное же время у всех у них своя, особая жизнь. Сладкая дрема...

В полночь я возвращаюсь к себе. Легкая коляска велорикши петляет незнакомыми мне улицами и переулками. Я настораживаюсь. Запах... Вся дорога словно усыпана цветами. Аромат так густ, что, кажется, его можно коснуться рукой. Справа и слева возвышаются роскошные особняки. Но вот, словно прорвав душистую завесу, коляска попадает в совсем другой мир. Прижимаюсь друг к другу, плотной стеной стоят крохотные, окутанные мраком домишки. Лишь кое-где проблескивает слабый свет. Нигде ни звука. Распахнуты двери портняжной мастерской, люди согнулись над работой... Цветочного аромата здесь нет, но воздух такой же плотный, словно застывший...

Дома в Хайдарабаде невысокие, большинство — однопэтажные или двухэтажные. При каждом — садик (исключение составляют дома, где ютится беднота) из нескольких деревьев, нескольких кустов декоративных растений, по стенам — побеги плюща. Все это цветет, источая тонкий аромат, который ночью становится густым.

Прямо на тротуаре разложили свой товар букинисты. Чтобы в тусклом уличном освещении разобрать название книги, приходится нагибаться почти до земли. Народу здесь почти нет. Только изредка появится одинокая фигура. «Будьте добры», «Греческие трагедии», «Смерть в Венеции»... Разглядев это название, я испытываю радость, как от встречи со старым знакомым. Сумерки все сгущаются, а я так и хожу от одного букиниста к другому, перелистываю страницы когда-то прочитанных книг, вспоминаю под гомон толпы и шум машин знакомые сюжеты и образы и проникаюсь радостью узнавания, столь чуждой окружающему убожеству.

На перекрестке толпа. Рядом с автобусной остановкой — киоск, набитый иллюстрированными журналами и дешевыми книжонками в пестрых переплетах. Разноцветье неоновой рекламы.

Мне не довелось ни разу подняться на холм Ноубат, хотя, гуляя по Народному парку, я часто видел темные фигуры, взбирающиеся и спускающиеся по его склонам. Говорят, что оттуда открывается изумительное зрелище Хайдарабада — небрежно брошенное, сверкающее драгоценными камнями ожерелье на черном бархате ночи: город никогда не выглядит таким празднично сверкающим, каким предстает он взору, когда смотришь на него сверху. Даже Сикандарабад⁶ со своими тусклыми фонарями кажется каким-то загадочным.

Хайдарабад и Сикандарабад — какая-то английская газета даже назвала их близнецами. Они и в самом деле ничем не отличаются друг от друга — ни архитектурой зданий, ни расположением улиц. А первоклассных отелей и кинотеатров в Сикандарабаде даже больше, к тому же там находится кантонмент — военный городок. Я походил ночью по Сикандарабаду. В лавчопках, где торгуют бетелем, — дешевые журналы... Вперемежку новые и старые здания. Нигде ни звука, только изредка, сердито урча, проезжают полупустые автобусы, подбирая на остановках редких полуночников...

Какой-то прилично одетый мужчина задерживается у лавчонки, просит дать ему содовой и, прихватив бутылку, неторопливо шествует дальше. В этих городах-

⁶ Сикандарабад — один из пригородов Хайдарабада.

близнецах почти на каждой улице можно встретить вывеску «Вина» или «Бар»...

За рынком Моаззам-Джахи, на вытоптанном пятак-ке или прямо на тротуаре, поставив перед собой откры-тые бутылки, сидят мужчины и женщины. Известно, что здесь по дешевке можно купить пальмовое вино. Не случайно это место популярно среди фабричных...

Примостившись у буфетной стойки, я допиваю последнюю чашку чая. Это значит, что скоро десять и те, кто войдет после меня, останутся без чая. Хотя выстав-ка еще не закрылась, буфет продолжает работать и пе-оновая реклама сияет так же ярко,— однако толпа по-сетителей заметно поредела.

Я прячу руки в карманах пальто. Правда, сегодня относительно тепло, хотя временами поневоле вспоми-наешь, что на дворе холодный сезон. Ежегодная «Все-индийская промышленная выставка» устраивается всегда в январе — феврале. Задержавшись в лавке, где торгуют тканями ручного производства, Омпракаш Нирмаль и мой одноклассник Мусхаф Икбаль Тоусифи со-средоточенно роются в куче покрывал и скатертей. А я пока что выясняю, из какого города прибыл этот товар.

— Такой товар только у моего хозяина,— значи-тельно говорит приказчик, сноровисто развертывая по-купку. В темном углу, прямо на тюках материи, спит мальчонка лет десяти-двенадцати. Этот небольшой по-селок исчезнет в тот же день, когда закроется выставка.

После выставки мы заходим в какой-то недорогой ресторан и сейчас сидим в отдельном кабинете, гото-вясь слушать новые стихи моего друга Тоусифи. Сна-чала он колеблется, потом, осмелев, негромко начинает:

Пусть люди говорят, что я забыл тебя.

Не верь молве: я жду свиданья.

И хмурым днем, и лунной ночью — со мною ты.

Минута без тебя приносит мне страданья.

Закончив чтение, Тоусифи умолкает. То, что он про-читал, по-своему сближает нас. Мы допиваем чай и идем на улицу.

Тоусифи направляется к стоящему у тротуара вело-рикше.

— Сколько возьмешь: один пассажир до Химаятна-гара?

— Двенадцать ан,— отвечает паренек лет пятнадцати.

— Я ведь местный, братец! Меня не проведешь,— смеется мой приятель.— Шесть ан...

— Семь! — возражает тот.

— Ладно, пусть будет семь,— соглашается Тоусифи.

Я прощаюсь с друзьями и усаживаюсь в коляску.

Мы стремительно несемся вперед.

— Почему такая спешка?

— Мне надо успеть обратно к окончанию сеанса,— отвечает рикша.

Да, теперь последний сеанс в кино заканчивается в начале или в половине первого ночи.

Быстрее, еще быстрее! Неожиданно соскакивает цепь... Коляска останавливается. Вокруг — ни звука. Только откуда-то издали доносится ленивый лай собак... И вот коляска снова мчится по безлюдным улицам, а перед ней, подмигивая кроваво-красными глазами, поблескивающая черным лаком машина...

Велорикши, один за другим, словно на параде, проезжают мимо автобусной остановки, что у Султан-базара. Короткие реплики:

— Вам куда, сахаб?

— Всего три аны, сахаб..

— Длинный конец, сахаб. Пять ан!

— Вам куда?..

Сидя на ступеньках закрытой лавки, кто-то, прихлебывая чай из стакана, неторопливо рассуждает:

— Отчего ты думаешь, что не имеешь права так жить?..

Я оглядываюсь: а может, он и не чай пьет, может — вино. Жизнь иногда преподносит такие сюрпризы, она и обыкновенный чай может превратить в сладкое вино...

Вверху голубая неоновая вывеска «Банк Андхры». На территории женского колледжа темно, пустынно и тихо. Открыты только две-три лавчонки, где можно выпить стакан чая. На остановке несколько человек ожидают автобус. Даже ночью странно видеть безлюдными те места, где днем не протолкаться...

Иногда от Абид-шопа я иду пешком до самого Хп-маятнагара — мимо отеля «Тадж Махал», мимо методистской церкви, мимо дворца «Кинг-котхи», мимо кладбища... У отеля «Ирани» делаю передышку, подкрепляюсь чашкой чая... Здесь любят слушать мелодии из популярных фильмов: заканчивается одна пластинка — ей на смену тотчас же ставят другую. Думаю, что во всей Индии найдется не очень много городов, где так часто и в таком количестве звучат песни, пришедшие с экрана...

Иногда часов в десять — половине одиннадцатого хочется засесть за письма, чтобы тут же, не откладывая, опустить их в почтовый ящик. Выемка писем — в половине шестого утра... Пока их соберут и рассортируют, будет уже одиннадцать... Закрыв комнату на замок, я выхожу на веранду... Написал письма — значит, должен их без промедления отправить. Что делать — старая привычка...

Здания и улицы темны, только в мазанке на задворках едва мерцает лампочка, в слабом свете которой почти неразличимы деревья, каменные стены, никелированные туловища автомобилей...

На лестнице тоже темно. Я осторожно начинаю спускаться по ступеням.

Ящик для писем находится прямо напротив. Опустив письма, я осматриваюсь: глухая полночь, но в такое время как на грех обуревают желание выпить чашечку горячего, ароматного чая. И я иду дальше — мимо каменных зданий, ветхих лачуг, отеля «Тадж Махал»... Вот бензозаправочная колонка, вот дровяной склад, вот ремонтная мастерская... Две лавчонки на перекрестке все еще открыты, и из-за угла медленно выворачивает последний автобус на Сикандарабад... Из отеля «Ирани» несутся звуки музыки — это крутят пластинки, а у входа раздаются крики мальчишек-лоточников, наперебой расхваливающих сладости, изготовленные на кухне ресторана.

Неторопливо потягивая крепкий чай, я разглядываю все, что выложено на витрине: различные сорта мыла, печенье, зубную пасту.

Паренек лет двенадцати, который подал мне чай, уже уплетает за обе щеки подрумяненную лепешку, обмакивая ее в какую-то приправу. Другие мальчиш-

ки, окружив счастливец, дразнят его. Выдрав чуть ли не половину лепешки, один из них делает вид, что убеждает, но тут же возвращается и, будто сжалившись, протягивает лакомство законному хозяину.

Кто-то меняет пластинку...

Расплатившись за чай, выхожу на улицу... Перед кинотеатром «Дипак-махал» — длинная очередь велорикш, хотя до конца сеанса еще почти час...

Город, где новые здания чередуются со старыми... Город, в котором новая культура причудливо сплетается с культурой средневековья... Город, где ипдусская традиция сплавлена с традицией мусульманской... Город поэтических образов и трезвого рационализма... Поразному называют этот город, как будто ночь, окутывающую его, можно разделить на части...

А вот, наконец, и Сикандарабад... Темные фигуры на скамейках, что стоят вдоль перил моста, и причудливые отблески на поверхности реки... Резкая смена света и тени в Народном парке... Стремительно проносящиеся по пустынным улицам машины и устало нажимающие на педали велорикши... Буйство неоновой рекламы и тусклые огоньки светильников... И куда ни глянь, всюду — чайные: у входа в роскошный отель или в бар и рядом с поселком, где живет беднота... Оглашающая весь квартал мелодия из популярного фильма — и тишина, нарушаемая лишь короткими свистками паровозов да хриплыми фабричными гудками... И всюду глаза — голодные и сытые, блестящие и сонные... Глаза... Свет счастья и мрак печали... Ночные грезы и муки бессонницы...

Ночь много видит, много слышит, много терпит... Ночь — единственный свидетель всего того, что творится в окутанном тьмою городе, свидетель всего того, чего никто другой, может быть, никогда не увидит и не узнает...

КРИШАН ЧАНДАР

НОЧЬ В СРИНАГАРЕ

Город мирно дремлет в чаше между гор, тесно прижавшись к их подножиям, словно ребенок к груди матери.

Подернутый вечерней дымкой, город медленно погружается во тьму, напоминая тяжелогруженный пароход, который, с натугой ворочая винтами, упрямо движется к родным берегам.

В темной чаше города, кажется, есть все: кровь несбывшихся желаний и хмельной напиток молодых порывов, соленый пот и горькие слезы, тепло натруженных ладоней и влажная прохлада реки. До наступления темноты все это скапливается на дне чаши, отжатое неутомимыми руками кашмирца, и, как бы горька ни была она, усталый город готов испытать ее, лишь бы не померкла надежда на завтрашний день. Потому что только в надежде на завтра заселяются города и текут реки, восходит солнце и рождается новый день.

Я живу в отеле «Пэлас», что на самом берегу озера Дал. Когда-то это был дворец, впрочем, дворцом он

остался и теперь. Только теперь вместо прежних титулованных правителей: раджей и махараджей, низамов и гаекваров — здесь останавливаются новые хозяева — шахи и навабы промышленной эры, за одну ночь прокучивающие такие деньги, которых с лихвой хватило бы, чтобы накормить население целого квартала.

Вот этот господин — некоронованный король нефти. По старым понятиям, он — тели¹, и в прежние времена его сюда бы даже на порог не пустили. А теперь это желанный гость и, закрывшись в своем люксе, он поит шампанским компанию человек из пятнадцати. Отчего бы ему не позволить себе такую роскошь, если в Техасе ему принадлежат двадцать скважин, а вчера пришла телеграмма с сообщением, что открыта двадцать первая? Вот почему и шампанское льется рекой, и любовница короля трясется от страха — она знает незыблемое правило своего повелителя: новая скважина — новая любовница.

А эта дама из Канады — владелица многих газет и журналов. Ума у нее нет никакого, зато есть волшебная палочка, с помощью которой она определяет размеры фотографий, помещаемых в ее журналах. Чем больше и красочней фотография — тем больше тираж, потому что, как известно, наше время — это век фотографов, а не живописцев.

Она тщательно следит за своей внешностью, стремясь сохранить свежий цвет лица, стройность ног, упругость груди, гибкость талии. Поэтому она постоянно борется со своим телом, добиваясь, чтобы на лице не появились предательские морщинки, чтобы ноги не потеряли стройности, груди сохранили упругость, а тело избежало ожирения.

Когда-то эта дама была красавицей, однако в непрестанной борьбе со старением она растеряла былую красоту. Правда, ей удалось сохранить прежние пропорции, но очарование юности давно уже покинуло ее. В какой-то день она сердцем почувствовала это, но признать горькую истину и тем более смириться с нею не пожелала, поэтому каждый день она подолгу возится

¹ Тели — член касты маслоделов.

с косметикой, взвешивается, производит обмер талии, стараясь убедить себя, что ничего не изменилось. Дама эта очень богата. За свою жизнь она сменила пять мужей и каждому из них многократно наставляла рога. В Сринагар она прибыла, имея при себе молодого лакея-негра, хотя нет больших врагов всего негритянского, чем принадлежащие ей газеты и журналы. Сейчас, отбросив все, о чем трубят ее газеты, она, лежа в постели, распиивает вино со своим черным стражем, беззастенчиво ощупывая взглядом его молодое упругое тело. В прежние времена такую называли бы попросту шлюхой, но сейчас это слово даже вслух произнести боятся, потому что нашей даме принадлежат двенадцать журналов, две ежедневные газеты и пять еженедельников. А немного погодя, сопровождаемая черным телохранителем, она выйдет на берег озера и, любуясь прекрасным видом, будет совершать традиционный вечерний моцион.

А этот господин — хозяин «Нарбада фэкториз», крупнейшей в Индии фарфоровой фабрики. Посуду, изготовленную на его фабрике, можно встретить в любом доме. Хватит смелости — называйте его кумхаром². Только боюсь, что добром для вас это не кончится. Потому что друзья у него повсюду — от полицейского участка до министерства, и все смотрят ему в рот: от него они имеют не только тарелки, но и то, что подают на тарелках. Кто-то из них по секрету шепнул ему, что в Кашмирской долине нашли каолин, пригодный для изготовления великолепного фарфора — намного лучше того, что выпускает «Нарбада фэкториз». Поэтому полтора месяца назад он обосновался в отеле «Пэлас» и добивается от правительства штата разрешения осушить озеро Дал, так как, облазив все уголки Кашмирской долины, его специалисты доложили, что залежи каолина находятся под самым дном озера. Для проведения осушительных работ он готов тотчас же выложить двадцать миллионов рупий и никак не может понять, почему правительство штата неизменно отвечает

² К у м х а р — горшечник, член касты, наследственным занятием которой является гончарное дело.

ему отказом. Для него не существует такого понятия, как красота, не существует ни закатного неба, отразившегося в зеркале озера, ни розовых лотосов, замерших на его глади, ни мечты поэта — украшенных цветами шикар, этих гондол индийской Венеции. Поэтому он по несколько раз в день выходит на берег озера, — не выходит, а стремительно выбегает, — и, остановившись у самой воды, в бессильной ярости ударяет себя кулаком в грудь и со слезою в голосе восклицает:

— Мне не дают даже грязи из этого проклятого озера! Почему, я вас спрашиваю, почему?!

А вот этот — продюсер. На своем последнем фильме, местом действия в котором был избран Дарджилинг, он заработал миллион рупий. Свой новый фильм он будет снимать в Сринагаре и намерен заработать на нем не меньше полутора миллионов. Виды Сринагара, действительно, очень красивы — озеро Дал, фонтаны Чаш-машахи, изумрудная зелень Нишат-бага или Шалимара, усыпанные яркими цветами альпийские луга Гульмарга... И все это будет в его фильме, хотя красоты Кашмира не более как фон, основное назначение которого — подчеркнуть аппетитные формы какой-нибудь смазливенькой актрисы.

Продюсер продает красоту, но бросить ему в лицо, что он базарная сводня, у вас не хватит смелости, потому что в банке у него четыре миллиона рупий, в его студии занято свыше двух тысяч человек, а сам он разъезжает на «Шевроле» последней марки. Солидные доходы он получает также и от операций на черном рынке и поэтому пьет только «Белую лошадь» — самый дорогой шотландский виски.

Сейчас же он ломает голову над тем, как поэффектнее снять сцену, когда герой и героиня его нового фильма лунной ночью плывут в лодке по озеру Дал. А героиня в это время не находит себе места, потому что посреди озера Дал есть два острова, — один из них называют Золотым, другой — Серебряным, — и она обещала продюсеру и герою, что сегодня съездит с одним на Золотой остров, а с другим — на Серебряный. И вот оба явились за ней — и бедняжка в смятении. В растерянности она переводит взгляд с продюсера на героя и

никак не может решить, с кем же из них она будет спать сегодня ночью.

Таким образом, жизнь в отеле не так проста, как может показаться на первый взгляд: что ни номер, то своя проблема. В банкетном зале пьют виски, болтают, смеются, но в их общении нет простоты и непринужденности: попробуй узнай, как принимать слово собеседника — в шутку или всерьез, ибо те, кто собирается здесь, не любят, чтобы страдала их репутация и тем более капитал. Конечно, каждый из них приехал сюда, чтобы отдохнуть и развлечься, но для большинства Кашмир — это либо фон для кинофильма, либо каолики для фарфоровых заводов, либо какая-нибудь другая возможность приумножить свое состояние. И хотя все эти мужчины и женщины каждый год приезжают в Сринагар единственно ради тех ночных кутежей, которым они здесь с таким упоением предаются, им никогда не суждено по-настоящему насладиться красотой ночного неба, потому что кашмирская ночь, подобно сказочной Лейле, кутается в плащ, сотканный из мрака, и только тот, у кого открытое сердце, способен увидеть ее подлинный облик.

Поэтому и я ступаю за порог отеля с легким замиранием сердца и потом, в безмолвии ночи, долго люблюсь кувшинками, что, склонив на зеркальную гладь озера свои лепестки, купаются в лунном свете.

Когда-то давным-давно в водах озера покопчил счеты с жизнью английский солдат, безнадежно влюбленный в дочку своего начальника. Оба они: и солдат, и его начальник, носивший чин майора, — были англичане, кожа у обоих была белая, оба были сахибами, и все же некая сила помешала им стать родственниками — ведь девушка как-никак была дочерью майора, а он — всего лишь простой солдат, так что дело даже до помолвки не дошло.

Рассказывают, что однажды, вот такой же лунной ночью, влюбленные отправились на озеро Дал, чтобы покататься на лодке. Девушка села на весла, а солдат, устроившись на корме, перебирал струны гитары и негромко напевал грустную песню. Потом они менялись местами, и он садился за весла, а она, опершись о си-

денье белыми, будто цветок яблони, руками, смотрела не отрываясь ему в лицо. На середине озера солдат оставил весла, и они о чем-то долго и почти беззвучно, словно ветерок шелестел в траве, говорили, вдыхая аромат любви, исходивший из их уст. И последними, кто видел их, были звезды да лепестки лотоса, мерно качавшиеся на воде: цветок любви, он знает все ее капризы и причуды.

Потом влюбленные поднялись — и испуганно задрожала под ногами лодка. Девушка со стоном обвила руками шею солдата, он сжал ее в объятиях, подхватил, как ребенка, на руки и прыгнул в воду. По чистой глади озера побежали круги, и серебристая лунная дорожка рассыпалась на тысячи и тысячи звезд; от страха лотосы попрятались под воду, но прошло еще несколько мгновений, и они снова выплыли на поверхность. Не выплыли только солдат и девушка.

Наступило утро. Майор созвал самых лучших пловцов и ныряльщиков. Они обыскали все озеро, но пайти утопленников так никто и не смог. Поэтому местные жители верят, что влюбленные не погибли, а до сих пор живут неподалеку от Золотого острова, там, где, словно вдовы, оплакивающие мужей, склонились над водой развесистые чинары. Рассказывают, что в том месте, скрытый от любопытных взглядов густыми зарослями желтых кувшинок и зеленым ковром озерных водорослей, стоит подводный дворец, — в нем-то и нашли прибежище солдат и девушка.

И тот, кто расскажет вам историю несчастных влюбленных, обязательно добавит, что лунной ночью, когда все вокруг объято сном и на берегах озера нет ни одной живой души, по зеркальной его глади беззвучно скользит одинокая лодка. Вырублена она из цельного ствола чинары, весла на ней сделаны из лотосов, а навес — из зеленых водорослей, колышущихся от легких вздохов почного ветерка.

В этой лодке, шикаре, видны две белые, точно сотканые из тумана, фигуры: мужчина перебирает струны гитары и негромко поет, а женщина, сидя на корме, зачарованно слушает, опираясь о сиденье белыми, будто цветок яблони, руками.

Местные жители чем угодно готовы поклясться, что видели лодку собственными глазами. И вот, вечером,

выйдя из отеля «Пэлас», я тоже увидел ее. В глубоком безмолвии ночи лодка казалась сотканной из лунных лучей. Мужчина, улыбаясь, смотрел на женщину, а та на него. Поглощенные своей любовью, они забыли обо всем на свете, и лодка, покачиваясь, беззвучно скользила по водной глади. Однако нагружена она была изрядно: я разглядел вязанки дров, корзины с зеленью и овощами, на корзинах — цветы лотоса, и среди всей этой клады стояла коза.

Мужчина запел грустную кашмирскую песню:

Не знаю я,
Кто мой соперник,
Что украл у меня твою душу,
Отвратил от меня твои очи.

Песня эта звучала как вопрос, и, уловив его, женщина, застеснявшись, отвернулась, только серебряные подвески в ее ушах ответили певцу легким позвякиванием. А я стоял пораженный: уж не та ли это лодка и не те ли это люди, о которых сложена легенда? Но нет, это были всего лишь местные жители, самые простые, самые заурядные, жители города, которые после тяжелого трудового дня возвращались домой. Сама мысль о романтической смерти покажется дикой этим людям, потому что они привыкли все делить пополам: и любовь и тяжкий труд.

Я иду по дамбе. Внизу тихо струит свои воды Джелам.

Мы оба с ним — странники и прибыли сюда издалека.

В тот день, когда мать дала мне жизнь, я был очень слаб.

В тот день, когда источник Вериная дал жизнь реке, Джелам тоже был очень слаб. Крохотным ручейком отправился он в путь, вбирая в себя другие ручейки и речушки.

Мы оба миновали бурные пороги и тихие заводи жизни, и оба оросили ее нивы и разбудили уснувшие цветы.

Мы оба расчищали города от мусора, дышали их аловонием, и сами пропитались им, точно бродяга, потерявший последнюю надежду.

Мы оба воздвигали мосты, соединявшие людей, устремлялись, подобно лодкам, навстречу себе подобным, и оба вобрали в себя целый мир.

И поэтому Джелам — словно человек, а человек — словно река. Оба они движутся в одном направлении, и вместе с ними движется ночь.

— Бабу-джи!

— Чего тебе? — спрашиваю я.

— Взгляните, бабу-джи: четки из настоящего янтая, перстень с настоящим лазуритом, пепельница из настоящего мрамора, серебряный перстень с настоящим лунным камнем...

— Если это все настоящее, то зачем же тебе надо было тащиться на дамбу?

— Эх, бабу-джи, сразу видно, что вы умный человек, — со вздохом говорит старик. — Этим камням и вправду цены нету, хотя я и отдаю их за какие-то пайсы. Ведь достались они мне от одного ламы из Ладакха³.

— Ну ладно, показывай товар.

Старик — по виду кашмирский брахман — расстилает прямо на тротуаре свою накидку.

Я принимаюсь внимательно рассматривать каждую вещь. Но перстень — увы! — оказывается вовсе не из серебра, а лунный камень, вставленный в оправу, был из той категории, которую любой ювелир списывает в отходы. Мрамор, из которого была выточена пепельница, тоже не бог весть какого качества. Янтарь наверняка подобран где-нибудь на свалке. Зато во всем чувствуется рука настоящего мастера: тщательно вырезанная и отполированная, каждая вещь словно излучает мягкий свет. Больше всего мне нравится перстень. Я равнодушно отвожу от него глаза и спрашиваю, сколько он хочет за то, что не представляет для меня никакого интереса.

— Сколько просишь за пепельницу?

— Сто семьдесят рупий.

— Ого! А за четки?

— Девяносто.

³ Ладакх — горная область в Индии, расположенная к северу от Кашмирской долины.

— Да-а-а!.. Ну, а вот за этот с лазуритом?
— Четыреста.
— А за тот?.. Который из поддельного серебра? — с небрежным видом интересуюсь я.
— С лунным камнем?.. Сорок рупий. Он принадлежал одному тибетскому ламе.
— Но ведь ты только что сказал, что он попал к тебе от ладакхского ламы.
— Его украли у тибетского ламы, переправили в Ладакх, а уж оттуда один лама принес его мне.
— Красная цена твоему перстню — десятка.
— Побойтесь всевышнего! Да в нем один только камень стоит сорок. Кому ж это знать, как не мне! С детских лет драгоценностями торгую. С дедом еще начинал...

Тут я делаю вид, что ухожу.

— Ну хорошо, только для вас — тридцать рупий, — выпаливает мне в спину торговец.

— Восемь, — не оборачиваясь, говорю я.
— Шутить изволите! — испуганно восклицает старик. — Ну так и быть, берите за двадцать.

Я пожимаю плечами и делаю шаг вперед.

— Себе в убыток — пятнадцать! — боясь упустить покупателя, почти умоляет старик. — Подождите!.. Две-надцать!.. Ну ладно... Десять — и перстень ваш!

— Семь — и ни пайсы больше, — твердо говорю я, подходя к продавцу. Он согласно кивает головой, я достаю из кармана семь рупий и беру из его протянутой руки приглянувшийся перстень.

— А камень-то хоть настоящий? — спрашиваю я.

— Камни все до единого поддельные, — огорченно вздыхает старик, — а вот работа... работа настоящая.

— Почему ж ты сразу не называешь настоящую цену? — продолжаю я. — Начал с сорока — скатился до семи... Может, растолкуешь мне?

— Покупатель у нас любит поторговаться, особенно женщины, — лукаво подмигивая, говорит тот. — Женщины — им за пайсы подавай, вишь, брильянты...

Пройдя некоторое расстояние, я замечаю, что у самой реки, куда полого сбегал берег, какой-то мужчина колотит женщину. Она визжит, зовет на помощь, одна-

ко люди, расположившиеся здесь же, у реки, не обращают на нее ни малейшего внимания. В сложенной из кирпичей печурке весело потрескивает огонек, сверху стоит большая сковорода. Пожилая женщина, сидя на корточках, готовит ужин, сноровисто сбрасывая со сковороды подрумяненные кукурузные лепешки прямо на заранее подставленный поднос, а сидящие тут же старик и подросток с аппетитом уписывают их с вареной тыквой. Два паренька сосредоточенно пересчитывают яйца в двух больших плетеных корзинах, а еще один мужчина, зайдя по колено в воду, умывается, побрякивая от удовольствия. У всех у них такой вид, будто рядом с ними вообще ничего не происходит.

Я поспешно спускаюсь к берегу и подхожу к старухе, которая печет лепешки.

— Разве ты не видишь это безобразие?

— Почему не вижу? Вижу...

— И ты, женщина, не хочешь заступиться за нее?

— Так ведь она — его жена...

Тогда я иду к разбушевавшемуся мужу.

— За что ты бьешь ее?

— А она — моя жена, — без тени смущения отвечает он и бьет женщину по лицу. — А ну, говори, откуда взяла подвески? — Он с силой пинает ее ногой.

— Какие еще подвески? — удивляюсь я. — Да погоди ты, не маши руками...

— А вот те самые, что она на себя нацепила! — оптяжело дышит.

— Да неужели серебряные подвески такая дорогая вещь? Может, она купила их, — убеждаю его я. — Скопила три-четыре рупии и купила. Велико дело — подвески! Вот взгляни: я серебряный перстень купил — и всего за семь рупий.

Мужчина грозно поворачивается ко мне.

— С вас, господин, и спросу нет. Не только за семь, хоть за семьдесят покупайте! А она откуда припесла? Мы все день и ночь вкалываем на стройке, а заработка еле-еле на жратву хватает. Откуда тут взяться серебряным подвескам? Вчера не было, а нынче вдруг появились...

— А она сама что говорит?

— Говорит, что нашла. Иду, дескать, гляжу, а они себе лежат... Ах ты, сука подлая! Признавайся, какой

дружок подарил! — и он зло тычет ей кулаком в лицо. Из рассеченной губы по подбородку течет кровь. Как-то странно качнувшись, женщина падает навзничь, — серебряные подвески соскальзывают и беззвучно шлепаются в воду.

Вскрикнув, женщина теряет сознание. Муж не спеша начинает приводить ее в чувство.

— Вы не местные? — спрашиваю я старуху, что печет лепешки.

— Мы пришли сюда из Раджоури, — неторопливо отвечает та. — Все, что было, распродали и пришли... Работаем вот на стройке, таскаем кирпичи. Сыновья — их у меня двое — подторговывают кое-чем по мелочам. Тот, что дрался, — тоже мой сын. А та, что без чувств валяется, — значит, сноха... Старик этот — муж мне, а мальчонка, что с ним ужинает, — внук... В Раджоури-то нам получше жилось. Но что было, все распродали...

— Оставшееся продали, верно, уже здесь, в Сринагаре, — прерываю я ее, но она не отвечает, и, чтобы сменить тему, я спрашиваю:

— Почему лепешку продашь?

Она окидывает меня взглядом, полным презрения.

— Видишь ли, я давным-давно не ел кукурузные лепешки с вареной тыквой, — смутившись, поясняю я. — Детство вспомнилось. За рупию отдашь, а?

— Присаживайся, пожалуйста, присаживайся, — торопливо говорит старик.

Я достаю из кошелька рупию. Старик жадно протягивает руку, но сын опережает его: он выхватывает у меня рупию и, сунув к себе в карман, говорит матери:

— Накорми его и пусть идет, откуда пришел...

Потом он наклоняется над лежащей на земле женой — она к тому времени уже очнулась — и, ткнув ее ногой, рычит:

— Ступай теперь проси прощения у мамыши... А подвески выкинь из головы, не то...

Сноха покорно касается ладонями ступней свекрови. Потом, протянув руки к огню, клянется, что никогда в жизни не наденет подвески. Но, как и всякая красивая женщина, она любит красивые вещи, и ее взгляд то и дело задерживается на моем перстне с лунным камнем. И мне невольно подумалось, что она, красивая

и в то же время почти нищая, непременно наденет подвески и во второй раз, и в третий...

Я перекидываю с руки на руку горячую лепешку, старуха кладет сверху вареную тыкву. Горячий душистый пар ударяет в ноздри, и душа моя исполняется неописуемого блаженства. Мне вдруг по-настоящему хочется есть, и я набрасываюсь на лепешку так, словно целый день у меня во рту не было и маковой росинки...

— Мартини или коньяк?

— Какой суп прикажете?

— Pass me the salt, please ⁴.

Изысканные блюда и комфорт бывшего дворца махараджи ничто по сравнению с этой простой кукурузной лепешкой...

— В отеле «Пэлас» бывал? — отправляя в рот последний кусок лепешки, спрашиваю я, наконец, у мужчины, который только что бил жену.

— Внутри бывать не доводилось.

— А фонтаны в Чашмашахи видел?

— Нет.

— А парк Нишат-баг?

— Не...

— А парк Шалимар-баг?

— Нет... А зачем? Там что, работенку можно найти?

— Работы там не найти, зато эстетическое удовольствие...

— А это еще что такое? — удивляется он.

Что я могу ответить ему? Лучше промолчать. Поэтому, дожевав последние крошки, я перехожу к более понятному:

— Жену-то часто бьешь?

— Один раз в неделю — разве ж это битье? — говорит он, довольный, и, повернувшись к жене, кладет ей в рот кусочек лепешки. — Правда, Джанаки?

И она задорно смеется в ответ.

Полночь. Огни в плавучих гостиницах-барках давно погасли. У берега мирно дремлют шикары. Вдоль дамбы, как солдаты в строю, неподвижно застыли деревья. Нигде ни огонька, ни плеска весла. На улицах, залитых

⁴ Передайте, пожалуйста, соль (англ.).

лунным светом, еле заметны потускневшие, словно погрузившиеся в печаль, фонари. Я стою на мосту Амиракададь, внизу беззвучно струится Джелам.

Прямо передо мной, будто из-под самого моста, вырастает фигура очень тощего человека с длинной седой бородой — это сумасшедший Кадыр. Не спуская с меня глаз, он начинает противно хихикать.

— Чему ты смеешься? — спрашиваю я.

Неожиданно Кадыр становится серьезным. Он долго рассматривает меня, потом начинает экзаменовать:

— Сколько мостов в этом городе?

— Семь.

— Как они называются?

— Вот этот — Амиракададь, потом Аддакададь, Фатехкададь, Джинакададь, — перечисляю я. — Еще есть Аликададь, Навакададь и, наконец, Сафакададь.

— Построено еще два, — не спуская с меня глаз, замечает Кадыр.

— Да.

— А они как называются?

— Не знаю.

— Сколько же всего мостов?

— Девять, — начиная раздражаться, отвечаю я. — Недаром Сринагар называют городом девяти мостов.

— А десятый мост где?

— Десятый мост? Что это еще за десятый мост? — удивляюсь я.

Однако сумасшедший не отвечает. Он смотрит на меня и беззвучно смеется, потом резко поворачивается и, минуя мост, направляется в сторону улицы Харисинха, на ходу выкрикивая.

— Где десятый мост?! Десятый мост где?!

Кадыра часто видят в различных концах города: он бродит по улицам и что-то без конца выкрикивает. Никто, однако, не обращает на него внимания. Его знают все. Он зарабатывает себе на жизнь тем, что пилит дрова на складе неподалеку от моста Сафакададь.

Когда-то лодка Кадыра, нагруженная дровами, ежедневно проплывала под всеми семью мостами, что пересекали Джелам. С силой выгребая против течения, он правил к отелю «Пэлас», где и сдавал свой груз. На склад Кадыр возвращался уже затемно, часам к десяти, и, получив у хозяина свои две с половиной рупии — та-

кова была его дневная оплата, — отправлялся домой. Дома он не спеша съедал то, что подавала ему жена, выпивал чашку крепкого чая и заваливался спать. В жене своей он души не чаял, и о преданной его любви знала вся округа.

Однажды жена Кадыра слегла: по всем признакам, у нее началась холера. Тогда Кадыр взял у хозяина две рупии в долг и принес от знахаря лекарство. Он дал жене лекарство и, как всегда, отправился на работу. Целый день он без устали пилил дрова, а когда выдавался короткий перерыв, бегал взглянуть на жену. Словно гора свалилась на него. Всюду надо было успеть — и за женой ухаживать, и дрова пилить, и в отель их доставлять.

Видя, что рвота у жены не прекращается, Кадыр опять пошел к хозяину и на этот раз попросил взаймы целых десять рупий, чтобы пригласить настоящего доктора и купить лекарство, которое тот пропишет. В ответ хозяин заявил, что не даст ему денег до тех пор, пока он не перепилит все дрова и не доставит их в отель.

Не помня себя, Кадыр бросился домой. Соседи сказали ему, что жена его продолжает мучиться и сейчас лежит еле живая: за день вывернуло так — в гроб и то краше кладут. Он осторожно коснулся рукой покрытого холодным потом лба жены — она была без сознания — и прерывающимся голосом еле слышно проговорил:

— Потерпи, Зейнаб. Дождись меня! Дождись! Поняла? Я сейчас отвезу дрова и вернусь с доктором. Доктор пропишет английские лекарства, и ты сразу поправишься. Поняла? Смотри не умирай, дождись меня!

Сказав все этой своей лежавшей без сознания жене, Кадыр оставил ее и, торопливо нагрузив лодку, взялся за весла. Никогда прежде привычный путь не казался ему таким тяжелым и длинным. У него было ощущение, что он движется не по реке, а по пустыне, в сыпучих песках которой вязнут ноги. Он с такой силой налегал на весла, словно за его спиной стоял грозный надсмотрщик с тяжелым сыромятным бичом. Только сейчас, впервые за все эти годы он сосчитал точно, сколько мостов на Джеламе. Каждый мост, проплывавший над его головой, казался ему огромной безмолвной аркой

скорби. И он еще сильнее налегал на весла и вот, наконец, стрелой промчавшись под всеми мостами, доставил дрова в отель, потом еще стремительнее вернулся к хозяину, выхватил у него из рук десятку и, не чуя под собой ног, кинулся к больной. Но когда, на бегу отирая пот, он примчался домой, Зейнаб была уже мертва — ушла от него далеко-далеко, гораздо дальше, чем все семь мостов, пересекающих Джелам...

Люди рассказывают, что рассудок у Кадыра помутился в тот самый день, когда не стало его жены. Пока на Джеламе было только семь мостов, он приставал ко всем с вопросом — где восьмой мост. Когда возвели восьмой, он стал допытываться, где девятый. А когда построили девятый, ему понадобилось узнать, где десятый. Одно слово — полоумный, а с полоумного какой спрос?

Только голос Кадыра нарушает в эти часы безмолвие улиц и переулков ночного Сринагара:

— Где десятый мост?! Десятый мост — где?!

Джелам протекает и в тех районах города, где никогда не бывают рыбаки, где стоят в два ряда лодки, нагруженные всяким товаром, а на крышах высоких, потемневших от времени особняков растут цветы, где нечистоты выбрасывают прямо в воду и сточные каналы несут в реку зловоние со всех прилегающих улочек и переулков.

Из лагун что теснятся у моста Джинакадаль, — в них живут лодочники — изредка слышны песни...

Жители квартала Ранабари — известные умельцы. На досках орехового дерева они вырезают изящный узор — лапчатые листья чинары, соловей, сидящий на ветке, извилистая линия ручейка...

У моста Амиракадаль живут мастера, известные искусством вышивания: узоры на местных шалих так красочны, что лунный луч в смущении меркнет перед ними.

А здесь, в самом конце квартала Джаддибаль, стоит лачуга Мансура — одна-единственная комнатенка, глинобитные стены, соломенная крыша... Уже далеко за полночь — мои часы показывают ровно два, — а Мансур еще не спит, он расписывает большой красивый кувшин из папье-маше. Причем кувшин этот — подлинное про-

изведение искусства, формой и рисунком своим воскрешающее в памяти рубаи Омара Хайяма⁵. В углу жена Мансура делает из папье-маше шкатулку для драгоценностей. Затейливый узор, украшающий шкатулку, живо напоминает орнамент на стенах Тадж Махала⁶, хотя изготовлена она вовсе не из мрамора, а из простого папье-маше.

Мансур Илахи — мой друг, поэтому я запросто захожу к нему.

— Уж два часа ночи, — говорю я. — Спать-то когда будешь?

— Когда пальцы перестанут двигаться, — отвечает он.

— А глаза перестанут видеть, — угрюмо бросает его жена из своего угла.

Я молчу — мне нечего сказать ей.

— Хоть бы чаем, что ли, угостила, — говорю я наконец.

Она молча наливает пиалу крепкого чая и так же молча подает мне. Ароматный золотисто-коричневый напиток слегка горчит, но мне нравится такой чай.

— Официант, бутылку виски!

— Еще глоток martini, darling⁷. Твой взор хмельной манит меня...

— Наполним бокалы! Пусть шампанское льется рекой!..

— Скажи, Мансур, тебе приходилось бывать в отеле «Пэлас»?

— Частенько хожу туда. И завтра наведаюсь. Ведь это там заказали мне кувшин и шкатулку. Господин, что сделал заказ, завтра уезжает в Лондон, потому я и тороплюсь закончить работу.

Я осматриваю убогую обстановку лачуги. Обмазан-

⁵ Омар Хайям (XI—XII вв.) — классик персидско-таджикской литературы, прославившийся своими лирико-философскими рубаи (четверостишиями); кувшин, полный вина, — один из привычных образов поэзии Хайяма.

⁶ Тадж Махал — знаменитый памятник индийского средневекового зодчества, гробница, сооруженная из белоснежного мрамора, украшенного топкой резьбой; находится в городе Агре.

⁷ Дорогой, дорогая (англ.).

ные желтой глиной стены, земляной пол, слева от входа — два больших глиняных кувшина, справа — несколько пустых ведер, у стены — очаг и какая-то посуда. В спертom воздухе комнатенки чувствуется запах гнили. Жена Мансура натужно кашляет, и в такт глухим лающим звукам тело ее вздрагивает, как бревна старого моста, когда по нему проезжает грузовик.

— Ну, слава всевышнему, готово!

— Что готово? — спрашиваю я.

— Кувшин, что же еще, — и, подойдя поближе к свету, Мансур показывает мне свою работу. Расписанный яркими, сочными красками кувшин, кажется, сам испускает сияние — точно луч солнца ворвался в полумрак лачуги. Я не могу не залюбоваться творением его рук. Неужели такую красоту, такое изящество и мягкость линий создали заскорузлые пальцы моего друга Мансура? И взгляд мой невольно скользит по голым стенам комнатенки, в которой родилось это рукотворное чудо.

— Вот тут остался свободный уголок, это для изречения, — говорит Мансур, показывая мне арку, изображенную на поверхности кувшина. — Напомни мне, пожалуйста, что-нибудь получше.

Я снова перевожу взгляд с бесценного произведения искусства на измученные лица Мансура и его жены, потом на жалкую обстановку их комнатенки, ее голые глинобитные стены, крытую соломой крышу... С трудом мне удается что-то вспомнить:

Со мной повсюду ищет встречи
Лишь тот, кто жаждою томим.

— Очень хорошо, очень! — говорит Мансур, покачивая головой, и принимается старательно выводить затейливую арабскую вязь.

Ночь все не хочет выпускать из объятий спящий Сринагар. Тихо струит свои воды Джелам. Повсюду разлиты покой и умиротворенность. Почему же мне хочется рвануть на себе рубаху и закричать, как безумный Кадыр, завопить так, чтобы слышали все:

— Где же он, где десятый мост?! Где многоцветная арка мечтаний, чаяний и надежд, что соединит нищий квартал Джаддибаль с утопающим в роскоши отелем «Пэлас»?!

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>И. Д. Серебряков</i>	3
ДЕЛИ	
Мохан Ракеш. Делийский калейдоскоп. <i>Пер. В. А. Чернышева</i>	9
Камалешвар. Утраченные горизонты. <i>Пер. В. И. Балина</i>	22
Нирмал Варма. Влюбленные. <i>Пер. А. Н. Сенкевича</i>	37
Шрикрант Варма. Заметка в номер. <i>Пер. А. Н. Сенкевича</i>	49
БОМБЕЙ	
Ходжа Ахмад Аббас. Бомбейская ночь. <i>Пер. В. А. Чернышева</i>	57
КАЛЬКУТТА	
Раджендра Ядав. Ночная Калькутта. <i>Пер. В. А. Чернышева</i>	69
БЕНАРЕС	
Амритрай. Прогулка по Бенаресу. <i>Пер. В. А. Чернышева</i>	85
Бхипшам Сахни. Ревнитель древней веры. <i>Пер. В. А. Чернышева</i>	100
АЛЛАХАБАД	
Камалешвар. Воспоминание об Аллахабаде. <i>Пер. В. А. Чернышева</i>	110
Упендранатх Ашк. Чумазы сахибы. <i>Пер. В. И. Балина</i>	127
ЛАКХНАУ	
Амритлал Нагар. Лакхнауские этюды. <i>Пер. В. А. Чернышева</i>	137
АМРИТСАР	
Вирендра Кумар Джайн. Постовой из Амритсара. <i>Пер. В. А. Чернышева</i>	150
ХАЙДАРАБАД	
Праяг Шукла. Приезжий в Хайдарабаде. <i>Пер. В. А. Чернышева</i>	162
СРИНАГАР	
Кришан Чандар. Ночь в Сринагаре. <i>Пер. В. А. Чернышева</i>	174

ПРИ БЛЕСКЕ ДНЯ,
ВО МРАКЕ НОЧИ

Рассказы об индийских городах

Редактор *Л. Ш. Рожанский*

Младший редактор *И. П. Бабенышево*

Художник *Э. С. Зарянский*

Художественный редактор *Э. Л. Эрман*

Технический редактор *М. В. Повоскина*

Корректор *Л. С. Кузнецова*

ИБ № 14034

Сдано в набор 19.03.80. Подписано к печати
02.09.80. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типограф-
ская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая».
Печать высокая. Усл. п. л. 10,08. Уч.-изд. л.
9,94. Тираж 50 000 экз. Изд. № 4778. Тип,
зак. 4909. Цена 1 р.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина
типография «Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16.

